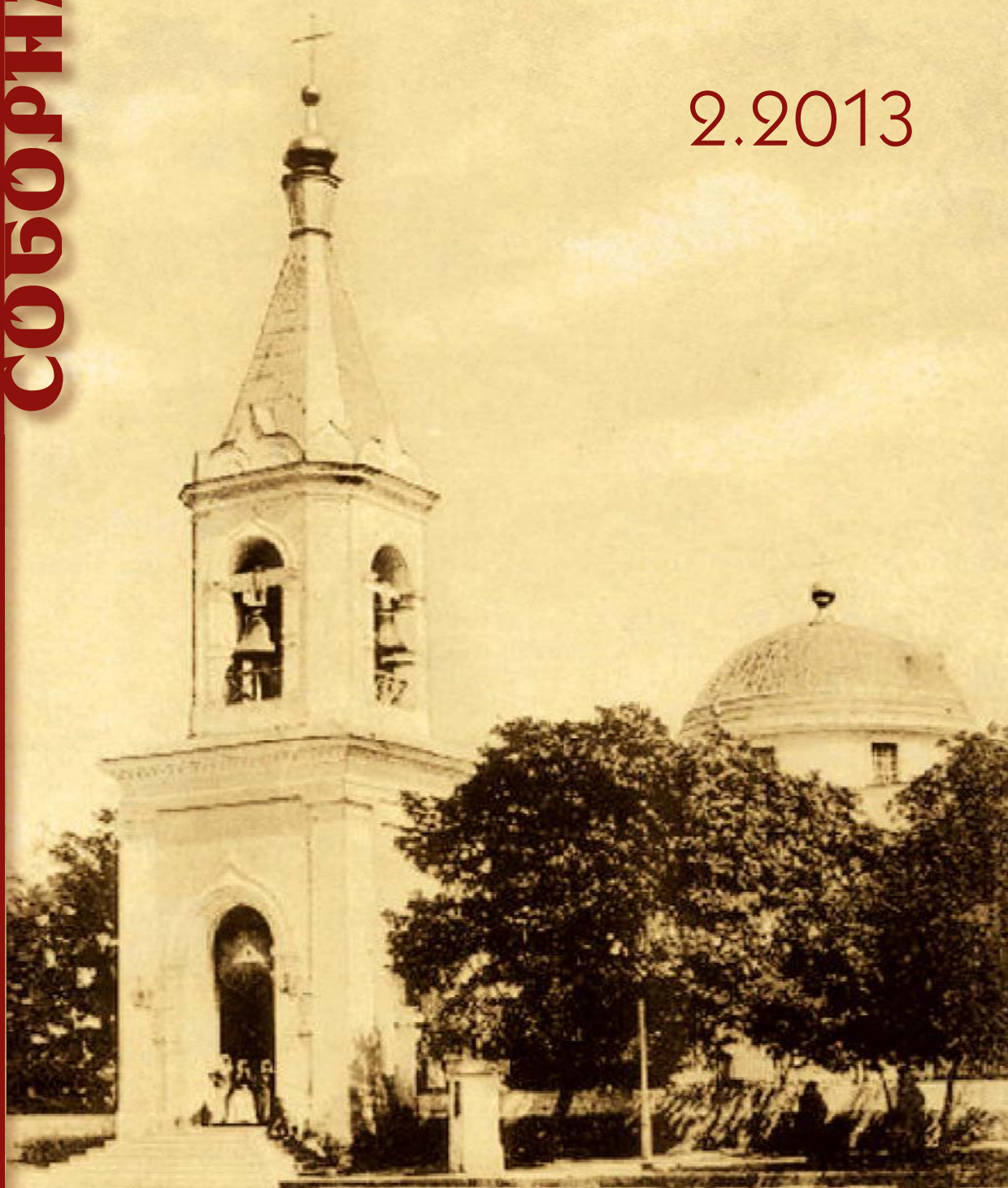

**СОБОРНАЯ УЛИЦА
СОБОРНА ВУЛИЦЯ**

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2.2013

Андрій Антонюк «Білі хмари»

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№ 2 (5) 2013 р.**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(випусковий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Олена СИМОНЕНКО
Світлана СКИБА
Тетяна ФАБРИКОВА
Олександр ХАЄЦЬКИЙ

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г.В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 13,95
Замовлення № 130-07
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидання,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки**

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**2
2013**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Владимир ПУЧКОВ: Ностальгия по настоящему.....	3
---	---

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Леонид ШКАРУБА: Овидий и варвары: встреча двух миров.....	6
--	---

ПОЭЗИЯ

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ: Зреющая тишина.....	13
Юрій ЗІНЬКОВСЬКИЙ: Ледь осяяний хризантемами.....	19
Алексей ТОРХОВ: Во сыры небеса.....	32
Ірина РЕУЛЕЦЬ: Несу до храму тільки спів.....	38
Ольга СКВИРСКАЯ: Камышовым стилетом июля.....	44
Роман СКИБА: Я живу в телефонній буді.....	90

ПРОЗА

Илья СТАРИКОВ: Траектория полёта. <i>Новелла</i>	25
Татьяна ГРАЧЁВА: Рассказы.....	41

ПУБЛИЦИСТИКА

Наш современник – Валерий Ганичев	47
Александр МИТРОФАНОВ: По следам «Маленького героя».....	48
Виктор ДУБОВИК: Нам было по девятнадцать. <i>Тендровская история</i>	61
Евгений ПАРАМОНОВ: Пылинки памяти. Два фрагмента.....	78

ВЫШЕ ВАТЕРЛИНИИ

Оксана ЕВЗИКОВА: Поэтический уровень погружения: «Ватерлиния – 2013».....	84
--	----

МАСТЕРСКАЯ

Голгофа Андрея Антонюка. Реквием	4
Екатерина НАТОЧА: Михаил Озёрный: «Природа – лучший художник».....	94

АРХИВ

Лідія ГУЛЬКО: Блиск і злигодні миколаївського Цицерона.....	98
Влас ДОРОШЕВИЧ: Еврейский погром в Николаеве (1899 г.).....	104
Владимир ЩУКИН: Как это происходило в Украине. (<i>Послесловие</i>).....	111

ЭКСЛИБРИС

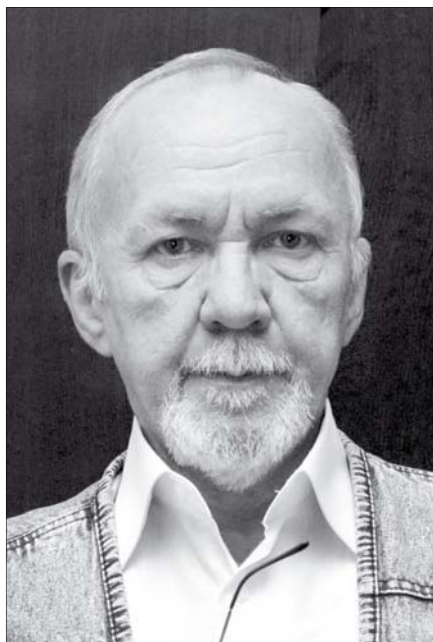
Евгений Гордеев: Корабельные сны Александра Вычерова.....	114
--	-----

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Владлена РУССОВА: Несподівана сторінка краєзнавчого шевченкознавства.....	116
Александр К. ИВАНОВ: Избираю «Избранное». <i>О новой книге А. Малярова</i>	117

ОБЛОЖКА

Володимир ЩУКІН: Адміралтейський собор.....	119
--	-----

НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ

*Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую
не по прошлому ностальгию –
ностальгию по настоящему.*

Крылатые строки Андрея Вознесенского – из числа тех, которые не только помогли сформулировать ощущения многих тысяч людей, но и с годами не утрачивают своих пророческих свойств. Оглянитесь вокруг: мир стремительно полнится эрзац-заменителями, суррогатами, имитациями. Нередко копии выглядят наряднее оригиналов, а суррогатные продукты – привлекательнее и даже вкуснее настоящих. Это приводит к полному искажению картины мира в головах.

Помню строку когда-то популярнейшего поэта (я бы даже сказал – поп-поэта), которого любил «массовый читатель» с неприятным вкусом – от пэтэушниц до персональных пенсионерок: «Ветер пахнет таким ароматом цветов, словно только что был в парикмахерской он». Кто на кого похож? Что с чем сравнивается? Видите, как всё поставлено с ног на голову: натуральный живой ветер, несущий запахи природы, оказывается, похож на... парфюмерные ароматы одеколонов и лосьонов. А не наоборот!

Такие кульбиты то и дело проворачиваются на наших глазах и в головах. Мы даже не подозреваем порой, из чего изготовлены всяческие «чипсы» и «фанты», которые едим и пьем, насколько натуральны пышные причёски и телесные выпуклости теледив.

В том, что касается пищи духовной, коммерческих суррогатов не меньше. Из набора заготовок, как из пластмассовых кубиков, сооружаются песенки-однодневки и «отпускные романчики» с пистолетами и роковыми красавицами на обложках. Компьютер-синтезатор за минуты сварганит музыкальное варево, которое «вдохновенный творец» лишь сдобрит модной приправой. Из сериала в сериал кочуют клишированные персонажи. И даже хохот за кадром подсказывает, где именно надо смеяться. Суррогаты делают нас идиотами.

Но не всё так плохо. Настоящее стремительно растёт в цене. Потому что оно – редкость. С ростом заменителей и имитаций – эксклюзив дорожает.

Впрочем, спрос покамест невысок. Те, кто умеет отличить настоящее от подделки, – как правило, не платежеспособны. А те, у кого власть и тугая мощна, – редко испытывают потребность в развитии вкуса. Они уверены, что с этим делом у них всё в порядке...

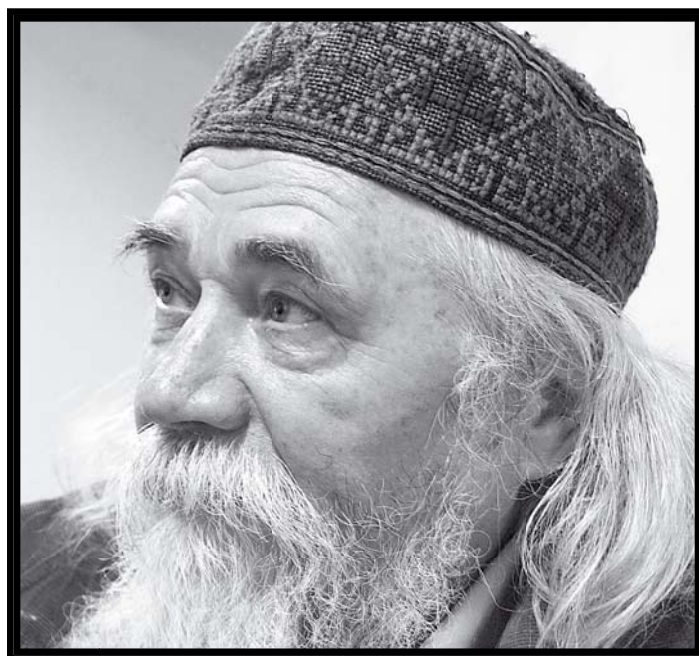
...«Ностальгия по настоящему» вновь охватила меня этим летом на набережной Яузы в Москве, где на знаменитой сталинской «высотке» открывали мемориальную доску памяти Андрея Вознесенского. Телекамер и фотообъективов было больше, чем немногочисленных, главным образом, пожилых, поклонников и поклонниц великого поэта. Звучали ёмкие умные речи: композитор Алексей Рыбников, поэты Олег Хлебников и Юрий Кублановский, дирижёр Владимир Спиваков – все настоящие! И как их мало!..

А вокруг бушует и пенится жизнь – на афишах и экранах красуются поп-звёзды и модные «властители дум». От монументального Церетели и гламурного Никаса Сафронова – до Андрея Малахова, Ксюши Собчак и прочих «поющих трусов». Как их много! Ох, подумалось, как важно в эти дикие времена не только ностальгировать, но и находить возможности вовремя заметить, оценить и поддержать зарождающиеся крупницы НАСТОЯЩЕГО.

Владимир ПУЧКОВ

ГОЛГОФА АНДРЕЯ АНТОНЮКА

Сорок три года он был с нами, а мы – с ним. Именно 43, с памятного 1970 года, когда Андрея Даниловича Антонюка приняли в вожделенный Союз художников СССР и ему было предложено выбрать себе квартиру в высотном Доме художника и мастерскую там же. Там он и остался в нашей памяти с многочисленных встреч – квартира 9, мастерская 16. И когда был в творческом экстазе, и когда делал – хлеба насущного ради – панно для клубов и библиотек области и самого Николаева, на пару с женой Еленой Червоненко, замечательным мастером анималистического искусства, всегда можно было позвонить к Андрею в квартиру или постучать костяшками пальцев в обитую железом дверь мастерской. А рядом с ним были мастерские Анатолия Завгороднего, первого заслуженного художника Украинской ССР в Николаеве, под № 15; под № 17 – творческая мастерская заслуженного деятеля искусств, первого председателя Николаевской организации СХ СССР Николая Бережного. В 70–80-е годы XX столетия в Николаеве сформировалась целая школа живописи, графики, скульптуры, значительная и яркая даже на фоне уже знаменитых школ изобразительного искусства Киева, Львова, Харькова, Одессы... Но Андрей Антонюк всегда был самобытен и узнаваем даже на фоне своих преуспевающих коллег, а это действительно великие мастера, оставшиеся в искусстве навсегда в силу великого таланта или по сей час действующие в силовом поле живописи, графики, пластического и монументального искусства. Вспомним и не забудем первого народного художника Украины М. Ряснянского, тепло относившегося к молодому А. Антонюку, первого заслуженного художника Украины А. Завгороднего, а также прекрасных мастеров М. Никитина, А. Семёнова, С. Козловского, В. Фирсова, В. Ольшанского, Н. Мандрикову, Ю. Стешина и других, чей вклад в сокровищницу искусства – огромен. И сейчас подвижнически творят С. Сенкевич – заслуженный деятель искусств Украины, народный художник Украины Н. Бережной, лауреаты Шевченковской премии М. Озёрный и В. Семернёв, заслуженный деятель искусств и заслуженный художник Украины, заслуженный деятель искусств и председатель НОО НСХУ О. Приходько, заслуженный художник Украины В. Бахтов и прекрасная художница Т. Бахтова, заслуженный художник Украины И. Булавицкий, а также В. Купцов, А. Матийко, Т. Купцова и многие другие зрелые и молодые мастера.

Андрей Данилович прожил необыкновенную жизнь. С самых азов изобразительного искусства. Окончив Первомайскую среднюю школу № 17 на Богополе в Первомайске, художественно одарённый юноша поступил в Одесское художественное училище имени Митрофана Грекова, автора известной картины «Первая конная», признанного мастера. Там же произошло знакомство сельского паренька из Первомайщины с будущей женой – дочь известных художников из Волгограда Александра Червоненко и Надежды Черниковой тоже поступила в то самое художественное училище в далёкой и привлекательной Одессе. Родители Елены были друзьями и соратниками Евгения Вучетича,

создателя мемориального комплекса в Волгограде, квартиру и мастерские имели в том самом, ещё сталинградском, доме, в подвале гастронома которого находился последний штаб фельдмаршала Ф. Паулюса. Элита советского высокого стиля и зять – бунтарь, участник ещё квартирных московских выставок, в т.ч. на квартире академика А.Д. Сахарова – всё это тоже жизнь семьи А. Антонюка – Е. Червоненко, детские годы их сына, оригинального ныне художника Даниила, внука Марка...

После окончания в 1962 г. Одесского художественного училища Андрею пришлось поработать и на Закарпатье, в г. Мукачево, где он сочетался браком с любимой девушкой Еленой, и познакомиться с выдающимися мастерами закарпатской школы живописи. Определённое влияние на А. Антонюка оказал народный художник Украины Ф. Манайло, художник-консультант кинофильма «Тени забытых предков», очень оригинальный художник европейского образца. Неповторимая живопись Антонюка, сложная иконографическая манера, как бы «жития» реальных людей, уже в 70-80-е годы принесли Андрею заслуженную славу. Многие его работы появились в музеях Старого и Нового мира, были приобретены в частные коллекции США, Японии, Канады, Испании, Франции, ФРГ и других стран. Особо значимыми событиями творческой биографии Андрея Антонюка стали персональные выставки в Одессе (1980), Львове (1986), Николаеве (1987), Монреале (1990), Детройте и других североамериканских городах (2005). А ведь ещё была персональная выставка в Новосибирском отделении АН СССР. Были ещё его публикации во всесоюзных журналах «Огонёк», «Юность», «Дружба народов» и в украинских журналах «Ранок», «Вітчизна», «Київ», «Україна»...

Несомненно, у каждого художника есть излюбленная манера письма, любимая техника, самые знаменитые картины, эстампы и пр. Достаточно взглянуть на любую картину, написанную темперой, или на акварель А. Антонюка – и ты узнаешь его неповторимый стиль, изобразительную палитру. Знаковые творения нашего гениального земляка – это «Моя Венеция» и «Чистая вода», «В каземате», «На Синюхе», «Голгофа», «Царь-Колос» и «Пасха». Библейские сюжеты и народная мифология, оригинальная художническая фантазия – всё в творчестве А. Антонюка обрело своеобычные формы. Поэтому его с восхищением принимали и знаменитый Борис Возницкий во Львове, и меценат из Канады или США, и директор народно-этнологического музея в Свиднике, в Словацкой Республике, и в Санкт-Петербурге. Андрей Антонюк – лауреат Государственной премии Украины имени Т.Г. Шевченко (премию ему вручал Олесь Гончар ещё в 1994 г.), лауреат премии имени В.С. Стуса, кавалер ордена «Золотой трезуб» и лауреат Золотой медали Национальной академии художеств и архитектуры – был награжден также Золотой медалью Фонда культуры Российской Федерации, почётными наградами Сербии и Черногории. Вряд ли забыли его имя после триумфальной выставки в Шанхае, в Китае. Или в Японии, где вот-вот должна была открыться его персональная выставка. Всё самоценное было в образе Андрея, в его аскетическом житии, особенно после потери любимой жены. И, конечно, в творениях нашего знаменитейшего земляка. Низко склоняем свои головы перед его нетленной памятью, пред негасимой лампадой его гениального творчества, украинского по духу, всечеловеческого по магической силе искусства.

От имени художественной и гуманитарной общественности Николаева и области:

председатель НОО Национального союза писателей Украины Дмитро КРЕМИНЬ, председатель НОО Союза писателей России Вячеслав КАЧУРИН, председатель НОО Национального союза журналистов Украины Николай СТЕЦЕНКО, председатель НОО ВТС «Конгресс литераторов Украины» Алексей ТОРХОВ, председатель Конгресса независимой прессы Всемирного Конгресса украинцев Виталий КАРПЕНКО, писатели, журналисты, работники культуры – Илья СТАРИКОВ, Владимир ПУЧКОВ, Екатерина ГОЛУБКОВА, Анатолий МАЛЯРОВ, Евгений МИРОШНИЧЕНКО, Альберт ВЕРБЕЦ, Тарас КРЕМИНЬ, Татьяна ЯРОВАЯ, Михаил КОВАЛЕВСКИЙ, Евгений ДОЛГОВ, Александр ИВАНОВ и др., всего 250 подписей.

Фотография – В. Некрасов

Леонид ШКАРУБА

ОВИДИЙ И ВАРВАРЫ: ВСТРЕЧА ДВУХ МИРОВ

История Причерноморья тесно связана с античным миром, и это не только Херсонес, Таврида, Ольвия, Дикий сад. Причерноморье – регион, в котором длительное время взаимодействовали две культуры – античная и варварская в её различных вариациях.

На берегах Понта

Тема «Овидий в ссылке» не является новой для литературоведения и достаточно хорошо освещена с разных сторон, но это не значит, что она исчерпана и тем самым закрыта. Отношение опального римского поэта к миру варваров, с которым он столкнулся лицом к лицу во время ссылки, некоторыми авторами толкуется превратно и не совсем соответствует действительности. Например, В.Е. Шамбаров пишет следующее: «Ярким примером традиционной нелюбознательности ко всему чужому и «римоцентризма» может послужить Овидий, сосланный Августом в Томы (Констанца) и проживший там девять лет. В его элегиях и письмах оттуда преобладают ностальгические воспоминания о римской жизни и бесконечные жалобы на её утрату. И ни единой новой живой детали об окружающей его стране! Все отрывочные упоминания о ней... содержат лишь заведомо известные в Риме и повторяемые из более ранних работ факты о суровости здешних зим и «дикости» местных «варваров». Овидий даже гордился тем, что в течение долгих лет сумел остаться «настоящим римлянином» и не выучил ни одного «варварского» слова! Отчего, мол, и подвергался насмешкам местных жителей».

Между строк этого пассажа так и читается, что уж автор, окажись он на месте Овидия в ссылке, проявил бы максимум любопытства и сообщил бы читателям массу новых фактов о стране гетов. Но что было делать Овидию, если действительно зимы в Томах были суровыми, если на самом деле жизнь в этих местах была очень опасной. Однако то, что раньше поэт знал из рассказов других, сейчас ему стало знакомо из личного опыта. Оказывается, Овидий не только заговорил на двух варварских языках, но и писал на них стихи, а жители Томов относились к поэту с большой симпатией и даже освободили его от уплаты налогов (возникает сомнение: а читал ли автор самого Овидия?). Интересует именно этот аспект – Овидий, носитель утончённой римской культуры, среди варваров, имеющих свои представления о мире и человеке.

Обстоятельства ссылки Овидия в Томы достаточно хорошо изучены, но от этого они не стали более достоверными и ясными. Можно сказать, что несомненен только сам факт ссылки, о её же причинах высказываются лишь предположения. В общих чертах они выглядят следующим образом.

Длительный и кровавый период гражданских войн в Риме закончился установлением в 43 г. до н.э. так называемого принципата Августа. Республиканская форма правления уходила в прошлое и была обречена всем ходом исторического развития античной цивилизации, но в сознании римлян, особенно элиты Рима, суровые идеалы доброго республиканского времени ещё долгое время сохраняли свою притягательную силу. Давно ожидаемый мир принёс Риму резкий рост материального благополучия. Молодое поколение повело себя более раскованно и свободно, удовлетворяя личные потребности и мало думая о благе отечества, в отличие от своих отцов, увидевших в новом образе жизни падение нравов. Овидий с радостью принял новый образ жизни, особенно многое изменившийся в отношениях между полами, и не только принял, но и воспел его в «Любовных элегиях» и «Науке любви», принёсших молодому поэту славу и известность. Однако эти же произведения сослужили поэту плохую службу – они стали поводом для удаления Овидия из вечного города.

*Древнеримский поэт Публий Овидий Назон
(ксилографическая иллюстрация из «Нюрнбергской хроники». 1493 г.)*

Скорее всего, поэт превратился в невольную жертву борьбы за власть, развернувшуюся вокруг стареющего Августа. Брак Августа и Ливии был бездетным. Август хотел передать власть в Риме детям Юлии – старшей дочери от первого брака Августа, а Ливия видела в своём сыне Тиберии преемника Августа. Ливии удалось добиться обвинения Юлии младшей, дочери Юлии старшей, в безнравственном поведении (обе Юлии отнюдь не блистали нравственным образом жизни). Юлия младшая, внучка принцепса, отправилась в пожизненное заключение на один из островов в Адриатике.

В этом же году (8 г. н.э.) суровое наказание в виде ссылки в далёкие томы обрушилось на певца «науки страсти нежной»: Август, чтобы ослабить резонанс от скандала в своём семействе, дал понять, что нравственный упадок охватил всё общество, несмотря на усилия правителя восстановить прежние нравы. Овидий, проповедник и певец свободной любви, оказался удобным козлом отпущения, его примерное наказание должно было отвлечь общество от неприглядных событий в семье Августа. Так 50-летний поэт, привыкший к благополучной жизни в Риме, вынужден был навсегда покинуть его.

В «Скорбных элегиях» и «Письмах с Понта» Овидий часто упоминает некий свой «проступок», не конкретизируя, в чём именно он состоял, а также подчёркивает, что не совершал никакого злодеяния: «Пусть я кару несу по заслугам, но умысла злого // Нет в проступке моём: непреднамерен я был». Неоднократно поэт пишет о том, что виновницей его несчастья стала Муза, т.е. общий характер творчества: «Тем справедливей она (Муза. – Л. Ш.), что мне повредила когда-то, // Что и её обвинял вместе со мною судья».

Знают об истинных причинах ссылки и римляне: «Этой причина беды даже слишком известна повсюду». Но ни в каких римских источниках, кроме произведений самого Овидия, не говорится о ссылке поэта. Отсюда можно сделать вывод, что «слишком известная всюду причина» и есть любовная лирика Овидия, давшая повод для обвинения в безнравственности.

Слово «варвар» происходит от греческого «барбарос» – «непонятно болтающий», «плохо говорящий». Так греки называли представителей всех народов, язык которых был для эллинов непонятен и

казался неблагозвучным. По мнению греков, все негреки – уже варвары, грек рождён для свободы, а варвар – для рабства. Долгое время греки воспринимали даже римлян как варваров, да и сами римляне иногда называли себя варварами (в комедиях Плавта), пока греческий язык и греческая культура не укоренились в италийской среде; с той поры варварами стали называться народы, находящиеся вне сферы влияния греко-римской культуры или отличавшиеся более низким уровнем развития.

Овидий плыл в Томы, обуреваемый мрачными предчувствиями, не ожидая ничего хорошего от жизни в варварской земле. В последней элегии Книги I содержится описание бури, застигшей корабль со ссылкой поэтом у самых берегов варварских земель. Оно служит своеобразным введением в собственно варварскую тему. Поэт подплывает к месту ссылки с мрачными предчувствиями:

Буря ревнует стяжать славу убийцы моей.

Слева – варварский край: на поживу жадный, привык он

В войнах, в крови, в резне верной добычи искать.

Весной 9 г. н.э. Овидий после утомительного плавания прибыл в Томы. Это был маленький городок, основанный (как и наша Ольвия) выходцами из Милета в середине VII в. до н.э. недалеко от Дуная и всего лишь за тридцать лет до появления здесь Овидия принятый под римский протекторат. На латинском языке здесь не говорил никто: большинство горожан составляли буйные и драчливые геты и сарматы, меньшинство – греки, давно перенявшие и варварский выговор, и варварскую одежду. Климат был более суровый, чем теперь: каждую зиму Дунай (греки называли его Истром, позднее утвердилось римское название Данувий) покрывался крепким льдом. За Дунаем жили кочевые и полукочевые геты и сарматы, которые при каждом удобном случае опустошали окрестности Томов, подступали к самым стенам города и посылали стрелы на его улицы. Связь с остальным миром едва поддерживалась: только летом корабли приносили слухи о том, что происходило в Риме и провинциях. Словом, трудно было найти бóльшую противоположность тому миру светского изящества и обходительности, в котором Овидий жил до ссылки. Со времён Августа Дунай стал границей римского государства с северными варварами, и Овидий оказался в буквальном смысле на самом краю римского, т.е. цивилизованного, мира – обстоятельство, которое часто подчёркивается поэтом.

Дальше и нет ничего: лишь враги, морозы и море.

Где от мороза зимой отвердевает волна.

Это римский рубеж у левого берега Понта...

Поэт живёт «неведомо где, у краёв неизвестного мира», «за пределами стран и народов», не упускает возможность отметить, что место ссылки находится «у левого берега Понта» – Балканское побережье Чёрного моря официально называлось Левым берегом, а левая сторона в греческих представлениях считалась неблагоприятной, что ещё раз подчёркивает тяжесть наказания.

«Элегии» и «Письма» насыщены географическими и этнографическими сведениями о Западном и Северном Причерноморье. Овидий упоминает Боспор Киммерийский (нынешний Керченский полуостров), Танаис (Дон), Меотиду (Азовское море). В письме к Альбиновану поэт называет реки, впадающие в Понт, в том числе Тир (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр), упоминает многочисленные варварские племена, в том числе сарматов и их предшественников скифов, тавров, меотов – народ в восточной Скифии, на берегах Азовского моря. Овидий обладает широким географическим кругозором на уровне своего времени и вписывает место своей ссылки в точные пространственные координаты. Интерес к географии вообще характерен для античной культуры, что объясняется и её мифологической основой (мифы тесно связаны с тем или иным регионом), и естественным любопытством «цивилизованных» греко-римлян к другим народам, с которыми они сравнивали себя. Но то, что представляло для других авторов «академический» интерес и могло быть данью моде, для Овидия было конкретной реальностью, воспринимаемой не издалека, из Рима, а в непосредственном контакте с местностью, о которой раньше поэт знал только по рассказам и книгам. География варварских краёв пропущена Овидием через личное восприятие, она стала для него живой, осязаемой. Этот аспект «варварского» периода творчества Овидия очень ценен сейчас для истории литературы и культуры.

Новые места, в которые поэт заброшен несчастьем, воспринимаются им сквозь призму представлений человека, владеющего всеми богатствами античного мировосприятия, с его достоинствами и недостатками.

Овидию интересна история города Тома, его привлекает миф, связанный с происхождением названия города, – этому посвящена Элегия 9 из Книги третьей.

Название «Тома», как указывают комментаторы, по-видимому, фракийского происхождения и означает «выступ», но греческая народная этимология толковала это название как «разрезы» и связывала его с мифом о том, как Медея убила своего брата Абсирта и разбросала куски его тела, чтобы задержать погоню их отца Эета. В подтверждение такого происхождения названия города Овидий повторяет известный миф о Мееде. «Томами с той поры зовётся место, где тело // Брата родного сестра острым мечом рассекла». Этот миф о кровавых преступлениях выполняет не только этимологическую функцию, он ещё раз подчёркивает, что поэт сослан в гибельный край, омытый кровью ещё в давние времена.

Где живут боги?

Первые непосредственные впечатления от гетской земли оправдали худшие опасения поэта: стужа (именно на неё чаще жалуется Овидий), неудобный дом, отсутствие подходящей еды, непригодная (солёная) вода. Неприятие Овидием местного климата сочетается с крайне негативным отношением и к людям, населяющим эти гиблые места.

*Вкруг – сарматы, народ дикарей, и бесы, и геты –
Как унижают мой дар этих племен имена!*

«Скорбные элегии. Письма с Понта»

Неподвижный подо льдом Понт с вмёрзшей рыбой, «полудикий» Истр, по которому «на конях проносится враг» или едет «воз с воловьей упряжкой», солёная вода («здесь мы болотную воду пьём с солью морской пополам»), печальная полынь в голой степи, чахлые деревья – вот привычные для Овидия детали, которыми он пользуется при описании края. Суровая земля «марсолюбивых» гетов несколько раз противопоставляется благодатной Италии. Например, Элегия 12 Книги третьей начинается с описания италийской весны, от картины италийской природы в состоянии расцвета Овидий переходит к воспоминаниям о римской жизни с её игрищами, форумами, суетой, красноречием, театрами. Но не такова действительность, окружающая ссыльного поэта: «Здесь же слежу я, как снег под весенними тает лучами, // Как перестали ломать крепкий на озере лед».

Отношение Овидия к гетско-скифско-сарматским местам весьма характерно с точки зрения культурологии. Овидий – носитель античной культурной традиции, упорядочивающей, гармонизирующей отношения между природой и человеком. Акведук, подающий воду в город, воспринимается римлянином прежде всего как знак цивилизованной, окультуренной природы. Римский инженер Фронтин считал настоящим чудом света не египетские пирамиды, не храм, а водопровод, удовлетворяющий потребности людей в воде. Выражением античного отношения к природе в его римском, очень рационалистическом, варианте является поэма Вергилия «Георгики», рассказывающая о сельскохозяйственных работах, в этом же духе созданы трактаты Катона Старшего, Колумеллы о грамотном ведении хозяйства. Все они учат, как надо возделывать природу, окультуривать её (примечательно, что само слово «культура» – римского происхождения), вносить в неё человеческое начало.

Варварский край некультурен, здесь не видно хлебопашца, у земли нет хозяина, никто не возделывает виноград, овцы дают грубую шерсть, женщины не прядут её. Необработанная земля – всё равно что мёртвая («как неживая лежит, брошена всеми, земля»). Показательно, что в некультуренной, варварской земле античное сознание не находит привычных ему богов: боги живут только в «античной», т.е. цивилизованной, природе, освоенной человеком. Мифологические ассоциации и параллели возникают в «Скорбных элегиях» и «Письмах с Понта» только тогда, когда речь заходит о привычном, традиционном для античного человека мире. В варварских краях античные боги не живут.

Но если в отношении к «варварской» природе Овидий остался истинным носителем античной культуры, то по отношению к самим варварам и их языку Овидий преодолевает «комплекс полноценности» античной культуры по отношению к «неполноценной» культуре варваров.

В первых элегиях, которые мы уже цитировали, сквозит крайне негативное отношение к обитателям Причерноморья, поэт не принимает ни их нравы, ни их одежду, ни их язык. «Ни на каком языке не могу говорить с дикарями», – признаётся Овидий, уши которого в течение долгого времени были «оглушены и фракийской молвью, и скифской». Но постепенно Овидий разводит по разные стороны своё восприятие местной природы и климата и отношение к горожанам, томитам. В начале письма к Тутикану мы находим обычные для Овидия строки:

*Хуже, чем ниве сорняк, ненавистней, чем ласточке стужа,
Мне этот край, где гет марсолюбивый живёт.
Через такие слова на меня в обиде томиты,
Снова народный гнев я навлекаю стихом.*

Традиционная для римского поэта тема неприязни к варварскому краю и местному населению, казалось бы, развивается в обычном ключе. Но далее появляется новый поворот темы:

*Я не виновен ни в чём и чист перед вами, томиты,
Мне ваш край опостыл, вас же я, право, люблю.
Сколько ни разбирай мои многотрудные песни,
В них не найдёшь строки с жалобой на горожан!
Жалуюсь на холода, на то, что набегов должны мы
Ждать отовсюду, что враг вечно в ворота стучит.
Ваши места, не людей справедливым стихом осудил я –
Вы же и сами порой землю браните свою.*

Заканчивается письмо совершенно необычно для прежних стихов и настроений Овидия: оказывается, томиты стали друзьями опального поэта, пригласили его и даже освободили от налогов:

*Впрочем, будь я и впрямь черней иллирийского дёгтя,
Преданных мне друзей к стати ли было б хулить?
В горькой моей судьбе вы меня обласкали, томиты,
Видно, у вас в крови эллинская доброта.
Даже родной Сульмон, родное племя пелигнов,
Не проявили б ко мне столько участия в беде.
Мне недавно оказана честь, на какую
Благополучный гость вряд ли рассчитывать мог.
Сняты налоги с меня! Кроме тех, кого по закону
Не облагают у вас, этим я взыскан один.
Сам не искал я, но в знак всенародного благоволенья
Мне на седые виски вы возложили венок.*

Изгнанник-поэт постепенно привыкает к варварскому краю: «Скифия мне никогда не казалась отрадной землею – // Всё же немного милей стала и Скифия мне. Поэт увидел в варварах некоторые положительные качества, например, мужество и храбрость:

*Мужество им дают тетива и стрелы в колчане,
Годный для долгих дорог сильный, выносливый конь,
Навык в походах терпеть изнурительный голод и жажду,
Если в безводную степь враг оттеснит храбрецов.*

Кульминацией в оппозиции «носитель античной культуры – варварский мир» можно считать эпизод, изложенный в письме к Котте Максиму. Его тема – истинная дружба. После рассуждений о дружбе автор переходит к мифологическим примерам и хвалит преданность настоящих друзей перед своими слушателями – томитами – на их языке («Знаю и гетский теперь я, и сарматский язык»).

*Вдруг отозвался старик, стоявший с прочими рядом,
И, обратившись ко мне, молвил такие слова:
«Очень знакомо и нам, чужеземец, понятие о дружбе...»*

Далее старик рассказывает историю о том, как сестра Ореста Ифигения, спасённая Артемидой от принесения в жертву и перенесённая богиней в Тавриду, ставшая жрицей храма, должна была принести в жертву одного из друзей – Ореста или Пилада. Каждый из них готов стать жертвой ради друга. Но становится известно, что Орест – брат Ифигении. Втроём они похищают кумир из храма и бегут из этих мест на корабле.

*Крепкая память о них, об их удивительной дружбе
В Скифии даже теперь, через столетья жива.*

После окончания «давно известной сказки» «сразу одобрили все доблесть и верность друзей». Поэт делает вывод, примечательный в устах утончённого римлянина, воспитанного в истинно античном отношении к варварам: «Значит, и в этих местах, которых нету жесточе, // Истинной дружбы пример гетам волнует сердца» – и задаёт вопрос: «Что же должны совершить друзья, рождённые в Риме, // Если такие дела трогают варваров злых?» Таким образом, представления о дружбе сближают «варваров злых» с носителем греко-римской культуры.

Сближение между двумя мирами происходит и в такой тонкой, деликатной сфере культуры, как язык. Римлянин Овидий оказался в Томах в чуждой языковой среде, что особенно тяжело для поэта: «Нет во всей стране никого, кому бы я с толком // Мог почитать стихи, – выслушав, их не поймут». «Ни на каком языке не могу говорить с дикарями», – жалуется Овидий в начале ссылки. Варварские нравы местного населения сочетаются с варварским языком, местные жители не могут выразить «наипростейшую мысль в наипростейших словах». Но, не принимая варварских обычаев и нравов, поэт постепенно привыкает к местной речи и к употреблению варварского языка:

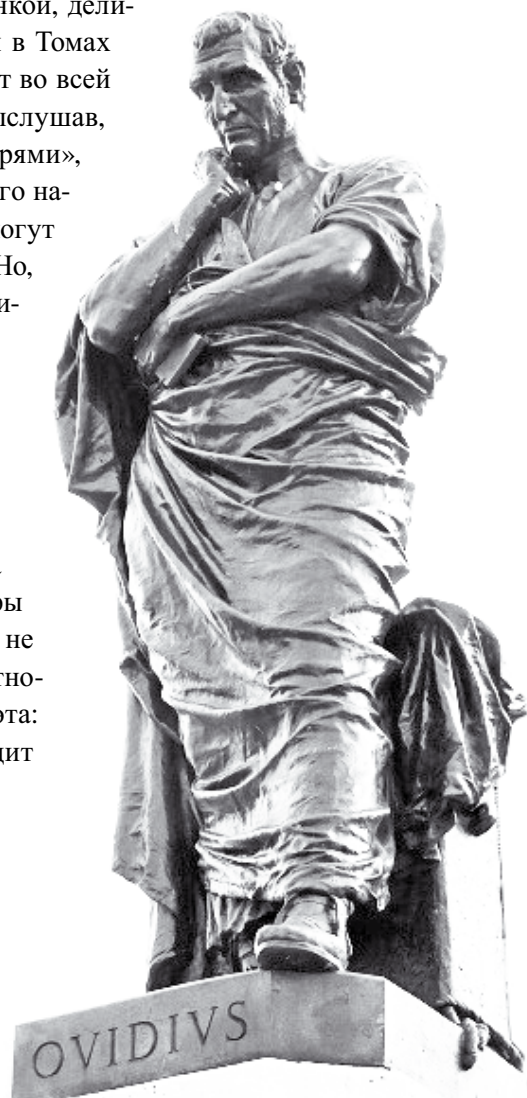
*Сам я, римский поэт, нередко, – простите, о Музы! –
Употреблять принуждён здешний сарматский язык.
Совестно, всё ж признаюсь: по причине долгой отвычки
Слов латинских порой сам отыскать не могу.*

Знаменательно, что Овидий просит прощения у Муз за употребление чуждого им языка и стыдится его. Хотя варвары и поэзия несовместимы («Муза – зови не зови – к гетам тупым не придёт»), действительность заставила Овидия пересмотреть отношение и к варварам, и к их языку. Сбывается предчувствие поэта: «Чудится, скоро стихи стану по-гетски писать», а Муза приходит даже к «гетам тупым»:

*Но не дивись, что стихи с изъянами: пишет их ныне,
Чуть ли не гетом став, сосланный римский поэт.
Даже я – стыдно сказать! – написал посланье по-гетски,
В наш уложив размер варвара трудную речь.
Можешь поздравить, стихи понравились; дикие геты
Стали поэтом меня с этой поры величать.*

В следующем письме, адресованном Тутикану и уже процитированном нами, Овидий с тёплым чувством пишет о том, что чуткие к изгнаннику томиты освободили его от налогов.

«Отношение античного поэта к миру, – справедливо пишет М. Л. Гаспаров, – всегда было упорядочивающим, размеря-

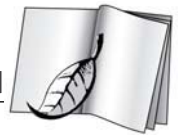
*Памятник Овидию перед зданием
Национального исторического
музея, г. Констанца (Румыния)*

щим, проясняющим. Это было не потому, что античный человек не чувствовал романтического хаоса стихий вокруг себя и хаоса страстей внутри себя. Напротив, они были гораздо ближе к нему и потому не пленяли его, а пугали: между ним и ими ещё не было преград, воздвигнутых позднейшей цивилизацией, и потому искусство должно было не столько заигрывать с хаосом, сколько усмирять его... Овидий был выхвачен из самого средоточия античного культурного мира и брошен на край света в добычу стихиям северной природы и страстям душевного смятения и отчаяния. Опыт словесности, опыт риторики, был для него единственным средством преодолеть эту катастрофу, усмирить этот хаос, выжить – он должен был остаться поэтом, чтобы остаться человеком». В этом выживании поэту и человеку Овидию помогло преодоление, пусть и неполное, языкового барьера между греко-римским и варварским мирами. Единственный из античных поэтов, Овидий имел опыт сложения на одном из варварских языков и стал первым (и единственным!) гетским поэтом.

Таким образом, в Западном Причерноморье в начале новой эры произошло знаменательное для судеб европейской культуры событие, не отмеченное литературоведением и культурологией: занесённый в этот край волею судеб Овидий, один из поэтов «золотого века» римской литературы, сумел найти общий язык с варварами, увидел в них некоторые привлекательные человеческие качества, овладел двумя варварскими языками – сарматским и гетским – и даже уложил в латинский размер «варвара трудную речь».

***Шкаруба Леонид Михайлович.** Кандидат филологических наук. Более двадцати лет возглавлял кафедру русской и зарубежной литературы Николаевского пединститута (университета), автор учебно-методических пособий, очерков по истории художественной культуры, монографий «Основы иконоведения» (2008), «Зарубежная литература в культурологическом контексте» (2011).*

Вышеславский Леонид Николаевич. Выдающийся советский и украинский поэт, литературовед, переводчик, педагог. Писал произведения на русском и украинском языках. За время творческой деятельности издал более 60 книг стихотворений, прозы и переводов. Родился в г. Николаеве 5 (18) марта 1914 г. С 1922 г. жил и учился в Харькове. Первые стихи напечатаны в харьковском журнале «Красное слово» (1931) и в московском – «Молодая гвардия» (1933). В 1936 году в Киеве вышла первая книга поэта «Весна вдвоём». Окончил филфак Киевского университета (1938). Во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, дважды был тяжело ранен. После демобилизации (1947) преподавал теорию литературы в пединституте и Киевском университете. В 1948 г. стал главным редактором журнала «Советская Украина». По его инициативе журнал был переименован в «Радугу» (1963). Член Академии экологии Украины. Член НСПУ. Произведения переводились на польский, немецкий, французский, чешский, китайский и другие языки. Лауреат литературной премии им. Павла Тычины (1975) и Национальной премии Украины им. Тараса Шевченко (1984). Награждён орденами: Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, Дружбы народов, «Знак Почета». Носил звание «Председателя Земного Шара», переданное ему поэтом Григорием Петниковым 21.10.1963 г. До последних дней вёл активную творческую жизнь и общение с выдающимися современниками. Умер 26.11.2002 г. Похоронен в Киеве на Байковом кладбище.

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

ЗРЕЮЩАЯ ТИШИНА

ГОРОД БЕЛЫХ АКАЦИЙ И ЧЁРНЫХ НОЧЕЙ

Черепичную крышу
присыпал акации цвет,
на ракушечник падает
отблеск мальчишечьих лет.
Дом старинный стоит
и в речную глядит синеву,
где бы жить не пришлось –
я всегда в этом доме живу.
Через окна его
я впервые на землю взглянул.
Через двери его
я впервые на землю шагнул
и увидел Слободку
в горячей дорожной пыли –
всю Слободку из глины слепили
и солнцем степным обожгли.
Я совсем ещё мал,
но и в детские сны
каждый раз прорываются
вопли войны.
А потом сорок первый
встаёт во весь рост,
и под танками стонет
Варваровский мост,
и зенитки уставил
в ночной небосклон
мирный город,
где был я когда-то рождён.

.....
Шпиль с корабликом лёгким
над кровлей блестит заводской,
будто небо прошито и здесь
знаменитой
Адмиралтейской иглой.
В Спасском парке оркестр,

и со взглядом встречается взгляд,
и матросские ленточки
в вальсе и в ветре летят.

А в аллеях темно,
лишь фонарик сверкнёт кое-где.

В тёплом небе – звезда,
и такая же точно – в воде.

В маслянистых волнах
шлюпок так отражается ряд,
будто шлюпки в воде
на своих отраженьях стоят.

.....

Я с годами тебя полюбил горячей,
город белых акаций и чёрных ночей!

КОЛЫБЕЛЬ

Я родился на берегу Ингула,
и, как на солнце мокрое весло,
моё там детство вспыхнуло, сверкнуло
и плоскодонкой лёгкой уплыло.
Река такой широкою казалась,
такой безбрежной чудилась она,
как будто там за нею начиналась
совсем другая, новая страна.

А нынче я, пройдя за жизнь полсвета
и увидав опять родной Ингул,
в звенящий зной полуденного лета
реку легонько вплавь перемахнул!
Стою над тихой, медленной водою
на глинистом изрытом берегу
и от картин, встающих предо мною,
глаз отвести, как в детстве, не могу.

Встают виденья давние, живые,
и я смотрю так пристально на них,
как будто жизнь открылась мне впервые,
как будто нет на свете мест иных.
Мой долгий путь отныне стал уроком
того, что как земля ни велика,
нужна мне в мире буйном и широком
вот эта неширокая река.

НА СОВЕТСКОЙ

Сижу на Советской
(бывшей Соборной)
под тентом кафе,
на веранде узорной,
и дивное что-то мерещится мне,
хоть я и не выпил ни грамма:

Идёт гимназистка по той стороне.
Передничек. Бант...
Моя мама!

КОЛОКОЛ

*Памяти
Харлампия Ивановича
Платонова*

Июльский вечер над церковным садом,
на колокольне время льётся зря:
давным-давно звонить к вечерне надо,
а колокол молчит. Нет звонаря.
Вновь загулял, наверно, прощелыга...
Дед говорит мне: «Лёня, выручай!»
И я по лестнице крутой взбегаю мигом,
схватил канат и оттянул на край.
«Язык» тяжёл. Скрипит. Его непросто
так раскачать, чтоб вызрел громкий звук,
в нём, верно, два моих мальчишских роста,
и он моих не слушается рук.
На колоколе потемневшем, старом
медь в противоположных двух местах,
куда обычно падают удары,
блестит. Но вот уж «языка» размах
обрушился на колокол. И дрогнул
подвешенный под небо медный свод,
и звуки мерно, полновесно, гордо
плывут, и мне подвластен их черёд.
Всё с колокольни видно: отблеск моря,
обрывы в красной глине, и сады,
шаланды острогрудые у мола,
крыш черепичных пёстрые ряды.
Где нынче камни этой колокольни?
Где этот колокол? Он вырван с «языком»
безумьем века. Горше, беспокойней
и глуше стало на сердце людском.

ШЕЛКОВИЦА

Брату Виктору

Плоды она сыплет на землю, как сор, –
они не нужны в абрикосовом лете.

Их любят одни только птицы и дети,
а я, признаюсь, их люблю до сих пор.

О, сколько, бывало, съедал я их за лето!
Ладони и пальцы черны, будто залиты
чернилами... В школе я или в саду?!

А нынче сквозь годы такими чернилами –
горячими, яркими, издавна милыми –
в душе своей летопись детства веду.

ЗООСАД

*Памяти основателя
Николаевского зоосада –
Леонтовича*

Прекрасен лев. Прекрасна львица.
Пантера плавна и легка.
А всё же публика стремится
к загону для молодняка.

Бутылка в лапищах зажата:
«Моя добыча! Не отдам!»
И озорные медвежата
друг друга тузят по мордам.

На драчунов глаза этих,
их подзадоривая прыть,
ликуют взрослые, как дети, –
о детях что и говорить!

Забот и горестей не стало,
забыты спешка и дела,
в лице у женщины усталой
девчонка с бантом ожила.

И, прислонясь к ограде грудью,
я тем пленяюсь в этот миг,
что так плениться могут люди
всей детскостью, живущей в них.

ДЫХАНИЕ ВЕРЫ

*Десятикорпусный
судостроитель
ныхтел и визжал
из-за зажигалок.*

В. Маяковский

Горше всяческих тягостей в быте,
если вдруг среди погасших светил
многоярусный судостроитель
богатырских лишается сил...
Город мой! Твоя жизнь буревая
не один затопляла причал,
ты, на бой океан вызывая,
бескозырками козырял.
В молодецком своём задоре
(грудь распахнута, брюки – клёш)
ты не столько берёшь от моря,
сколько морю даёшь.
Полноводную ширь попирая
и валов вороватую рать,
к побережьям двуречного края
ты пришёл, чтоб не брать, а давать.
Корабельные эти святыни,
этот солнцем пропитанный край,
что бы ни было, не покинет
Покровитель – святой Николай.
Ты себя сохранишь в полной мере
от недугов, ненастий, разрух,
в твоих верфях – дыхание веры,
в твоих эллингах – эллинский дух!

ОБСЕРВАТОРИЯ НАД БУГОМ

Поэту Эмилю Январёву

В обсерватории,
как на баштане, –
зреющая тишина:
виснут ботвою
созвездья в тумане,
вызрела за ночь луна.
Башенный купол
рукой умелой
раздвинул во тьме астроном,
и катится купол
по звёздным пределам
надрезанным кавуном.

ГЭС

*Светлой памяти инженера
Николая Дмитриевича Вышеславского*

Я пишу не оды и не стансы,
не поставит мне никто в вину,
коль прославлю средь электростанций
древнюю – трёхтрубную – одну.

Здесь, когда в разрухе и раздоре
стыли беды окаянных лет,
мой отец дарил, как чудотворец,
городу благословенный свет.

Здесь, где Буг зеркальные излуки,
словно Бог, нам расстелить готов,
вижу я родительские руки
с жилами электропроводов.

* * *

Родимый берег. Домики Слободки.
Крыш черепичных длинные ряды, –
как будто перевёрнутые лодки
на солнцепёке сохнут у воды.
Там вырос я с Ингулом по соседству,
там – старый сад – и дом,
там отзвенело детство.

По вечерам в саду играл кузнечик,
стриж ликовал, пронзительно звеня...
Как был широк, просторен, бесконечен
ребячий мир, хотя он для меня
тогда кончался сразу у Ингула,
а вся иная даль
в неведение тонула.

Ингул – далёк. Явился Днепр на смену.
Нева и Волга, Бия и Ока.
Пускай увижу Темзу или Сену,
и станет даль далёкая – близка,
всех стран увижу реки и столицы,
а мир всё будет мне
казаться без границы...

Юрій Васильович Зінковський. Народився в селі Куцуруб Очаківського району Миколаївської області. Початкову школу закінчив у Куцурубі, потім переїхав до с. Прибузького, далі – до Парутино, де продовжив навчання. Закінчив педагогічне училище. Працював учителем у Солончаківській школі, одночасно навчався на історичному факультеті Одеського університету. Кілька років працював сезонно в Ольвійських археологічних експедиціях Л.М. Савіна та О.М. Карасьова і О.І. Леві. Перший вірш був опублікований 14.11.1964 року в Очаківській районній газеті «Чорноморська зірка», яка ось уже 45 років друкує твори свого постійного автора. Друкувався у миколаївській та київській періодиці, журналах «Дніпро», «Україна», «Донбас», «Прапор», «Жовтень», «Ранок», «Піонерія», піврічнику «Поезія» та в десяти колективних збірках (Одеса, Київ). Автор поетичних збірок: «Теорема» (Київ, 1987), «Мій білий світ» (Миколаїв, 2003), «На довгій ниві» (Миколаїв, 2006), «Далеке і близьке» (Очаків, 2010), «Виднокіл» (Очаків, 2012). Зараз проживає в селі Куцуруб.

Юрій ЗІНЬКОВСЬКИЙ

ЛЕДЬ ОСЯЯНИЙ ХРИЗАНТЕМАМИ

ДІТИ ВІЙНИ

І досі ще війна ятрить, бува, як рана,
Мов час і не замів роками її слід.
Та йдуть у небуття останні ветерани,
Останні посланці тих вікопомних літ.

Щемить, щемить їх путь у висі перелітній,
І пам'ять щоб жила не тільки лиш на ній,
Тепер ось їх дітей війни назвали дітьми,
А діти вже й самі на фінішній прямиї.

У спільній тій біді, у горі тім загальнім,
Зважаючи на вік тоді ще наш малий,
Причетні до війни були ми номінально,
Заслуга наша в тім, що й ми тоді жили.

А ми таки жили – куди ж було нам дітись?
А як жили – ніхто, крім нас, уже не зна...
Розлучених батьків, а не війни ми діти,
І розлучили їх не РАГСи, а війна.

По-різному жили – то в голоді, то в стужі,
Надіялись, що нас найгірше обмине...
Та матінка моя на «похоронці» тужить,
Сльозами умива дворічного мене.

І вже не прилетять трикутники-конверти,
До рідного гнізда не втраплять журавлі.
Лиш батько й по війні посмертні аліменти
Нам довго буде слать з угорської землі.

Окликє нас даль вже з пам'яті дороги,
Ще щось і обіця у будучині час...
Ми діти і війни, та більше – Перемоги,
Яка після війни і виростила нас.

ПІСНЯ

Очаків. Базар в п'ятдесятім.
Де рибного ряду дива,
Там пісню матроську завзято
Хлопчина в тільнящі співа.

Він дзвінко, до повного злету
Підносить мотиву вогонь,
І падають глухо монети
В стару безкозирку його.

І вправно меткі його руки
Своє із гармошки беруть:
«Пусть волны доходят до рубки,
Но с ног они нас не собьют».

А сліз від бадьорого співу
Не кожен і стримати міг:
«Но с ног не собьют...» – і, як прірва, –
Хлопчина був зовсім без ніг.

В обмотаних кльошем обрубків
На дощі колісній приют...
«Пусть волны доходят до рубки,
Но с ног они нас не собьют».

Той хлопець ще й світла не бачив,
Та чув весь навколишній люд,
Як світло виводив незрячий:
«И выйдем из тёмных кают».

...Вже й за півстоліття опісля
Згадалась дитинства пора...
Навіщо хлопчина в тій пісні
Так душу свою надривав?

Хіба ж копійок лиш заради –
Ціна їм відома усім –
Він сипав на свіжу ще рану
Від того пекучішу сіль?

Над зраним зводячись тілом,
Від горя прозріла душа
До всіх донести щось хотіла,
До чого сама вже дійшла.

МІЖНАРОДНИЙ МАТЧ У БАЛЦІ

О футбол дитячих літ, перші п'ятдесяті!..
 Час розтане, ніби лід, давнє поруч сяде.
 ...І в калюжу м'яч летів, і котив городом –
 Все те – перший у житті матч наш міжнародний.
 Що нам, босим, колючки, коли справа в тому,
 Що забальські хлопчаки грали проти ромів.
 Знали: вміють танцювать – табору ж бо діти! –
 А вони ще вміли й грать, ніде правди діти.
 Хай без правил, хай невлад, в іншій їх можливість:
 Справді мавпяча була в циганчат рухливість.
 Вже рахунок і забувсь того в балці матчу,
 А от гру саму чомусь, ніби зараз, бачу.

...Вітер куряву гойда, в жовтій круговерті
 Воротар Сашко Байдак брав м'ячі і мертві.
 Поруч другове плече, віддано і палко
 Захищалась нами честь цілої Забалки.
 Після промахів-невдач гра у нас – що треба!
 А вже сонечко, як м'яч, котить з поля неба...
 Що важливіше від гри? Хай додому кличуть,
 І пилюка, наче грим, на пітнім обличчі.
 Все забувши, м'яч веду у вечірню просинь...
 І підходить вже впритул до канікул осінь.

ПЕРШІ ШАХИ

Лиш Забалка відас, тільки їй і знати,
 Як в свого сусіда я вчився в шахи грати.
 ...Так завзято кореш мій грає не до речі,
 В мене стільки програвів за один лиш вечір.
 Судить нас на ганочку зовсім без поняття,
 Схожа на циганочку, теж сусідка – Надя.
 Аж на року віддалі – віддаль, що й казати! –
 Буду я в учителя завжди вигравати.

...Чорні й білі гудзики, саморобна дошка.
 Та звучала музика гри самої коштом.
 Що їй віддавалося? Що від неї бралось?
 Як в дитинстві гралося – більше так не гралось...
 Дошка – лиш за неї сів – це баян той самий:
 По краях фігури всі – голоси з басами.
 Чорно-біла музика під землянки дахом...
 Чорні й білі гудзики, мої перші шахи.

ЛИСТОПАД

Більше й більше у добах темені,
Хоч зробився й прозорим сад.
Ледь осяяний хризантемами,
По землі іде листопад.

Звуки й запахи трохи стишені,
Та у цей ось ранковий час
Дзвінко пахне повітря вишнею,
Наче мамин вишневий чай.

Хилить вітер билинки росяні,
І обабіч глухих доріг,
Підганяючи коней осені,
Мокро цьвохка Петрів батіг.

Скрізь росинок прозорі китички,
І звисають з гілля долонь
Павутиння короткі ниточки –
Це порвався зв'язок з теплом.

* * *

Збувається і не збувається,
І доля між ними, мов шов.
Як швидко життя відбувається,
Дивись, уже все і пройшло.

Яка ж і спасенна і вірна ця
Одвічна потреба мети:
Ніколи до краю не віриться,
Що йти вже нема і куди.

ОЛЬВІЯ

Скіфії степ і понтійська вода.
Він ще росте, і вона ще гойда.
А поміж них – таїна із таїн:
Світ, що затих німотою руїн.
Стежка збіга до міфічних століть.
Зевсів курган їхнім свідком стоїть.
Гальки рядок, наче елліна слід,
Наче місток у відкопаний світ.
Жовто цвіте поміж ер лобода...
Скіфії степ і понтійська вода.

* * *

Все меншає, меншає тих,
З ким зводила доля не раз.
У смерті нема вихідних,
Вона пам'ятає про нас.

Без всякої зовсім війни,
Пройшовши земну свою путь,
У братській могилі вони,
Яку і минулим ще звать.

І юні, і вже у літах,
І смуток, і пам'яті щем...
Ми – листя, воно ж обліта,
Бува, і до осені ще.

І час їх обличчя не стер,
У часу велика вина,
Що я пам'ятаю тепер
Уже і не всі імена.

Чи згадки доходять до них?
Бо відгук – лиш тиша німа...
У смерті нема вихідних,
А, втім, і в життя їх нема.

* * *

Тихо клени шумлять і зеленим ще шумом
Щось шепочуть мені дуже схоже на вірш.
Я в цім світі один і про себе пишу я,
Адже тему я цю таки знаю найбільш.
Ми одне беремо. І одне віддаємо.
Лиш по-своєму всі і дають, і беруть.
Я пишу про своє, про своє потаємне,
А воно й для когось не чужим є, мабуть.
Той, хто поряд ще йде, після мене хто йтиме –
От коли б я відчув, що на світі не сам! –
Хай знайде і своє у моєму інтимі,
Хай подума, що я все про нього й писав.

«ПЕРЕПISУВАЧАМ» ІСТОРІЇ

Хоч тре вам і муляє те, що позаду,
Хоч те, що позаду, свербить,
Змінити ще можна «сьогодні» і «завтра»,
Вчорашнє – уже не змінить.
Ніколи й ніщо вже не може змінитись
В тій вічності літ і століть...
І що не по-людськи на цвинтарі ритись –
Пора вам давно зрозуміть.

ВИБОРИ

Урна – мов акваріум, бюлетені – рибою.
Виборці – рибалки навпаки.
Ох уже ці вибори! Кого хочеш вибери –
Все одно він буде «не таким».

Кого хочеш – видали, кого хочеш – вибери.
Та що зловиш у пустій воді?
Ох уже ці вибори! Від води – лиш випари,
Та ще в урнах попіл від надій.

СНІГ

Зима, лиш ступиш на поріг,
В обличчя холодом задиха.
А за порогом пада сніг,
Не кожен дощ так може – тихо...
Він і не пада, а летить,
І що, мабуть, найголовніше –
Окіл від нього кожду мить
Стає світлішим і світлішим.
Ця білизна, як щось моє,
Ця чистота, що йде за нею...
І зразу видимим стає
Зв'язок між небом і землею.

У КІНЦІ

Згасла ватра, і знов необхідним вже заходом
Вже для вечора й жар заливачь на порі...
І хмарини плывуть білим димом від заходу,
Де й сьогоднішній день до кінця догорів.

Над лиманом так гірко розплакалась чаєчка,
Що її вже й до ночі не втішить ніщо...
І мов нагад колючий, що й літо кінчається,
Через стежку в траву дріботить їжачок.

Илья СТАРИКОВ

ТРАЕКТОРИЯ ПОЛЁТА

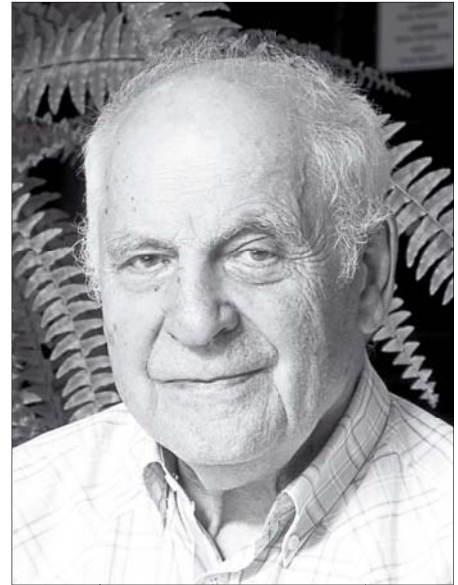
Историко-психологическая новелла

Коротенькая ленточка однообразных блочных зданий, похожих на одноликие спичечные коробки, в Николаеве называется улицей Бутомы. Я уже много лет живу в этом районе города. Помню, как он вырастал под боком у судостроительного гиганта, который щедро подпитывал его строительство своим финансированием. Наверное, поэтому, когда умер министр судостроительной промышленности Борис Евстафьевич Бутома, улице дали его имя. Генеральный план развития города, наверное, намечал её продление аж до центральной части города и снос хибарок хутора, обступивших с разных сторон конец улицы. Но планы часто остаются на бумаге, а жизнь сворачивает совсем в другую сторону. У нас всегда так: что бы ни строили, обязательно упруемся в тупик.

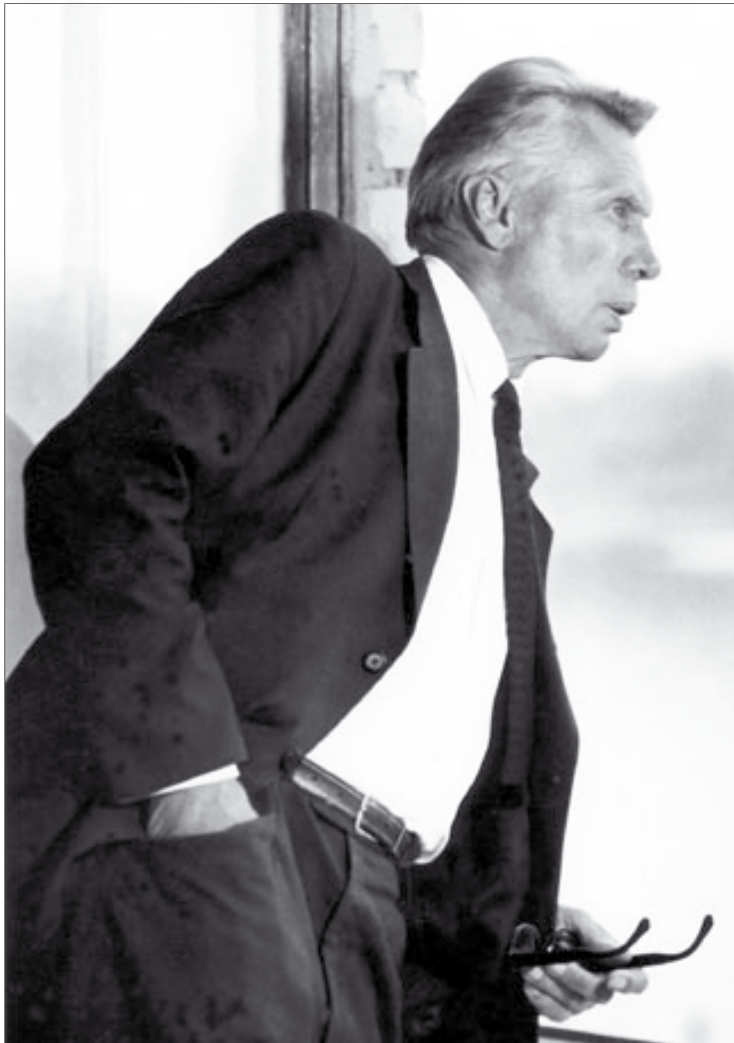
Многие нынешние жители улицы даже не могут объяснить толком, в честь кого она названа и кем был Борис Бутома. Убедился в этом личным опросом. Может быть, не раз всплывал при этом вопрос: увековечивать достойных людей нужно как-то иначе? Тогда их потомкам не придётся, как нередко случается, часто менять названия улиц, сносить или переставлять памятники, чтобы стереть неприятные следы в истории. И как хочется знать, а что же делает доброй и долгой ту память, которую оставляет после себя человек...

* * *

Мысли набегали одна за другой, как волны. Но они не связывались в логическую цепочку, не помогали Алексею разобраться в причинах той пропасти, которая в последние годы жизни Министра всё больше и больше ширилась и усложняла их отношения. Такие случаи творческого безветрия, когда в сознании не проступало чёткого решения мучившего вопроса, Алексей – в недалёком прошлом Главный конструктор громадного ЦКБ по судам на подводных крыльях – мысленно определял так: нет Сигнала.

Стариков Илья Моисеевич. Доктор педагогических наук, профессор факультета психологии НГУ им. В.А. Сухомлинского, зарубежный член Российской Академии образования. Родился 3.08.1934 года в г. Николаеве. Окончил Николаевский судостроительный техникум (1954) и филологическое отделение госуниверситета в Ростове-на-Дону (1964). За создание и внедрение прогрессивных педагогических технологий и методов обучения отмечен 9 медалями ВДНХ СССР, награждён шестью государственными медалями Украины и России. Горожанин года в номинации «Наука и высшая школа» (2004). Научно-педагогическую работу совмещает с литературной деятельностью. Автор книг прозы: «Общение с небом», «В ожидании клёва», «Таинства истории». Составитель книги коллективного авторства «Владимир Васильев: Лидер, Менеджер, Человек». Член ВТС «Конгресс литераторов Украины».

Ростислав Евгеньевич Алексеев

Под Сигналом Ростислав Евгеньевич обозначал для себя то таинственное озарение, которое Бог знает откуда нисходит на человека, погружённого в своё творчество. Для писателя он может явиться в виде всего одного слова или образа. Для музыканта, наверное, случайно услышанным звуком. У него же самого, если выпадало свободное время и он иногда становился за мольберт, такое случалось в виде неожиданного оттенка краски. Но чаще всего такие Сигналы приходили к нему, когда выхватывал среди повседневной текучки свободный часок-другой и начинал набрасывать на любых случайных листах ватмана конструкцию оригинального узла или крепления для новых экранопланов. Он сам не мог объяснить толком, как происходит такое. Карандаш словно начинает мыслить сам по себе. И на бумаге под поступающие Сигналы вырисовывалось порой такое, что вызывало, когда они прекращались, удивление самого конструктора.

Обычно похороны – это прелюдия отвыкания. И Алексеев не понимал, почему же ему частенько все эти три года после кончины Министра опять и

опять вспоминается покойный Борис Евстафьевич, те споры и пререкания, которые частенько случались между ними. А в конце жизни того даже закончились ссорой.

Хотя ещё с войны работали почти бок о бок. В сорок втором, как только немцев отогнали от Москвы, ему, в Горьком на «Красном Сормово» освоившем выпуск танков, директор завода выделил часть пролёта в сборочном цехе для начала строительства боевых катеров на подводных крыльях. Они стали его первым осуществлённым открытием. Это позволило вытаскивать суда из воды и придавать им невероятную по тем временам скорость. Сейчас в стране уже признаны три его технические революции. Он первым сделал суда крылатыми. Потом – поднял их над водой на воздушной подушке. Теперь вместо крылатых катеров корабли начали строить для оборонки экранопланы.

Тогда же, к концу войны, он только начинал подбирать себе толковых конструкторов, чтобы организовать нормальное проектно-конструкторское бюро. Бутома к тому времени уже всю царствовал неподалёку в Зеленодольске. Из главного инженера стал руководителем солидного предприятия. На его заводе весь город держался. А неограниченные возможности ломают и нормальных людей. Видно, у человека, как и в железной конструкции, есть предел прочности.

Впервые они поцапались в Министерстве, когда встретились возле приёмной начальника главка. Дородному Борису Евстафьевичу как раз пятьдесят лет отметили. Солидный директорский животик футбольным мячом выглядывал из его пиджака. Бутома заслонил собой почти весь проход в коридоре. Алексеев – худощавый, ростом под два метра и почти на десять лет моложе – рядом с ним выглядел новенькой телевышкой. Он и сейчас помнит дословно тот первый их серьёзный разговор. Бутома сразу же пошёл на него в атаку:

– Чем же, признайся, задурил мозги моим ребятам? Квартиры насулил? Так ведь и мы полгорода построили. У меня в Зеленодольске они быстрее бы их получили. Сам знаешь...

– Ничего особенного я им не пообещал, кроме работы.

– А что, у меня они в безработных ходили?

– Так ведь работа работе рознь...

– Ну да... В моих цехах и отделах бездельники, а у тебя за кульманами герои соцтруда линейками по ватману водят... Ты слюни мне не напускаяй... Работа не баба, чтобы каждый её под себя подбирал.

Но Алексеев тогда уже знал прекрасно: работа, оплодотворённая новой идеей, может затягивать не хуже женщины. Не случайно в его ЦКБ, создавая невиданные крылатые суда, все мужики работали по десять часов в сутки. Частенько без суббот и воскресений...

Вот и ему, как первая встреча с любимой, навсегда запомнился тот день, когда его осенила дикая мысль – поставить на судно крылья. Дело было на Волге. Ещё студентом со своим другом отправился погонять в выходной на лодке. Очень уж любил скорость. Зимой на лыжах не по равнине катался, а только с гор. Да ещё выбирал, какие покруче. В тот раз на волжских просторах он сидел за мотором, а друг решил помочь ему веслами. Как-то неловко опустил их за борт, они стали поперёк движения. От дополнительного сопротивления корпус лодки из воды приподнялся, и она неожиданно сильно рванула вперёд.

Уже через несколько лет к моменту защиты дипломного проекта в Горьковском индустриальном институте выпускник кораблестроительного факультета соорудил из обычной плоскодонки глиссер на подводных крыльях. Катерок во время первых испытаний неторопливо скользил по Волге. Потом словно глубоко вдохнул речного воздуха, нехотя приподнял свой корпус над водой. И – почти освободился от её пут. Движок облегчённо взревел. Маленькое судёнышко обрадовалось обрётённой скорости, казалось, вот-вот совсем оторвётся от глади реки и устремится в синеву неба. Это чувство полёта запало в память Алексеева навсегда. И раз за разом посещает его по ночам и сейчас. Как и картинка, нарисованная им не так давно. Бескрайнее море. На берегу красивый силуэт девушки, совсем как у молодой Марины. Она засмотрелась на летящий вдали экраноплан, похожий на громадную сказочную птицу...

Интересно было бы знать: а что виделось по ночам Бутоме? Или, скорее всего, Министров сны не посещают...

Недавно Алексееву привезли небольшой сборник стихов малоизвестного поэта из Николаева – города корабельного и тоже закрытого, как и Горький. В нём он и вычитал две поразившие строчки: «Есть траектория полета. Нет траектории ходьбы...»¹ Ему, видно, судьбой определено – первое.

Позднее из того, как складывалась жизнь, он сделал ещё одно открытие. Оказывается, извечный враг скорости – сопротивление, – если правильно его использовать, может не только выталкивать суда из воды, приподнимать их в воздух, но и стать толчком к творчеству. Не важно, что противится. Вода, воздух, краска или – нежелание министерского начальства.

В 1951 году Алексеев оказался самым молодым лауреатом Сталинской премии за внедрение идеи создания судов на подводных крыльях. А в 1957 году, вопреки косым взглядам руководства Министерства, с одобрения самого Никиты Хрущёва, привёл свою первую крылатую «Ракету» в Москву, чтобы показать иностранным гостям международного фестиваля молодёжи. Бутома, передвинутый позднее из замов в Министры, видно, так и не простил ему ни той молодой самовольной прыти, ни смелости действовать через голову непосредственного начальства. Может быть, ещё и телефона прямой связи с Генеральным секретарём, который по указанию Хрущёва установили тогда в кабинете Алексеева.

«Ракеты», «Кометы» и «Метеоры» Алексеева, начавшие в короткое время летать по рекам страны, можно сказать, вывели судостроение в космос новых скоростей. А Бутома, когда оставались в кабинете вдвоём, недовольно журил:

¹ Из стихотворения Вячеслава Козлова.

– Ну чего, Ростислав, тебе всё неймётся никак... Шибко прыткий всегда... Обязательно хочешь скорее всех плавать... Пойми, Министерству твои прожекты часто поперёк горла торчат... Ты о рекордах мечтаешь, а мне обо всей отрасли думать приходится...

Алексеев потом не раз убеждался: дело в другом. Просто у них разные траектории... Хотя вроде бы работали в одной отрасли, задачи решали общие.

Но, видно, для Министра строительство кораблей было просто работой. Изнурительным и очень ответственным трудом. Поэтому продвижение по должностным ступенькам, приобретение званий и благ он воспринимал как естественную плату за успешное выполнение железных плановых показателей. У Алексеева жизнь строится иначе. Он, недавний начальник и главный конструктор секретнейшего ЦКБ страны, где работало более двух тысяч сотрудников, до сих пор стоит в очереди на жильё.

Его другое колышет. Ему выпускать на воду каждый год свои новые необыкновенные летающие суда – было интереснее всего. Вот, наверное, почему так и не смог найти ключик к Министру.

Ростислав Евгеньевич часто сравнивал свою работу с материнскими хлопотами. Только матери и конструктору суждено испытывать счастье воплощения выношенной мечты. Вот и его конструкторы тоже часто жаловались, что жены сердятся на них за увлечённость своим делом.

Ему здорово повезло с Мариной. Она пусть не сразу, но поняла и теперь уже не ревнует его к работе... Вообще-то женщинам в этом плане проще. Им не нужно мучиться такими проблемами. За них природа продумала всё. Она одарила их возможностью материнства. Не случайно среди великих изобретателей нет ни одной женщины. У них энергия творчества реализуется другим образом.

Теперь Алексеев жалеет, что подобные темы при жизни Министра старался не затрагивать. Больше спорили и судачили о другом. Почему-то с ушедшими мы говорим чаще и душевнее. А тогда он доказывал Бутоме, как важно договориться с авиапромом о комплексном сервисе для судов на подводных крыльях. Иначе новшество не приживётся надолго.

Правда, однажды заговорил и о специфике конструкторского труда. Но Министр сразу же перебил:

– Знаю, знаю... Сейчас начнёшь сюсюкать про материнство... Мол, конструкторы вынашивают свой проект, как ребёнка... Но ты не забывай: чтобы родился нормальный человек и вовремя, повитуха должна следить за потугами роженицы. И помогать ей, выталкивать его на свет божий. А если начнутся сбои – не пропустить время и для кесарева сечения.

Бутома многозначительно помолчал, не стал продолжать дальше и сменил тему:

– Ты лезешь в небо с экранопланами, – отбивался Министр, – а перед отраслью поставлена задача – осваивать глубины океанов с помощью атомных субмарин. И мне не с руки клянчить у авиаторов металл и запчасти для моторов твоих «Ракет» с «Метеорами».

Не всё в поведении Бутомы Алексееву понятно даже сейчас. Поначалу считал: тот косится на него из зависти. Но однажды на празднике увидел Министра в парадном кителе, с полным иконостасом... При всех орденах и медалях. Звезда Героя труда, значки за присвоение разных премий. Как и сам Алексеев, тот – Сталинский и Ленинский лауреат. Тоже доктор наук, профессор. Но разве можно сравнивать их лавры? У Бутомы только орденов Ленина – пять. Редко у какого министра можно насчитать столько. Он член ЦК партии, депутат Верховного Совета. Значит, загвоздку в их отношениях нужно искать в другом.

Может быть, всё-таки права мудрая хохлушка Ганна Ивановна. Её приняли на работу вахтёром в ЦКБ, когда он ещё директорствовал в нём. Старая большевичка была со всеми на ты. Однажды случайно Алексеев услышал, как она вразумляла председателя профкома, который частенько на партсобраниях критиковал практику работы по выходным дням и сверхурочно, введённую главным конструктором.

– Пойми ты, казак, наконец, – втолковывала вахтёрша, – по субботам и воскресеньям Ростислав бежит в ЦКБ не за деньгами и чинами... Его интерес к работе из дома гонит... Разных министров, знаешь, сколько я перебачила? А вот такого, как Алексеев, – только здесь.

Ну, не глупцом же был Бутома, чтобы не учитывать подобных истин. Конечно же, Министр хорошо понимал, что в его наградах имелся и немалый отсвет идей Алексеева, успешно внедряемых в отрасли. Бутома сам рассказал ему про шум, который подняли американцы, когда засекли из космоса испытания его первого экраноплана. Поделится тогда, что сотворённый ими кентавр за океаном окрестили каспийским монстром. Алексеев отчетливо помнит: именно в те годы, когда так хорошо работалось над этим секретным проектом, Сигналы приходили к нему особенно часто. Он и сейчас толком не может сказать, что же тогда появилось из-под его карандаша. То ли небывалый громадный самолёт, то ли невиданный корабль. Его первый экраноплан теперь может нестись над морем на высоте полуметра со скоростью самолёта и нести на себе больше тысячи тонн разного груза. Не зря всполошились американцы. Понимают: нашлась управа на их авианосцы.

Почему же всё-таки Министр снял его с должности и директора ЦКБ, и главного конструктора? А чтобы Алексеев не писал жалобы в разные ведомства, оставил ему пятнадцать конструкторов, якобы для перспективных разработок...

Но постепенно даже доступ к секретным чертежам и материалам его же проектов с одобрения Бутомы стали перекрывать. На испытания новых головных образцов экранопланов теперь не допускают.

Только Алексеев знает прекрасно: оригинальные идеи не за просмотром зарубежной информации возникают. Они Сигналом свыше приходят. Новый главный конструктор вряд ли сможет добавить что-то новое в его машины. Ну, насадит он на страх американцам в экраноплан ракетные установки. Чтобы новое дело к войне приспособить, особого ума не требуется...

А вот он пошёл сейчас по другому пути. Скоро со своей группой испытает первый пассажирский экраноплан. Главное, чтобы к началу Московской олимпиады уложиться. И он опять сам пригонит свою новую машину в столицу. Как тогда на молодёжном фестивале при Никите. Пусть удивятся её возможностям зарубежные гости и нынешний Генсек вместе с адмиралами, генеральными директорами и военными... Может быть, в конце-то концов, всё-таки разберутся, кто же должен серийно строить его проекты... А то, как всегда, в начале проспим, а потом впопыхах догонять станем... Как случилось с теми же танками Т-34. Несколько лет мусолили перед войной блестящий проект. Только когда немцы взяли за горло, всполошились. Даже судостроителей быстро научили делать такие машины... Почему у нас всегда так? Ждём, когда жареный петух клюнет.

Если признаться, вначале он думал: после кончины Министра ему полегчает в работе. Но руководство в Москве сменилось, а он ни одной штатной единицы в свой конструкторский отдел выцганить не может. Значит, собака зарыта в другом. Те, что пришли после Бутомы, хоть и помоложе оказались, но тоже ходят, а не летают...

Хотя теперь Алексееву кое-что начало проясняться. Не его характер, как пытался уверять всех Борис Естафьевич, стал поперёк строительства экранопланов. Дело в чём-то другом. Руководство авиационного министерства из ревности не желает отдавать судостроительному лёгкий металл, необходимый для новых машин. А люди Бутомы не хотят упустить в Госплане многомиллионный куш оборонного заказа. Но боятся ввязываться в хлопотливое, слабо познанное дело освоения нового направления работ. Им так спокойней живётся...

Вспомнилось, как его ломал и приучал к повиновению прежний Министр. Даже в смешных мелочах это проклёвывалось. Руководители заводов и ЦКБ хорошо знали привычку Бутомы по-разному выводить резолюции на бумагах. И пошучивали, что его сокращение из первых двух букв «Пр.» при наложении резолюции расшифровывается двояко. Как «Прошу» или «Приказываю». Слитное написание – признак расположения и благосклонности. И воспринималось как дружеская просьба. Если расстояние увеличивалось – признак официоза. Значит, писавший чем-то рассержен на того, кому адресуется бумага.

С тех пор как Алексеев начал упрямо пробивать строительство экранопланов, на всех резолюциях Министра, поступающих в ЦКБ, «Пр.» писалось в начале строчки, а продолжение фразы – почти на другом крае страницы.

К пятидесятилетию Алексеева все документы по представлению к награде, которые прислали из Горького, Бутома схоронил в своём сейфе. Отделался формальным приказом и грамотой...

Алексеев завидовал конструкторам самолётов. Каждому мальчишке страны известно, кто из создателей кроется всего за двумя буквами: «Ту», «Су» или «Ан»... Но из-за повышенной секретности направления его работы вряд ли кто-нибудь скоро узнает, кто же породил «Ракеты» и «Метеоры». Про экранопланы даже и говорить смешно. А ведь конструктор, как и любой талант, без популярности и признания – задыхается. Не случайно Бутома так окутывал его тайной. Даже целесообразность своего выезда в Лондон на международную выставку судостроения ему самому пришлось обосновывать в КГБ. И упрасивать, чтобы выпустили, хотя бы и под чужим именем.

Но если они успеют хорошо показать на Московской олимпиаде свой пассажирский экраноплан, возможно, в министерстве и в правительстве всё-таки задумаются, стоит ли ставить крест на таком перспективном направлении судостроения.

В среду они спускают на воду для испытаний макет такого экраноплана. Конечно, от макета до головного образца – ещё куча дел. А до лета – с гулькин нос. Но жёсткие сроки не страшили ни Алексеева, ни тех ребят, которые не согласились его покинуть, остались с ним в небольшом отделе.

– Ну что, Евгеньевич, – встретила его утреннее появление в середине недели на проходной Ганна Ивановна, – народыв что-нибудь сегодня?

Алексеев привык делиться с нею своими планами и заботами. Он частенько обкатывал на умной вахтёрше свои самые бредовые идеи. Не раз убеждался: если та схватит суть, значит, он сможет объяснить и уговорить в значимости и перспективности задуманного проекта любых московских чиновников и адмиралов. А почти собственное сравнение его работы с родами, услышанное от мудрой женщины, согрело душу лучше всякого комплимента.

– Доброе утро, Ганна Ивановна, – откликнулся Алексеев обычным приветствием. – Пока ничего путного не получается.

– Не горюй! Знаешь, как у нас, хохлов, говорят? Быстро робыться – слипый родыться. Доброе дитя много времени требует.

И оба засмеялись, довольные взаимопониманием.

К обеду Алексееву доложили: макет к спуску готов. Он оделся и прошёл к стапелю. Дал команду к началу спуска. Но в последний момент, на всякий случай, решил подверить, убран ли мусор из ямы, где корпус макета упрётся в лёд Волги. Бывали случаи, когда туда сбрасывали разный хлам, мешающий нормальному спуску.

Он спрыгнул в углубление и успел заметить, как вздрогнул и начал движение на него корпус макета. Алексеев опёрся спиной о яму, вытянул руки, чтобы притормозить спуск конструкции и избежать возможных повреждений. Он знал силу своих мускулов, те не подводили его ни разу. Почувствовал, как тупая масса тяжёлой конструкции постепенно преодолевает усилия своего создателя. Напрягся, не желая уступать единоборства. Уцелевший корпус мягко прильнул к кромке льда...

Инженер, стоявший у спусковой лебедки, понял: произошло нечто непоправимое. Подбежал к яме. Увидел прижатого в ней Алексеева.

Конструктор смотрел в небо и улыбался. Там над Волгой кружил оставшийся на зимовку селезень. Алексеев заметил его ещё летом. Он всегда летал над гнездом, где сидела его подружка с повреждённым крылом. Собратья улетели, а этот не бросил любимую. Остался с ней зимовать. И сейчас, видно, помогает ей встать на крыло. Это выражение Алексеев перенял у лётчиков. Так они называют процесс обкатки самолётов новых проектов. Авиаторы явно подсмотрели его у птиц – те личным примером ставят птенцов на крыло, приучая к небу. То же самое делает и любой нормальный конструктор. Не случайно своему первому экраноплану Алексеев дал птичье имя – «Орлёнок»...

А министерским чиновникам невдомёк, зачем бывший главный конструктор на испытания рвётся. Хорошо хоть сегодняшнюю пассажирскую машину ему скоро доведётся ставить на крыло самолёту. Алексеев улыбнулся от предвкушения предстоящего счастья...

Четверг и пятницу после спуска нового экраноплана он ещё провёл на работе. Собирался пойти и в субботу, но утром потерявшего сознание конструктора скорая помощь привезла в больницу. Обеспокоенные друзья из ЦКБ подъехали туда только к концу рабочего дня. К ним вышел врач.

– Профессор, какой же диагноз установили? – спросил кто-то из прибывших.

– Не нужен ему уже никакой диагноз.... Ростислав Евгеньевич несколько часов как скончался...

Дикое молчание. Потом одновременно:

– Как? Отчего? Почему?..

– У него оказался гнойный перитонит... Брюшина лопнула от какого-то сильного долговременного перенапряжения.

Услышанное ошарашило конструкторов. Они долго стояли молча, словно старались понять, что же профессор имел в виду...

Объявлений о похоронах Алексеева, под предлогом секретности, городские газеты не опубликовали. Но громадную площадь перед домом культуры завода «Красное Сормово», откуда отправляли в последний путь известного конструктора, заполнил народ. Людей роднит и сближает не только радость. И память, которая остаётся об ушедших, мало зависит от их должностей, званий и полученных ими наград.

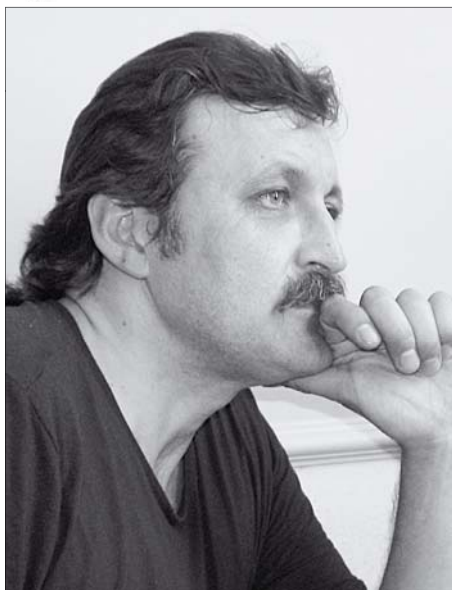
* * *

Теперь, когда проезжаю в маршрутке по улице Бутомы на работу или возвращаюсь домой, часто вспоминаю найденные недавно в Интернете интересные цифры и информацию. Оказывается, в Вашингтоне в галерее выдающихся личностей двадцатого века помещён портрет конструктора Ростислава Евгеньевича Алексеева...

Ещё в 1970 году его ЦКБ разработало проект экранного авианосца массой в пять тысяч тонн. Принятый на вооружение ВМФ всего через год после смерти Алексеева экраноплан мог летать над самой поверхностью океана, а при необходимости – подниматься вверх на несколько километров. Имел дальность полёта в 3500 километров, неся со скоростью 550 километров и брал на борт 900 человек.

А в последних журналах вычитал и такое: «На стапеле одного из цехов «Красного Сормово» всё ещё стоит недостроенный экраноплан, рассчитанный на спасение экипажей подводных лодок...»

Зато фирма «Boeing» в январе 2010 года заявила, что первый американский экраноплан поднимется в воздух уже через пять лет.

Торхов Алексей Валентинович. Поэт, прозаик, публицист. Поэтический псевдоним – «А.В.Тор...». Родился 28.02.1961 г. в селе Олинск Нерчинского района Читинской области (РФ). Окончил юрфак Одесского государственного университета им. Мечникова (1992). Обладатель Гран-При нескольких всеукраинских фестивалей. Победитель Международного фестиваля «Славянские традиции» (2009). Член редколлегии литературного журнала «Южное сияние» (Одесса). Автор пяти поэтических книг и книги прозы «Северны сказы про Максимку бога». Председатель Николаевской областной организации ВТС «Конгресс литераторов Украины». Член творческого общества ДООС (Москва). Награжден Международной Отметинной имени Давида Бурлюка (Международная академия зауми, Германия, 2010); литературной премией «Славянские традиции» (2010). Соорганизатор открытого Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния».

Алексей ТОРХОВ

ВО СЫРЫ НЕБЕСА

(из поэтического цикла)

У НИЧЬЕЙ РЕКИ

и вот к водопою вышли
на берег ничьей реки: тишины
пригоршнями поём
смываем потные лица
крадём во славу
пьем во спасение

так много нас жаждущих
с кричащими именами
и медведь: бах
и лев: бетховен
олень: чайковский и моцарт-олень
и ещё
рысь: курёхин
пантера: шнитке
росомаха: вивальди
ещё и ещё
и с именами молчащими: много
(моё молчит предпоследним)
нас тьмы и тьмы итить мы!

и стынет в венах
водица страшная: музыка
отнимавшая от земли
отнимавшая силы выжить
топим-толкаем друг друга
лакаем запойное: тишь

а выше
по течению выше
сиротливо: мальчик
с наколками на запястьях: Иисус
пересохшие губы сжимает
молчит аки посуху
вышагивает водомеркой

следы Его: кру-ги
 плоть Его: кру-ги
 мысли Его: кру-ги
 всё больше и больше
 всё бли-же
 всё гром-че
 ...
 от безмолвья оглохший: лев
 и мы с ним которые
 трогаем лапами тишину
 круги словно струны трогаем

а был ли: мОл-чИ!

ЯНВАРЬ: НИ/НА

не совпавшей со мной

ветер-сестра: фугой
 взлетаешь над Забайкальем
 за подол твой цепляюсь
 в испуге
 отрываю лоскут пустоты
 стылый шёпот
 губами-судорогами
 словом незрелым: терпко –
 девочкой: дудочкой камышовой
 ломкий взгляд голос руки: по швам
 расползаются
 НИ дуть в неё ни звучать
 сквозь хрупкие пальцы: жертвенно –
 НА жри её жизнь –
 больно вкусна –
 больно!

птица-сестра: полыхнёшь
 как расколешь на две скорлупки –
 до птицы-себя и после –
 щебет детей за рекой: пожар
 на пустыре моей памяти
 тёплая пыль
 ноги босые греет
 покуда не станет снегом-молчаньем

память-сестра
 так белым так бело: взгляд твой
 изгнанный в небо
 снежинками возвращается –

на глаза садятся
не тают

не разобрать ни словечка
губ не прочесть
(только слоги!)

верхняя: ни
нижняя: на

смёрзлись

СНИЛСЯ

всего-то: снился
если бы не голос: живи
вот – кожа
вот – одежды
вот – февраль
вот – сердце: отнеси его подальше
и спрячь
всех прежде от себя
или накрой собой
когда рванёт
немного раньше
тогда и скажешь
а пока – молчи стихами

оглядываюсь в тьмеющее пламя
не слишком ли зарвался
заигрался
вот этим: жить
и примут ли назад
но – кто-то все следы мои собрал
как шишки по лесу

но – голос
«помни: сердце!»

ЯНВАРЬ – Т:ЫЫЫЫЫЫ

тени акаций
откипев белым
растут поперёк нетающего
пути моего
забыв о зелёном

многоголосье молчанья
красиво и страшно
как свет в конце ствола

шаги о своём
и снега речь: невнятно

на языке – буква
от стаи своей отстала
зимует во мне: ненужная
как крестик обломанный
буквой «т»

и гимн немоты –
ыыыыыы: торжествующе
прислушиваюсь
к снегу в себе

словам его удивляюсь:
говорит
говорит

КУКУШИНАЯ ОХОТА

*
ненасытны часы на стене
неотступны их птицы
взлетели
...жизни моей песчинки
с ладони клюют

*
кукушиной охоты гон
зажимаю остаток
на всякий
...неугомонны до крови
клюют мой кулак

*
увязаю в птицах по грудь
сею по свежему ветру
во сыры небеса
...руки не находят
клюют мою высь

ПАЛЬЦЫ

секунды сыплются
как пальцы
сквозь песок

и ногти
словно чешуя
пустынной рыбы
мерцают матово
и нечем взять
и некем

вот так и нимбы
осыпались
золотым

а мне бы

впрочем
ещё один мизинец
ухнул в бездну

не успевают
отрастать
не то что –
жить

ДВЕНАДЦАТЬ БЛЮД

зал и стол
двенадцать блюд: сны
учу руки спать
беру пальцами

первое блюдо:
попытка назвать
язык – змием

вытираю руки о скатерть
вытираю стрелки о циферблат
вытираю себя о тьму
пытаюсь засну...

...седьмое блюдо:
три раза в день
под язык
молчащее слово...

...девятое:
три раза в жизнь –
запретное...

В ЗАРАСТАЮЩЕМ

нераспутанно длинно –
мысли твои: волосы обо мне

так зарастает небо
так наготу бинтует
стыдливо – подкожье

так опускается занавес –
из пря-пря-прядей платье
к щиколоткам ползёт

всё тоньше полоска света –
юркнуть успеть бы!
утонуть в наготе

не спи обо мне так быстро
спи как в замедленной съёмке

но – спишь в оба
в зарастающем

и – спит палец
на кнопке «стоп-кадр»

мыслями – о коже –
зарастает

Баранова (Реулець) Ірина Анатоліївна. Поетеса, журналіст. Народилася в м. Знам'янка Кіровоградської обл. 25.08.1978 р. З дитинства жила в Очакові, закінчила школу № 1. У шкільні роки була учасницею літературного гуртка «Гелікон» при місцевій газеті. Закінчила факультет української філології Миколаївського педагогічного університету ім. В.О. Сухомлинського (2000). Працювала: завідувачкою відділу листів газети «Чорноморська зірка»; журналістом в обласній газеті «Рідне Прибужжя». Сьогодні – редактор Очаківської районної газети «Чорноморська зірка». Лауреат обласного конкурсу молодих літераторів «Золота арфа», всеукраїнського літературного конкурсу «Гранослов». Вірші друкувалися в місцевій пресі, літературно-художньому журналі «Море» (Одеса, 2006). Учасниця поетичної збірки «Плещеться хвиля блакитна» (Очаків, 1996); антології «Миколаївський оберіг» (Миколаїв, 2005); збірника очаківських поетів «Вітрила надії» (Очаків, 2009).

Ірина РЕУЛЕЦЬ

НЕСУ ДО ХРАМУ ТІЛЬКИ СПІВ

РИБАЛКА

Задублене вітром обличчя
і жилаві руки,
просолене морем волосся,
а очі – як синь...
Він ціле життя –
на воді, і рибалок науку
проходив так само
у хвилі закоханий син.
Він книг не читав –
на газети часу не ставало.
Він в морі завжди –
та коли вже на берег сходив,
чекала на нього дружина,
й кохана чекала –
і рибу й тепло
він між ними нарівно ділив.
Усього бувало –
і сонця, і сліз, і невдачі...
А чайка скимить –
як сумління забутий мотив:
– Будинок стоїть,
голоси відлунали дитячі,
а дерево ж чом, чоловіче,
ти не посадив?

* * *

Прозорим смутком
віс від води –
і обережно сутінки спадають,
і на піщаним березі –
сліди,
мережаний рукопис
білих чайок.

* * *

Молитва – під горе
(а в щасті і радості – зась...),
на страдницькій лаві,
в хвилини тяжкі розставання...
Які ж ми лукаві,
щоденне язичество фраз
в цю мить помінявши
на старослов'янську благання,
що даждь нам, мовляв,
хоч окраєць насущного... хліб...
Що грішні, мовляв,
і прости нам оті... викрутаси.
І щоб у спокусу, мовляв, ненароком не ввів.
...Самі ж узяли –
й атеїста зробили
з Тараса.

* * *

«Лес» –
білоруське
«життя» або «доля»...
Наче наш «ліс»,
де дерева сплелись,
де підіймається
пташка увись,
тільки об гілля
побившись до крові...

* * *

У снігу,
в заметах, на узвишші
лине церкви
першосвятний дзвін.
І не підійматися б з колін
серед пахощів єлея й тиші.
Що ж ти, мамо,
не навчила слів
таємничих,
як олтар церковний?
Я тепер несу до храму тільки спів
й своє серце,
квіту вишень повне.

* * *

Зневірені вітрила
наповнюють мріями,
зневірені очі – сонячним сяйвом.
І тоді світ навколо
стає надзвичайним –
на диво смугастим...
«Світле – темне – світле» –
для тих, хто бачить,
скільки життя
у червоно-зелено-рудому
осінньому
дикому винограді.
«Темне – світле – темне» –
тим, хто вважає,
що веселка –
це просто
фізичне явище.

* * *

Прийшли
весняні спалахи полів,
розчесаних
неначе під гребінку,
коли земля,
закохана, мов жінка,
приймає залицання всіх дощів...

* * *

Ви підкажіть мені, бо далєбі не знаю,
як з серця виганяють почуття,
що там задавнилось
і, вперте, вимагає
(безглуздо й сліпо!),
прагне вороття.
Ні, не пече. Але щомиті мліє
(такі повік не змінюють осель),
хоч твій портрет з яскравої олії
уже віджив в прозору акварель...

Татьяна ГРАЧЁВА

ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ДРУЖИШЬ С РЕКАМИ

О том, что реки нужно ценить не меньше хороших друзей, приходится понимать со временем, когда след их окончательно простывает. При этом всем не стоит забывать, что и эти, и те способны всё время видоизменяться. Становиться шире, тоньше, быстрее, глубже. Замерзать зимними днями, становясь жёстче, волноваться по весне и выходить из себя. И если вы привыкли не обижаться за все эти процессы на реки, научитесь принимать подобное и от друзей, тогда они смогут оставаться с вами как можно дольше.

Хорошо, что в моём городе плещутся аж две реки одновременно, ведь не у всех же тут есть два друга. И если у вас получится подружиться хотя бы с одной рекой, приключения обязательно добавятся в ваш рацион, это уж обязательно!

Однажды, после долгих морозов, одна река из моего города сделалась мельче. Некоторые могли перейти её пешком. Некоторым она была вовсе по колено, остальные, кто не пробовал, верили в её глубину, потому она и казалась прежней. В любом случае, если реки становятся мельче, значит, обязательно что-то всплывёт. Например, бутылки с письмами. Одну такую мне пришлось тогда купить в магазине. Хотя о том, что вместо вина в бутылке таится письмо, на этикетке сказано не было.

К письмам из бутылок привыкать проще и намного любопытней, чем к алкоголю. Но в любом случае привычка эта вредная. Читать письма нужно только качественные, написанные руками старательными и талантливыми, тогда голова никогда не станет болеть на заре. Единственное отличие в том, что вино находите вы, а письма в бутылках находят вас.

В одной бутылке кто-то затаил завещание, в другой признание в дружбе, в третьей предсказание на год, который уже случился. В следующих бутылках хранились: странная тайна, раскаяние, даже карта. Выскальзывали из стеклянных конвертов записанные застрававшие кого-то сны, стихи, которые жалко сжигать, обеты, анафемы, даже предсмертные записки. Некоторые авторы уже и не помнили, что воспользовались как-то речной почтой, а о некоторых из них уже и самих позабыли из-за отсутствия улики.

Грачёва Татьяна Юрьевна. Прозаик, журналист. Родилась 21 ноября 1985 года в г. Верхоянске, Якутия (Российская Федерация). Мастер спорта по художественной гимнастике. Окончила Николаевский межрегиональный университет «Украина». Автор прозаических книг: «Школа туманов» (Киев, 2007), «Ероль на каникулах» (Киев, 2010).

Странно, но ни в одной бутылке ничего не говорилось об обыкновенной и примитивной любви. Наверное, она никогда не всплывает, как затонувшие суда, а если кому-то и понадобится поднимать её со дна, ничего хорошего из этого не выйдет, сплошная ржавчина. Конечно, кое-что можно отреставрировать, но пользоваться только, как раритетом. Потому, если уж вы топите свои чувства, прощайтесь с ними окончательно!

В конце месяца, пока река была совсем мелка, под письменным столом у меня накопилось столько бутылок, что можно было написать по их мотивам целый сборник. Последняя почтовая бутылка отыскала нас вместе с другом, спешившим навестить меня одним из прохладных вечеров. Потому письмо в ней мы закли хором, стоя на одной ноге (я – на левой, друг – на правой). И были совершенно правы, так как от этого заклинания река снова стала набирать свою глубину. Волны её были теперь более чистыми, шелковистыми с виду. Не правда ли, очень полезно порой избавляться от чужих откровений... А когда из бутылки вместо письма выпрыгнуло вино, пришлось понять, что оно куда скучнее писем.

Так я спасла одну мою реку от неприятных воспоминаний. Представляю, как ей хотелось с кем-то поделиться. А так как мне этого хотелось не меньше, пришлось потрудиться и отрядить всплывшее в новое плавание. Правда, уже в другую реку. Возможно, это не совсем красиво, но друзья легко должны делить друг с другом даже неприятности. Появился у тебя новый друг, не спеши радоваться, знай, что теперь он легко может выдать тебе свою неприятность. Может, именно потому в моём городе чаще встречаются те, у кого рек больше, чем друзей.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ, ЧТОБЫ ПТИЦЫ ЗАХОТЕЛИ ВЕРНУТЬСЯ В НИКОЛАЕВ

В любом случае птицы, покидая мой город, осенью переживают достаточно волнительные чувства. А когда птицы начинают волноваться стаями, сны в городе проглядываются не такие уж и спокойные, волны на реке темнеют, глаза у самых преданных городу стариков делаются глубже. Зато в такие времена многое становится на место, потому что есть время задуматься. Бывает, выкладываешь книгу перед сном под кровать, просыпаешься утром, а она снова на полке значится, и даже закладка лежит не там, где ты её позабыл, а там, где самое интересное место в тексте.

Не стоит лениться или стесняться думать о птицах больше, чем это у Вас получается. Если правильно думать о птицах, то есть разрешать им хватать в клюв ниточку Ваших мыслей и уносить с собой, то можно понять много красивых вещей, которые вряд ли раньше когда-то влетали в голову так же просто, как вносятся в город обратно эти летуны. Глупо не прислушиваться к словам путешественников, если Вы оседлы, как утка, и перебивать их щебет своим кряканьем. Птицы-путешественники порой единственные в городе существа, умеющие рассказать то, что никогда не осмелятся написать или шепнуть на ухо самые храбрые хитрецы.

Если долго смотреть перелётной птице в глаза, то можно увидеть очень много всего интересно-го, даже карамельки, если на то есть специальная надобность. Даже если зачем-то это и покажется Вам нелепым, не вздумайте об этом забывать. Перелётные птицы никогда не считают ног, потому они хорошо знают дорогу к ангелам. А ещё некоторые перелётные птицы думают, что они и есть ангелы, потому только лишь снятся. Ещё они никогда не седеют, а когда приходит их время, они незаметно лопаются.

Однажды несколько прелестных перелётных птиц дали мне понять очень важные вещи, от которых глаза у меня со временем стали голубыми, и орехи осенью начали падать с деревьев не на голову, как было раньше, а прямо в сумку. Письма стали попадать в квартиру не через почтовые ящики, а

через окна, как все хорошие и честные письма. Так оказалось большим неуважением не встречать и не провожать из города птиц. Непочтением также считается закрывать форточки в эти дни. Мало ли, что они не успели Вам сказать до отлёта, и мало ли что им крайне необходимо сказать возвращаясь. Ну а если Вам кажется, что они с Вами не общаются, то это всё потому, что Вы ни разу не пошли к ним на встречу. Например, сложно ли собрать им в дорогу кое-что полезное? И если Вы не успели этого сделать, разве сложно хотя бы пожелать им счастливой дороги?

Слава Богу, есть в моём городе люди, которые не ленятся забираться на самые высокие крыши, прощаясь с улетающими, надевая самые нарядные свои костюмы, чтоб запомниться как можно краше. Есть и такие, которые выезжают им навстречу и радостно встречают возвращающихся у ворот города. Есть и те, которые пекут перелётным птицам правильные пироги и расставляют их в тех местах, которые птицы обязательно посещают при влёте. А некоторые всю зиму записывают самые интересные слухи, которые летали в городе, и вывешивают их вместо листьев на главных деревьях по прилёту птиц для того, чтоб они не испытывали это неприятное чувство – находиться не в курсе. И если у Вас тоже есть время, Вы легко можете хоть пару раз записать что-то любопытное, что происходит в холода. Это очень приятно.

Всё, что Вы пожелаете перелётным птицам, обязательно сбывается. Не факт, что именно в этой стае, возможно, в чьём-то кино или книге, что ещё любопытней. Но в любом случае Вы сделаете очень полезную вещь!

Знаете, перелётные птицы обязательно привозят гостинцы тем, кто отряжал их в дорогу. Главное только прочувствовать, как правильно потом этим пользоваться. Никогда не сгоняйте с головы птицу, которая нашла в Вас что-то подходящее. Перелётная птица никогда не сядет Вам на голову просто так. И даже если перелётная птица, по-Вашему, затеяла слишком уж смешной танец, не вздумайте смеяться над ним – куда правильной будет станцевать его вместе с ней! Перелётные птицы запоминают дату Вашего рождения, а зимующие – только дату Вашей смерти.

Каждый раз, когда птицы улетаю из моего города, я очень волнуюсь, чтоб они обязательно вернулись обратно. Все до единой, с тем же количеством перьев, с теми же полезными новостями, с теми же хорошими привычками. Главное, чтоб и в этот раз у них не пропало желание этого делать.

В моём городе живут самые красивые перелётные птицы. И мне очень жаль, если Вы не сумели убедиться в этом сами.

А Вы провожаете птиц в дорогу, или Вам всё равно?

Сквирская Ольга Евгеньевна. Родилась 14 апреля 1978 года в Николаеве. Окончила НФ Национального университета «Киево-Могилянская академия» (нынешний ЧГУ им. П. Могилы) по специальности «политология». Работает журналистом. Участник Всеукраинского совещания молодых литераторов в Ирпене (2009). Финалистка конкурса русскоязычных поэтов Украины «Пушкинская осень в Одессе» (2010). Стихи печатались в литературном альманахе «Каштановый дом», поэтическом сборнике сайта ЛИТФЕСТ «Лит-Ё», в газете «Вечерний Николаев». С 2007 года регулярно издаётся в городском журнале поэзии «Літера Н.». Автор поэтического сборника «Васильковые бусы» (2010). Дипломант Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» (2013). Член Поэтического клуба «Кают-компания».

Ольга СКВИРСКАЯ

КАМЫШОВЫМ СТИЛЕТОМ ИЮЛЯ

* * *

Когда плачешь, лёжа на спине,
слёзы стекают в уши.
Не люблю море в ушах –
щекотно и плохо слышно.
Предпочитаю сушу:
песок, камни, а лучше – траву.
Зажму в кулаке, сорву,
полечу с травяного склона.
Мир сверху сине-зелёный.
Полетаю.
Отобьюсь от стаи.
Светает...
Перья намокли и слегли в подушку.
Подушка им будет пухом.
Оглохла совсем, но чую третьим ухом:
ребёнок плачет, чайник свистит, шлёпанцы шлёпают.
Потягиваюсь, раскинув руки, и вдруг –
чайки крыльями хлопают,
солнце кутается в облака.
Голова как сушёная тыква легка.
Под затылком – волна.
Земля не видна.
Мама зовёт: «Родна...»

ДЕВОЧКА-СТРУННОСТЬ

Рассвет продрог. Занавески намокли в Ингуле.
Куриные боги шаманно шуршат у воды.
По грифу спины камышовым стилетом июля
Лиманная ночь прочертила насечки-лады.

Стоит у плиты. Кипятит недопетую юность.
Под кожей – прозрачные рыбы и бархатный ил.
От носа до пят загорелая девочка-струнность
Всё ждёт, чтобы бог из ракушек ей жизнь сочинил.

УТРЕННИЙ ГОРОД

Ранний город во власти котов и чуть-чуть – собак.
 Нет, не ты им, они тебе гаркают: «Поберегись!»
 Голубь чистит в фонтане от ночи до серого фрак
 И ласкает глазком облюбованный им карниз.

Под карнизом – балкон. А за ним – окно. А за ним
 Пляшут чашки и ложки, готовится чай, омлет.
 Там – все спят, а вон там – будильник звенит.
 Я сегодня вышла гулять чуть свет.

Спят кафешки. Зонты их ещё не расправили крыл.
 В магазинчиках дряют ступеньки матроны в штанах.
 Жёлтый взгляд фонарей накокетничался и остыл.
 Над проспектами то и дело вспорхнёт тишина.

Несусветная рань, а мальчишки гоняют в футбол
 (Возле улицы Правды есть маленький стадион).
 Над искусственным полем – матерных слов рассол.
 Старики наблюдают за матчем в заборный пролом.

Закрываю глаза и целую протяжно в уста
 Это утро, котов, звон посуды, фонтан, голубей.
 И молю всех богов: «Только б день никогда не настал!»
 И я вешаю ладанкой утро на шею себе.

НОЧЬ

Льдинкой тает воздух на языке,
 В небе, как «Венера в мехах», дрожит луна.
 Ночь не ходит запросто, налегке.
 С ней – сводящих с ума подарков полна сума.
 Мне сегодня – яблоко горше тьмы,
 Платье цвета воронова крыла.
 Вот и собрана к встрече своей зимы.
 Я не столько «буду», сколько уже «была».

Беглый взгляд: звёзды, река, камыш...
 Всё это так недавно было моим!
 Счастье срывалось с губ, а несчастье – с крыш,
 Вёсен всходило вчетверо больше, чем зим.
 В землю ушло. На поверхности – трещин треск.
 Windows выходят на север и смотрят в сад.
 Дымом горчит – это детство горит в костре.
 Пепельным снегом давятся небеса.

DEEP PURPLE

По рёбрам Никольской, толкаясь локтями и мыслями,
В шарфы выдыхая беззвучно больные слова,
Небрежно бредём, будто нам объявили амнистию.
Запястья – в тротиловом пирсинге и кружевах.

За жизнь до прогулки имейлы горчили рябиново,
В мишени затылков тарачилось дуло луны.
Приятен на ощупь и вечен мирок пластилиновый.
Из всех теплокровных – потрёпанный ридер и сны.

В сосуды из плоти заглушки вколочены намертво.
Кипи-пузырись – на румянец едва наскребёшь.
Смотри, над Варваровкой тёмно-пурпурное марево.
Разделим наушники. И превратимся в дождь.

ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ

Над городом воздух плюшевый.
Ни птиц, ни дождя, ни клевера.
Чешуйчатой кожей ёжится
усталых районов стынь.
Душа у тебя задушена.
Не счесть на каменном теле ран.
Неоном горит околица,
распятым дрожат мосты.
Кровавые струи плещутся
из солнца, на шпиль надетого,
колотится хворой бабочкой
в груди у тебя луна.
Вздыхает старушка-мельница,
привычно хрустя скелетами.
Я вспыхну прощальной лампочкой
и выпорхну из окна.

* * *

с края кровати – руку! – ныряем в море.
брызги глотаем, влагу взбиваем в соль.
солнце лучом калёным тела узорит.
льёт из эфира вкрадчивый Мумий Тролль.
выйдем на берег. губы остудим в кофе.
стайку чешуек слижешь с моей спины.
юной как мир Медведицы звёздный ковшик
нас зачерпнёт и выльет в постель луны.

НАШ СОВРЕМЕННОК – ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

3 августа 2013 года прозаику, доктору исторических наук, председателю Союза писателей России В.Н. Ганичеву исполнилось 80 лет.

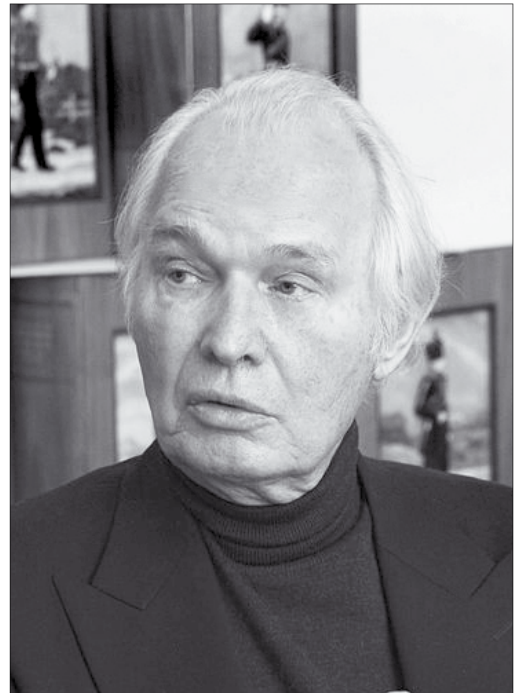
Мы встречаем эту дату с особым чувством. Дело в том, что значительная часть жизни Валерия Николаевича и его творческой биографии связана с нашим южным краем. Он родился в России, окончил среднюю школу в Полтавской области и после завершения учёбы на историческом факультете КГУ им. Т.Г. Шевченко был направлен в Николаев. Работал преподавателем в производственно-техническом училище, лектором, секретарём Николаевского обкома комсомола. Это позже он возглавит издательство «Молодая гвардия», станет редактором «Комсомольской правды», «Роман-газеты», «Роман-журнала XXI век». Четыре николаевских года он вспоминает как счастливую пору. Именно здесь Валерий Николаевич познакомился со Светланой, дочерью стропальщика судостроительного завода им. 61 Коммунара, будущей женой, к которой через всю жизнь пронёс чувство душевной привязанности. Она была его верным другом и советчиком.

Бугский край подарил ему и любовь другого порядка. Как историк, В. Ганичев не мог пройти мимо богатейших исторических артефактов Северного Причерноморья. Он преобразил их в повествование о южном «окне» России, рассказал о рождении Черноморского флота, городах и судах, созданных трудом и разумом крестьян и мастеровых. Исторический роман В. Ганичева «Росс непобедимый» – это художественная биография города Николаева, рукописные главы книги хранятся в Николаевском музее судостроения и флота.

Свыше 25 лет он собирал материалы о жизни и деятельности адмирала Ф.Ф. Ушакова, опубликовал о нём ряд книг, в том числе и в серии «Жизнь замечательных людей». В 2001 году благодаря усилиям писателя Ф.Ф. Ушаков был канонизирован и причислен к лику святых. Активность и гражданская позиция земляка получили воплощение и в создании Всемирного русского Народного Собора, с трибуны которого звучит исповедальное слово, обращённое к православным всего мира.

Почти каждое лето Валерий Николаевич приезжает в Николаев к родственникам, отдыхать на живописной Кинбурнской косе, а кроме того – поделиться литературными новостями, вручить новым авторам членские билеты Союза писателей России. Мы рады таким встречам, ценим его внимание и поддержку. С удовлетворением можем отметить, что творчество наших талантливых поэтов и прозаиков – Владимира Пучкова, Дмитра Креминя, Вячеслава Качурина, Евгения Мирошниченко, Ларисы Ратич, Алексея Торхова, Аркадия Сурова, Петра Тарасовца – находит признание украинских и российских читателей, отмечено лауреатскими званиями и литературными наградами писательского союза России.

От души поздравляем нашего друга и земляка со славным юбилеем. И в этот знаменательный день, и в дни наших общих забот и трудов мы с Вами, дорогой Валерий Николаевич.

Ф. Достоевский. Карандашный рисунок К. Трутовского. 1847 г.

Александр МИТРОФАНОВ

ПО СЛЕДАМ «МАЛЕНЬКОГО ГЕРОЯ»

Потребность красоты и творчества неразлучна с человеком, и без неё человек, может быть, не захотел бы жить на свете.

Ф.М. Достоевский

Свои одиннадцать лет я помню очень даже хорошо. Дело в том, что именно в эту пору родители сменяли шило на мыло и мы оказались, в результате размена квартиры, в дремучей шевченковской хатынке, как нам потом объяснили старожилы – бывшей вшиварне бывшего, ещё дореволюционного, постоянного двора Кулешова на улице Пограничной. Вшиварня – домик о двух комнатках с небольшим коридорчиком, – специальное помещение для вычёсывания и уничтожения вшей. Своеобразная санитарная зона. Оказывается, были и такие. Самого хозяина, деда Кулиша, я ещё застал. Он жил со своей младшей дочерью – тётей Мусей и её семьёй рядом, наши палисадники имели общий забор. Древний седобородый дед Кулиш целыми днями сидел на стуле в густой тени старой вишни и читал Библию. И в жару, и в холод на нём был засаленный ватный халат, а на голове – бархатная тюбетейка.

То, что наше новое жильё – бывшая вшиварня, мы узнали от той же тёти Муси, но позже. Эту деталь бывшие владельцы дома как-то опустили в ходе обменных переговоров. Не думаю, что мать сильно расстраивалась, узнав о таком прошлом нашего домика, отцу и вовсе было всё равно. Да и нам с сестрой было не до этого. Тем более что и мать не слишком откровенничала с обменщиками по поводу исторического прошлого нашей бывшей квартиры на улице Мархлевского. Говорили, что там раньше размещалась тюрьма. И высоченный каменный забор за домом, увенчанный битым стеклом и колючей проволокой, красноречиво свидетельствовал в пользу этих слухов.

Впрочем, жилось в новом дворе, как и в старом, интересно, весело. Персонажи были приметные. Рассвет на крыше своих владений встречала Матрёна Родионовна Тютюнникова. Как уж она туда взбиралась в свои восемьдесят лет?! Может, взлетала на метле, которой потом размахивала вдоль крыши, сметая несуществующий мусор. Порядок у бабы Моти, надо признать, всегда был идеальный. Потом подключались и другие соседи. Часам к восьми выходила на солнышко мрачная, вечно чем-то недовольная баба Катя-цыганка. Курила «Приму» в коротком мундштуке, вечно с кем-то выясняла отношения, не избегая и крепких выражений. Хотя если бывала навеселе, то плясала и пела: «Иногда, иногда дамочка придёт и свои часы починять несёт...» Что уж там потом было с этой дамочкой и с её часами, оставалось только догадываться, – дальше слов баба Катя не помнила. Но, судя по всему, ничего хорошего. Ходили упорные слухи, что баба Катя в незапамятные лихие года была чуть ли не наводчицей в цыганском таборе. Чуть позже выносили стул в палисадник в углу двора для бабы Шуры. Баба Шура-кацапка дружила с матерью, часто одалживала ей деньги, если нам нужно было справить какую-то обновку (иначе часто не обходились), вспоминала старину, свою барыню, у которой воспитывалась ещё до революции девочкой в приживалках. Иногда, под настроение, могла почитать какие-то духовные стихи или тихим, еле слышным голосом спеть про разбойника Ваню Чуркина.

С дворовыми пацанами отношения у меня складывались нормальные. Дружили, ссорились, дрались, мирились. Обычный старый двор южного городка. Ходили на речку, ловили рыбу, купались, сражались в настольный теннис, фехтовали, играли на гитаре, пели Высоцкого, Окуджаву, Визбора, Клячкина и многих других. Читали. «Три мушкетёра», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон» – всё это читалось взахлёб, часто по ночам на моей полуразвалившейся раскладушке под печкой. Светил себе фонариком под одеялом и читал. Приключения, детективы, почему-то меньше фантастику, потом – поэзию.

А уже потом, лет в шестнадцать, уже в институте, появился Фёдор Михайлович Достоевский. Воспринял его сразу, читал запоем сначала «Преступление и наказание», а потом всё подряд. Уж не знаю, хорошо ли это, плохо ли, но, несмотря на, в общем-то, ранний возраст, всё им описанное воспринимал, как что-то не просто знакомое, а близкое, почти родное. Как-то через Достоевского стал взрослеть, больше стал узнавать и себя. Это удивительное чувство сродни, может быть, дежавю. Родители уделяли мне достаточно много внимания, я не был обделён ни материально, ни духовно, всем хорошим я обязан отцу и матери, светлая им память. Но, наверное, есть тут и семейное начало, жили мы не очень благополучно. Хотя, думаю, и в самых благополучных семьях всегда есть место для эдакой «достоевщины». Наверное, какие-то и национальные струны затрагивал он. Родители постоянно бредили Россией, причём исконной, провинциальной, откуда сами были родом, – городом Кирсановом Тамбовской области. В юношеские годы Достоевский стал не просто увлечением, а даже какой-то страстью. Прошло с тех пор уже почти столетия, а я всё не могу избавиться от его обаяния, если такое слово применимо к мрачному гению Достоевского.

Так вот, про одиннадцать лет, с которых я начал эти записки. Именно столько было маленькому герою одноимённого рассказа Достоевского, которому я посвятил свой первый опус. Я наткнулся на него случайно, разбирая старые бумаги, с ностальгической грустью по тем годам и по своей несостоявшейся карьере литературоведа. Написан он по-студенчески, но всё-таки кое-что мне тогда удалось откопать.

ГОД 1969:

Рассказ «Маленький герой» нельзя причислить к произведениям Ф. Достоевского, которые при его жизни особо привлекали внимание критики. Мне не удалось обнаружить специальной работы, кроме статьи Л.М. Розенблюм, которая была бы посвящена анализу «Маленького героя». Как правило, это отдельные замечания комментатора и оценки.

О.Ф. Миллер первым высказался об истории «Маленького героя»: упоминался он в одном из писем Достоевского, был сочинён в крепости после ареста 1849 г. Там, пояснял Фёдор Михайлович,

можно было писать только самое невинное... Из воспоминаний Вс.С. Соловьева, посетившего писателя в Петропавловской крепости, известно ещё одно замечание Достоевского из его рассказов о месяцах заключения: «Ведь что я там делал?.. Я писал «Маленького героя» – прочитайте, разве в нём видно озлобление, муки? Мне снились тихие, хорошие, добрые сны, а потом, чем дальше, тем было лучше». Слово «сны» здесь употреблено метафорически, оно точно передаёт характер произведения, которое Достоевский ещё именовал «Детской сказкой».

Н.К. Михайловский, отмечая своеобразие развития таланта писателя в разные периоды творчества, – «то разгорался сильным и ярким огнём, то потухал до совершенной бесцветности томительной скуки, он никогда не знал меры», – пишет о необычной цельности «Маленького героя». Гармонию в изображении своих персонажей критик находил также в «Записках из мёртвого дома» и двух-трёх «мелких рассказах» («Белые ночи», «Кроткая») – «вполне законченных в смысле гармонии и пропорциональности».

Л.П. Гроссман, критик советской поры, тоже говорит о «сказочности», невинности содержания рассказа, необычной манере, в которой он написан: «в новой, светлой, но чуждой автору манере – на тему о первом увлечении подростка».

ГОД 2012:

В начале семидесятых годов прошлого столетия вышло полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского в 30 томах. Во втором томе этого собрания (Ленинград, 1972) напечатан сам рассказ и комментарий к нему Н.М. Перлиной. Автор комментария акцентирует внимание на том, что сюжет «Маленького героя» своеобразно варьирует ряд тем «Неточки Незвановой». Как и в «Неточке Незвановой», в рассказе описано развитие души ребёнка, «зарождение высокого чувства любви-преданности, любви-самоотвержения».

ГОД 1969:

Можно заключить, что «Маленький герой» необычен для Достоевского, он написан в новой для автора «Бедных людей» светлой гармоничной манере, он выпадает из ряда других; образ влюблённого одиннадцатилетнего мальчика из раннего рассказа Достоевского обладает удивительной цельностью. И с этим, в общем-то, трудно не согласиться. Однако вместе с тем «Маленький герой» – произведение того же Достоевского, создавшего повести «Белые ночи», «Бедные люди», роман «Братья Карамазовы», а это даёт право поставить вопрос: что же такое «Маленький герой»? Исключительное явление или нет? А если нет, то почему?

Хронологически рассказ можно отнести к докаторжному периоду творчества писателя, он замыкает ряд произведений, написанных в 40-е годы. Далее следует длительный перерыв, – лишь в 1855 году Достоевский приступает к работе над «Записками из мёртвого дома». В.Я. Кирпотин в своей книге «Достоевский – художник» утверждает: между докаторжным и послекаторжным Достоевским нет метафизического разрыва, есть восхождение, «противоречивое и подчас кризисное, бурное, при котором каждая последующая ступень была подготовлена предшествующей лестницей». Можно согласиться с этим мнением и считать, что «Маленький герой» – одна из ступенек в творчестве Достоевского, которая неразрывно связана с его восхождением к вершинам художественного совершенства.

Мне кажется, что романтическая направленность рассказа ни в коей мере не может стать аргументом при характеристике необычности рассказа, несовместимости его с другими произведениями Достоевского. Романтические веяния, безусловно, имели огромное значение в творчестве автора «Маленького героя». Вот как вспоминает свою самостоятельную жизнь Достоевский в 1861 году: «Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя то Периклом, то Марием, то христианином из времён Нерона, то рыцарем на турнире, то Эдуардом Глянденингом из «Монастыря»

Вальтера Скотта» и проч.». Он был страстным мечтателем, шёл за сердечными увлечениями и по-детски грезил о любви и счастье.

«Маленький герой» в большой степени продолжение этих грёз, однако его романтическая направленность не является непосредственной данностью. Романтическое в рассказе обусловлено реалистическим. Всё идёт от образа рассказчика. Мы понимаем, что реалистические произведения Достоевского включают романтическое мышление героя-повествователя как подчинённый элемент: романтизм здесь принадлежит не автору, а герою. В силу своего необычного положения, т.е. влюблённости в мадам М, герой несёт в себе безусловно романтические черты. Вот как рассказчик сам говорит о своём необычном состоянии: «...или, наконец, каким-нибудь дивом научил меня кто-нибудь в это мгновение средней истории, в которой я до сих пор ещё не знал ни аза, и в закружившейся голове моей замелькали турниры, паладины, герои, прекрасные дамы, слава и победители, послышались трубы герольдов, звуки шпага, крики и плески толпы, и между этими криками один робкий крик одного испуганного сердца, который нежит гордую душу слаще победы и славы, – уж не знаю, случился ли тогда весь этот вздор в голове моей или, толковее, предчувствие этого ещё грядущего и неизбежного вздора, но только я услышал, что бьёт мой час». Достоевский глубоко проникает в тайники психологии ребёнка, реалистически раскрывает переломный момент в душевной жизни своего литературного двойника – маленького героя.

ГОД 2012:

И мне в моей ранней юности приснился романтический сон. Иду я будто бы вдоль аллеи в районе леваневцев. За бесконечным забором – прибрежная курортно-спортивная зона, плещет Южный Буг. Поздняя осень, но не ненастная, а наша николаевская – спокойная, ещё тёплая, уже золотая. Медленно кружатся пожелтевшие листья со старых шелковиц, кленов, смеркается. Вдруг мимо проезжает старинная карета, из окон которой раздаются крики о помощи. Кричит молодая девушка – в глубине кареты светится белое платье. Я бросаюсь наперерез, хватаю под уздцы и останавливаю лошадей. Из кареты выскакивают двое в тёмных плащах, их лица как-то размыты. В ход идут шпаги, или сабли (я тогда занимался фехтованием на саблях). Легко справляюсь со злодеями. Они вообще куда-то исчезают вместе с каретой и лошадьми. Но девушка остаётся. Она мне благодарна за спасение от разбойников. Мы идём какое-то время по аллее, взявшись за руки, тишина... Потом картина меняется, мы оказываемся на скамейке на берегу левитановского пруда. Долго молчим. Но потом она говорит: «Я завтра уезжаю, у меня скоро экзамены». Вот и весь сон. А помню его, как будто вчера приснился, уже почти пятьдесят лет.

О прочитанных книгах, уже наяву, разговаривали с не по годам рассудительной внучкой бабы Уди и старого Ноя. Ной по сравнению с белой как лунь и похожей на добрую ведьму женой своей Удей выглядел даже моложаво. Высокий, худой, как жердь, с выпирающими рёбрами, впалой грудью – всё это выглядело очень даже живописно, поскольку, как и многие другие в нашем дворе, старик ходил по двору без майки. Старый Ной глядел на всех каким-то яростным, гневным взглядом. Может быть, так казалось из-за вывернутых наружу красных век, воспалённых глаз и постоянно распаренного лица. Говорили, что Ной всю жизнь, а было ему, наверное, уже за восемьдесят, – проработал на заводе имени Носенко (сейчас Черноморский) красильщиком. Когда Ной умер, баба Удя сидела среди двора и посыпала голову прахом. Наверное, так же делала библейская Сара после кончины своего мужа Авраама. И ни дети – Рива, Зяма и Рахиль, ни многочисленные внуки не могли заставить её встать очень долго...

Вообще-то наш небольшой двор был интернациональным. Рядом, по-соседски, дружно жили евреи, цыгане, русские, украинцы, греки... Народ был, что ни говори, колоритный. Взять хотя бы деда моего друга Миши – Эфроима Шмулиевича Резниковича. Во дворе дразнили его Фимкой, а он, хоть и туговат на ухо, понимал, что его дразнят, и гонялся за пацанами с палкой. Зрелище было умо- рительное, хотя старик злился всерьёз. Низенький шупленький старичок, с согбенной от возраста спиной, – тем не менее, бегал довольно проворно. На бегу развевались фалды бессменного парусино-

вого, когда-то белого пиджака и пожелтевшие от вечного курения усы. Будь у Эфроима Шмулиевича борода, он как две капли воды походил бы на старика Хоттабыча. Голову он стриг налысо.

Жилище, не могу назвать это даже квартирой, где жили Эфроим Шмулиевич со своей дочерью тётёй Ривой и внуком Мишей, могло бы, пожалуй, послужить декорацией к пьесе Горького «На дне». Сначала общий, на три квартиры, коридор. Слева двери в квартиру человека загадочного – Шурика Левитова. О нём никто ничего не знал, кроме очевидного – человеком он был состоятельным, а жена – красавицей. Ни дать ни взять София Лорен. Прямо – квартира женской семьи Васильевых – матери и двух её дочерей. А между ними – проход к Резниковичам.

Ещё два слова об общем коридоре. Тут у соседней была и кладовка, и кухня и всё что угодно. Помимо всего прочего, именно здесь происходили бои Миши со старшей сестрой Васильевых Леной. В основном, по инициативе Лены. Однажды запущенной ею особо метко кружкой она отколола ползуба Мише, после чего он остался навсегда щербатым. Наконец – жилище Резниковичей. Узкий, как пенал, коридор, справа что-то вроде шкафа вдоль стены, сплошь заставленного самыми разнообразными часами. Большинство из них шло. И когда наступало время, то хоть и вразнобой, но со всех сторон раздавались какие-то всхлипывания, звон, кукование и всякие другие свидетельства того, что время не стоит на месте, что всё, увы, проходит. Кроме часов, на запыленных полках рядами стояли бутылки формы самой разнообразной и причудливой, чуть ли не со времён создания этого незаменимого в хозяйстве предмета, и заканчивая банальными из-под кефира. Пора сказать о том, что бывший жестянщик Эфроим Резникович на старости лет зарабатывал на жизнь тем, что собирал и сдавал бутылки в пункт приёма стеклотары. Ничего необычного, а тем более предосудительного в этом занятии не было, разве что, в отличие от многих других граждан, которые старались избавиться от бутылок, он, будучи профессионалом, а не любителем, наоборот, их накапливал. А учитывая крайнюю тесноту жилища, можно вполне понять негодование тёти Ривы по поводу деда, его увлечения бутылками и вообще всей этой жизни. Впрочем, Эфроим Шмулиевич редко реагировал на крики дочери, может, действительно не слышал. Как правило, он спокойно лежал на своей кровати, которая слева от шкафа занимала практически всю оставшуюся часть коридора, и чтобы попасть в комнатку Миши и тётёи Ривы, приходилось буквально протискиваться между забитым бутылками шкафом и кроватью, на которой возлежал дедушка, часто с утюгом на животе. При помощи утюга Эфроим Шмулиевич вправлял грыжу. Правда, всё было прилично, поскольку патриарх никогда не расставался со своим парусиновым костюмом. Вторая и последняя комнатка была настолько маленькой, что в ней едва помещались диван, небольшой стол, как тогда говорили, шифоньер, пара стульев. И оставался клочок пространства для раскладушки. Несмотря на то, что вынести из дому вора было, мягко говоря, нечего, единственное в квартире окно было заделано мощной металлической решёткой, за которой безрадостно возвышался каменный забор, отделявший наш двор от соседнего. Под забором происходили постоянные разборки между котами. Однажды мы записали этот концерт на магнитофон.

Каждое утро часов в шесть нас будил заводской протяжный гудок, и огромные толпы рабочего люда двигались по переулку Корабелов (в полуквартале от нашего двора) в сторону завода.

ГОД 1969:

В анализе взаимодействия реалистических и романтических тенденций видится возможность раскрытия художественного значения рассказа «Маленький герой», определения его места в ряду других произведений Достоевского.

Романтические черты нежного и восприимчивого к взрослой жизни мальчика мотивированы реалистически. Маленький герой, с одной стороны, обособлен автором, лишён естественного для его возраста окружения: семьи, гувернёра, ему отказано даже в сверстниках, т.е. убрано всё, что может хоть как-нибудь повлиять на его отношения с «обществом», дамами», с другой стороны, он сам стремится к одиночеству, сразу уходит в «угол»: «Скоро среди вихря, меня окружавшего, почувствовал

я какое-то одиночество. Тут были и другие дети, но все – или гораздо моложе, или гораздо старше меня; да, впрочем, не до них мне было». «...Я уходил куда-нибудь, чтобы меня не могли видеть». Таким образом, устранены все бытовые детали, которые имели бы хоть какое-нибудь социальное звучание.

В начале рассказа Ф.М. Достоевский описывает беззаботную деревенскую обстановку в усадьбе. «Было весело, казалось, это был праздник, который с тем и начался, чтобы никогда не кончатся». Возвышенный романтический характер одиннадцатилетнего героя приходит в столкновение с жизнью. Примечательно, что это столкновение не обходится простым разочарованием или удивлением, – он страдает глубоко и серьёзно. В этом смысле стоит обратить внимание на смех, квинтэссенцию смеха, как начало, глубоко оскорбляющее людей, болезненно впечатлительных и легко ранимых, каким является юный герой Достоевского. Его повсюду преследует смех «блондинки»: «Меня смущал, а её веселил смех, раздававшийся кругом нас, который она поминутно вызывала резкими взбалмошными выходками со мной, что, видно, доставляло ей огромное наслаждение». Особенно замечательно, что в отношениях литературного героя с «блондинкой» темы смеха и страдания развиваются параллельно, они взаимозависимы. «Отчего ты не хочешь сесть ко мне на колени?» – настаивала она, начиная смеяться всё сильнее, так, что, наконец, принялась хохотать бог знает чему... или, обрадовавшись, что я так сконфузился. Но ей того-то и нужно было...». «Я покраснел и в смущении осматривался кругом... вдруг совсем неожиданно... преобильно сжала её (руку. – А.М.) в своих шаловливых горячих пальчиках и начала ломать мои пальцы, но так **больно**, что я напрягал все усилия, чтоб **не закричать**, и при этом делал **пресмешные** гримасы...». «Вероятно, моё лицо выражало все мои недоумения, потому что шалунья **хохотала** мне в лицо, как безумная, а между тем **всё сильнее щипала и ломала мои бедные пальцы**». Всеми этому можно было бы придать характер невинной шутки, не будь здесь такого смакования мучительства, с одной стороны, глубокого унижения и стыда, с другой. В самом начале знакомства с «блондинкой» порция мучений и страданий была получена маленьким героем вместе со смехом. Отсюда и последующие ассоциации: смех, мучения, боль, унижение. «Притязания моей блондинки **резали** меня, – следует признание познающего жизнь малыша, – **стыдили** меня, **язвили** меня **до крови**» (выделено мною. – А.М.).

Для Достоевского не было большего унижения и мучения, как знать или подозревать, что он смешон. В письме к брату от первого апреля 1846 года он пишет: «У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие...» Писателю были невыносимы насмешки, они бесили его, выводили из равновесия, оскорбляли. Его маленький герой многое воспринял в этом смысле от автора. Б.И. Бурсов пишет о Достоевском: «Обид он никогда не забывал и никому их не прощал... Память и душа Достоевского напоминала особый род кладовки, в которую он складывал действительные и даже нарочно выдуманные обиды. Он был человеком злопамятным, но его злопамятность не похожа на злопамятность человека, который, накапливая дурные воспоминания и мнения о людях, затем сводит с ними счёты. Достоевский человек злопамятный, но не злой. Потому, что жил он во имя добра». Действительно, герои его на основании лично им или другим людям нанесённых обид предъявляют свой ультиматум миру, как несправедливо устроенному, попирающему человеческое достоинство. Свой ультиматум предъявляет и маленький герой. Что же вынул на этот раз из своей «копилки» Достоевский, чтобы его герой предъявил ультиматум? «Всего мучительнее для меня, – говорит рассказчик, – были насмешки в присутствии м-м М... Этому была причина тайная, странная, глупая, которую я таил, за которую дрожал, как Кашей, и даже при одной мысли о ней, при одной мысли об этом предмете я чуть не задыхался от смущения, стыда и боязни, – словом, я был влюблён...»

В молодости у Достоевского было крайне мало увлечений. Постоянная борьба за жизнь, напряжённые умственные занятия не оставляли времени и места для увлечений женщинами. В письмах, написанных до ареста, мы находим интересное упоминание. 16 ноября 1845 года Достоевский пишет брату: «Вчера я первый раз был у Панаева и, кажется, влюбился в жену его (она славится в Петербурге). Она умна и хорошенькая, вдобавок любезна и умна донельзя». Это было настоящее чувство зрелого мужчины. «Увлечение Панаевой, – свидетельствовала А.Г. Достоевская, – было мимолетно, но

всё же это было единственным увлечением Достоевского в его молодые годы...» Предположим, что в отношениях маленького героя с мадам М в какой-то мере сказались воспоминания Достоевского о Панаевой. Почему же, в таком случае, эти воспоминания отражены в таких отношениях и ситуациях, которые заставляют страдать маленького героя? Почему эти страдания выписаны с таким сочувствием и саморастравлением, почему работа над рассказом так изматывала писателя? Вероятно, описывая переживания маленького героя, Достоевский переплавлял какие-то свои интимнейшие переживания, и это изнуряло его, вынуждало бросать перо и не писать по несколько недель. Период работы над «Маленьким героем» достаточно полно отражён в письмах из застенков, содержащих психические и физические переживания узника Петропавловской крепости. Эти письма дают право полагать, что работа над произведением имела важное значение в жизни Достоевского периода пребывания в крепости, автор вольно или невольно выразил свои мысли и чувства, которые более всего волновали его во время заключения, а переживал он его тяжело: «У меня сон очень малый да и то с сновидениями болезненными. Сплю я часов пять в сутки и раза по четыре в ночь просыпаюсь... Всего тяжелее время, когда смеркается, а в девять часов у нас уже темно. Я иногда не сплю до часа, двух за полночь, так что часов пять темноты переносить очень трудно, это более всего расстраивает здоровье». Куда уж тут до «тихих, хороших, добрых снов», о которых говорил Достоевский при встрече с Вс.С. Соловьёвым. Одиночество, вынужденное безделье измотали и без того склонного к ипохондрии писателя: «О здоровье моём ничего не могу сказать хорошего. Вот уже целый месяц, как я просто ем касторовое масло и тем только и пробиваюсь на свете... К ночи усиливается впечатлительность, по ночам длинные безобразные сны и, сверх того, с недавнего времени мне всё кажется, что подо мной колышется пол, и я в моей комнате сижу, словно в паровой каюте. Из всего этого я заключаю, что нервы мои расстраиваются».

ГОД 2012:

Однажды я побывал в Петропавловской крепости, в Алексеевском равелине. Было это ещё в середине восьмидесятых. Правда, камеру, где был заключён Достоевский, увидеть не удалось, но в похожих камерах, где содержали перед казнью народовольцев, побывал. Причем получилось так, что в какой-то момент остался там один, без экскурсовода и даже без других посетителей. Просто один. Честно скажу, стало как-то жутковато. Из утвари запомнился черпак для воды в стенной нише, брошенный на каменный пол тюфяк, набитый соломой, а всё остальное – камень. И где-то высоко под сводчатым потолком маленькое зарешеченное окошко. Где уж тут, действительно, до «тихих, хороших, добрых снов». Тут даже у людей, менее впечатлительных, чем Достоевский, невольно появляется тревожное состояние, давящее, гнетущее. А уж Фёдор Михайлович и без камеры-одиночки умел видеть во всём окружающем трагическую сторону, может, как никто другой. Он ведь не только не мог покинуть камеру по своему желанию, а даже и не предвидел, как может сложиться его дальнейшая судьба, ведь не мог он не думать о том, что его ждёт, а возможно, и даже о самом трагическом исходе. Что же получается: неврастеник, способный упасть в обморок от одного взгляда светской красавицы, эпилептик, подверженный тяжёлым припадкам, нашёл в себе духовные силы не только отвлечься от мрачной действительности, но и силой своего творчества создать светлый мир «Маленького героя».

Мне приходилось довольно тесно общаться с закоренелыми уголовниками, рецидивистами, отбывавшими солидные сроки в Уфимской колонии строгого режима. Я одно время там работал в вечерней школе. Каждый из них, по-своему, конечно, реагировал на обстановку, на сам факт ограничения свободы. Кто-то старался занять себя: учёба, книги, работа. А кто-то принципиально не подчинялся режиму и, в основном, содержался в порядке наказания или в ШИЗО (штрафном изоляторе) – десять дней или в ПКТ (помещении камерного типа) – там держали до трёх месяцев, причем на голодном пайке. Прямо на территории колонии был завод – делали моторы. Некоторые работали при школе. Валера Н., разумный, грамотный парень, работал лаборантом в физическом и химическом

кабинетах. Цеховик со сроком семь лет. Ждал не дождался, когда вернётся домой, часто вспоминал о свободе, о жене. Говорил, что попал случайно, по глупости. Лукавил, конечно. Позже как-то проговорился, что на свободе бедствовать не будет, припрятано многое из краденого. Был один высокий, средних лет, по восточным меркам красавец, художник Ф. Стенгазету нарисовал на Новый год просто расчудесную. Очень профессионально – тут тебе и Дед Мороз, и Снегурочка, и всё что положено. Молчаливый, снисходительный, даже высокомерный. Мне сказали по секрету, что он непревзойдённый фальшивомонетчик. Сторублёвку нарисует – не отличишь от настоящей, подпись подделает любую в лучшем виде. На свободе был нарасхват. Безбашенных было мало, или не высывались. Хотя и не без этого. Коллеги-учителя мне рассказывали, как однажды перед уроком среди класса обнаружили огромную лужу крови – случилась поножовщина между учениками-заключенными. Одного ученика, как потом выяснилось, «опущенного» К., уже при мне все донимали: «Ну что, пошли в баньку». Позже он повесился, молодой парень, лет двадцать пять ему было. Были и другие случаи – побеги, самоубийства, убийства. Обращались ко мне некоторые со скрытой издевкой, я был молодой: «Гражданин педагог, а вот расскажите нам о процессе Даниэля и Синявского». Все как один твердили, что в тюрьму попали случайно, кто с женой повздорил, она и сдала в милицию, кто по пьянке. Врали, конечно, все по несколько сроков имели – в колонии строгого режима других не держат. Были среди них и убийцы, и грабители, и насильники. Уголовники, конечно, не политические, но всё равно, люди везде люди, пока живут, дышат – на что-то надеются. Вот и Достоевского, наверное, эта надежда держала. Надежда и, может быть, вера в свой талант, в свое призвание.

ГОД 1969:

Сложно и противоречиво отношение Достоевского к работе над «Маленьким героем». С одной стороны, он пишет Михаилу Михайловичу Достоевскому о том, что работа пагубно сказывается на его здоровье, забирает слишком много сил и внутренней энергии, с другой – она ему необходима: «Право, брат, грешно впадать в апатию, усиленная работа кон-амор – вот настоящее счастье. Работай, пиши, чего лучше?» Достоевский не был безразличен к тому, что он написал в крепости. У нас также есть основания полагать, что описанное в «Маленьком герое» имеет отношение к судьбе автора.

Воспоминания Достоевского о Панаевой связаны с глубоким, незаслуженным оскорблением. К.И. Чуковский в своей работе «Литературный дебют Достоевского» раскрывает его отношения с кружком Белинского, который вначале превозносил его талант, а затем не только полностью его отрицал, но и считал Достоевского бездарнейшим обманщиком и плутом. «Положение Достоевского среди тех, кого он так доверчиво называл «наши», – полагает К.И. Чуковский, – было мучительное. Хуже всего было то, что Достоевский в ту пору был влюблён в жену Панаева, подругу Некрасова Авдотью Яковлевну... Удивительно, до чего этот роман был в духе самого Достоевского, так и кажется, что читаешь о нём на страницах «Игрока» или «Подростка». Каждый понедельник Языков, Григорович, Тургенев, сидя за чайным столом у Панаевой, систематически трунили над влюблённым, вызывая его на забавные выходки, делая его смешным в глазах любимой». А.Г. Достоевская вспоминает: «В доме у них (Панаевых. – А.М.), где к Фёдору Михайловичу начали относиться насмешливо, неглупая и, по-видимому, чуткая Панаева пожалела Достоевского и встретила за это с его стороны сердечную благодарность и нежность искреннего увлечения...» Ноты сочувствия и сострадания к болезненно впечатлительному человеку, попавшему в насмешливую среду молодых литераторов, слышатся и в воспоминаниях Панаевой. Вскоре Достоевский перестал бывать в их доме. Но это увлечение не прошло бесследно для его творчества. Разве случайно именем Панаевой была названа одна из замечательных красавиц романов Достоевского Авдотья Романовна Раскольниковова? Через 20 лет он увековечил эту необычайную русскую красоту в своём любимейшем создании – в романе «Идиот».

Вот как описана мадам М, предмет любви маленького героя, прототипом которой, как считают исследователи, послужила Панаева. Читаем Достоевского: «М-м М была очень хороша собой, но

в красоте её было что-то особенное, резко отличавшее её от толпы хорошеньких женщин, было в лице её, что тотчас же неотразимо влекло к себе все симпатии, или, лучше сказать, побуждало благородную, возвышенную симпатию в том, кто встретил её. Есть такие счастливые лица. Возле неё всякому становилось как-то лучше, как-то свободнее, как-то теплее, и, однако ж, её грустные, большие глаза, полные огня и силы, смотрели робко и беспокойно, будто под ежеминутным страхом чего-то враждебного и грозного, и эта странная робость таким унынием покрывала подчас её тихие, кроткие черты, напоминающие светлые лица итальянских мадонн, что, смотря на неё, самому становилось так же грустно, как за собственную, как за родную печаль. Это бледное, похуевшее лицо, в котором сквозь безукоризненную красоту чистых, правильных линий и унылую суровость глухой, затаённой тоски ещё так часто просвечивал первоначальный детский облик, – образ ещё недавних доверчивых лет и, может быть, наивного счастья...» Все основные черты характера мадам М, выраженные Достоевским, совпадают с данными портрета Панаевой: светлая чистота линий, задумчивость, затаённая грусть, доброта.

Вспоминая о своих отношениях с Панаевой, Достоевский не мог не упомянуть тех, кто жестоко и грубо насмеялся над его первым чистым и нежным чувством, всё существо его протестует против этого несправедливого, жестокого приговора. Он набрасывается с силой и остротой публициста на своих обидчиков, которые не смогли разглядеть его гения: «Для всей плеяды Белинского он остался до конца жизни чужим: должны были исполниться какие-то сроки, чтобы лишь внуки и правнуки тех, кого он взбудоражил своей первой повестью, поняли, мимо какого высокого трагика их деды прошли, как слепые!» (К. Чуковский).

Для В.Г. Белинского в литературе была определена одна задача, следовать которой должен художник. Белинский ставил перед литературой, критикой и всем идейным движением своего времени задачу всестороннего развенчания самодержавия и крепостничества. Известно отношение Белинского к Достоевскому – автору «Бедных людей». Именно он прочил Достоевского в новые Гоголи. Однако никому, и даже Достоевскому, не мог простить отхода от социальности. В произведениях «Белые ночи», «Двойник», «Господин Прохарчин» и особенно «Хозяйка» Достоевский отходит от социальности, обращает углублённое внимание на человеческую психологию, продолжая и развивая романтические традиции своих русских и зарубежных предшественников.

В своих статьях, письмах и просто высказываниях В.Г. Белинский обрушивается на своего бывшего союзника и кумира. «Но в «Двойнике» есть ещё и другой существенный недостаток, – утверждает он. – Это его фантастический колорит. Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишённых, а не в литературе, и находится в заведении врачей, а не поэтов». Белинский полагал, что в искусстве не должно быть ничего случайного, ничего тёмного и непонятного, поэт «снимает с рассказываемого им события всё случайное, представляя нашим глазам одно необходимое, как неизбежный результат достаточной причины». О повести «Хозяйка» В.Г. Белинский отзывался ещё резче, чем о «Двойнике» и «Господине Прохарчине»: «Не только мысль, даже смысл этой, должно быть, очень интересной повести остаётся и останется тайной для нашего разума, пока автор не издаст необходимых пояснений и толкований на эту дивную загадку его причудливой фантазии».

Дружеские отношения Достоевского с кружком Белинского сменяются враждой. Он прекращает всякие отношения с бывшими друзьями. Впрочем, некоторые особенности характера Ф.М. Достоевского, полагают его биографы, могли способствовать такому отчуждению. Евг. Соловьёв в очерке «Ф.М. Достоевский, его жизнь и литературная деятельность» пишет о том, что Достоевский, требовательный к себе и другим, «обидчивый до крайности, раздражительный и самолюбивый», был мало пригоден для товарищества и дружбы. И напрасно впоследствии приписывал он свой разрыв с кружком Белинского и журналом «Современник» только различию в убеждениях, – здесь дело было в ином: «слишком ласковое отношение к себе, слишком требовательное к другим».

В рассказе «Маленький герой» появляется гневный протест незаслуженно обиженного и оскорблённого человека, бросающего вызов в лицо своим мучителям. Речь идёт о монологе рассказчика по поводу людей, у которых «вместо сердца кусок жира». Именно он натолкнул исследователей на мысль о том, что в образе мужа мадам М, мсье М. Достоевский старается зло осмеять людей, предавших его и его друзей. «Нет сомнения, – пишет Л.М. Розенблюм, – что эти слова, «облитые горечью и злостью», сам Достоевский, недавний участник собраний петрашевцев, незадолго до каторги адресовал тем, кто, прикрываясь лицемерными фразами о любви к человечеству, по существу подерживал современный общественный порядок».

В рассказе стыдливого подростка, своего маленького героя, в исповеди, состоящей всего из тридцати семи страниц, – полтора листа занимают рассуждения о людях без сердца. Это примечательные полтора листа, их стоило бы цитировать целиком, ибо нет других строк, которые столь убедительно и ярко характеризовали позицию автора в отношении эгоистов-фразёров, людей безмерно гордых, тщеславных зубоскалов, господ, похожих на «житейских плутов, прирождённых Тартюфов и Фальстафов».

Именно Белинский и его друзья не смогли по достоинству оценить талант Достоевского в момент его творческих поисков и от восторженного поклонения перешли к отрицанию его таланта, именно Белинский в своих статьях, цитированных выше, порицает романтизм вообще и романтизм Достоевского в частности, именно Белинский стремился к тому, чтобы социальность и реалистическая оправданность стали незыблемыми нормами русской литературы.

ГОД 2012:

Удивительно вообще, что мою работу тогда в институте приняли к рассмотрению и защите. Ведь наш Николаевский педагогический институт носил тогда имя предтечи революционеров-демократов – неистового Виссариона. Так называли Белинского его соратники и последователи. Среди них и Владимир Ильич Ленин, который очень высоко оценивал демократическую направленность творчества Виссариона Григорьевича Белинского, а его знаменитое «Письмо к Гоголю», из-за чтения которого в кружке Петрашевского и попал на каторгу Достоевский, вообще считал одним из лучших произведений бесцензурной демократической прессы. Ну, ладно я, девятнадцатилетний юнец, но маститые наши преподаватели – светлой памяти Татьяна Георгиевна Костюченко, декан Андрей Акимович Солоха, — они, конечно же, понимали, не могли не понимать, что трактовать в таком свете, как это было в моей курсовой, самого Белинского, по меньшей мере, бестактно, если не сказать больше.

Между прочим, имя В.Г. Белинского наш пединститут носил не случайно. Дело в том, что летом 1846 года Белинский вместе со знаменитым актёром Малого театра М.С. Щепкиным были в Николаеве. Белинский лечился на юге от чахотки, а Щепкин играл в театре Миллера на улице Московской. Знаменитый критик жил по улице Фалеевской, семь (теперь семнадцать) с середины июля до начала августа, страдал от скуки, жары, от плохой, по его мнению, игры николаевской труппы. Однако был доволен фруктами, ценами на них, удивлялся природному богатству нашего южного края. Позже он с особым удовольствием вспоминал о знакомстве с контр-адмиралом Бергом – будущим Главным командиром Черноморского флота – и его семьёй.

Много воды утекло с тех пор. И страна, в которой мы живём, уже давно другая, и пединститут наш уже не имени Белинского, а Николаевский национальный университет имени В.А. Сухомлинского. В независимой Украине Белинский пришёлся не ко двору, и вовсе не из-за того, что не понял молодого Достоевского и допускал, чтобы его окружение откровенно издевалось над гением. Белинский не любил и не понимал Тараса Григорьевича Шевченко и вообще Украину. Вот выписка из интернетовской статьи («Белінський і Україна»), посвящённой известному критику:

«Белінський категорично заперечував право українського народу творити власну історію:

«...Малороссия никогда не была государством, следовательно, и истории, в строгом значении этого слова, не имела. История Малороссии есть не более как эпизод из царствования царя Алексея Михайловича...»

«...История Малороссии – это побочная река, впадающая в большую реку русской истории. Малороссыяне всегда были племенем и никогда не были народом, а тем менее – государством...»

В особливо різкій формі його антиукраїнські погляди прослідковуються у листі 1847 року до літературного критика Павла Анненкова, в якій образливих слів були удостоєні українські письменники Тарас Шевченко та Пантелеймон Куліш. Зокрема, Белінський писав:

«Вы помните, что верующий друг мой говорил мне, что верит, что Шевченко – человек достойный и прекрасный. Вера делает чудеса – творит людей из ослов и дубин, стало быть, она может и из Шевченки сделать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и подлеца, а сверх того горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому. Этот хохлацкий радикал написал два пасквиля на государя императора – один на государя императора, другой на государыню императрицу. ...Я не читал этих пасквилей, и никто из моих знакомых их не читал (что, между прочим, доказывает, что они нисколько не злы, а только плоски и глупы), но уверен, что пасквиль на и<мператри>цу должен быть возмутительно гадок по причине, о которой я уже говорил. Шевченку послали на Кавказ солдатом. Мне не жаль его, будь я его судьёю, я сделал бы не меньше. Я питал личную вражду к такого рода либералам. Одна скотина из хохлацких либералов, некто Кулиш (экая свинская фамилия!) в «Звёздочке», иначе называемой... журнале, который издаёт Ишимова для детей, напечатал историю Малороссии, где сказал, что Малороссия или должна отторгнуться от России, или погибнуть... Вот что делают эти скоты, безмозглые либералишки. Ох, эти мне хохлы! Ведь бараны, а либеральничают во имя галушек и вареников со свиным салом...»

Сетевой источник не искажил смысл высказываний критика. Комментировать строки писем В.Г. Белинского, думаю, излишне. Сама жизнь дала на всё ответ. Кстати, в истории рода Достоевских очень многое связано с Украиной. Один из предков Достоевского – землевладелец Пинского (тогда Литва, ныне Белоруссия) повета Фёдор Иванович Достоевский – поселился на Волини вместе с известным оппонентом Ивана Грозного князем Курбским, который называл Достоевского своим приятелем и уполномоченным. Потомство Фёдора Ивановича утвердилось на Волини, вероятно, положив начало той ветви Достоевских, поселившихся в соседней Подолии, из которой вышел писатель Фёдор Михайлович Достоевский. Были среди предков писателя и воины, и чиновники, и священнослужители, судьба которых связана с Украиной. Скажем, в семнадцатом веке Акиндий Достоевский был иеромонахом Киево-Печерского монастыря; некий Стефан Достоевский, вернувшись из турецкого плена в 1624 году, в благодарность за избавление повесил серебряные цепи перед иконой Богородицы во Львове; Андрей Достоевский-хорунжий поветовой хоругви Волинского воеводства упоминается в архивах 1649 года в связи с разорением местечка Острожца; в 1669 году католик Леонид Достоевский принимал участие в избрании короля Михаила Вишневецкого (фигура, также не чуждая истории Украины); уже в восемнадцатом веке Стефан Достоевский поступает в монастырь и достигает епископского сана, наконец, дед писателя Андрей Достоевский был протоиереем города Брацлава Подольской губернии. Так что отец писателя Михаил Андреевич Достоевский родился в Подолии в семье униатского священника. Любопытно, не правда ли?!

ГОД 1969:

Достоевского не поняли, осмеяли в глазах любимой женщины, надругались над святым. Дама М не одинока в галерее образов-памфлетов у Достоевского, в своём романе «Бесы» он ответил на оскорбление блестящим памфлетом о Тургеневе. «Принято осуждать Достоевского за его пасквиль о Тургеневе, – пишет К.И. Чуковский, – но забывают, что Тургенев задолго до появления «Бесов» был автором пасквиля о Достоевском, осмеяв, совместно с Некрасовым, его наружность и его болезнь». Не лишено оснований предположение, что именно Тургенев и послужил Достоевскому прототипом мужа мадам М. Во всяком случае, личной неприязни для этого было достаточно. Рассказчик го-

ворит о нём так: «Прежде всего, это был европеец, с образчиками новых идей и тщеславящийся своими идеями. С виду это был черноволосый, высокий и особенно плотный господин, с европейскими бакенбардами, самодовольным, румяным лицом, с белыми, как сахар, зубами и с безукоризненной джентльменской осанкой».

К.И. Чуковский приводит выдержку из письма Достоевского к брату, в котором сообщает о Тургеневе как о приехавшем из Парижа красавце, аристократе и богаче. Потом Достоевский узнает, что вместе с рассказами о творческих замыслах Тургенев распространяет всякие анекдоты о Достоевском. Продолжаем сопоставление с «Маленьким героем»: это «был человек примечательный: это был остряк, говорун и рассказчик, и в гостиных кругом него всегда собирался кружок... Он овладел разговором, он был в ударе, весел, чему-то рад и заставил-таки всех смотреть на себя». Достоевский в чем-то, и даже во многом, преувеличивает звучание отдельных черт характера мсье М с тем, чтобы усилить его сатирическое, обличающее начало: «Называли его умным человеком. **Так в иных кружках** (выделено мной. Намёк на кружок Белинского. – А.М.) называют особую породу растолстевшего за чужой счет человечества, которая ровно ничего не делает, которая ровно ничего не хочет делать и у которой, от вечной лености и ничегонеделания, вместо сердца кусок жира... Итог всему выйдет, что мой герой есть не более не менее как исполинский, донельзя раздутый мешок, полный сентенций, модных фраз и ярлыков всех родов и сортов» («Маленький герой»).

Кстати, Белинского Достоевский тоже называл «пустым ничтожным человеком», «у которого в литературных мнениях семь пятниц на неделе». Это преувеличение оправдано, оно было необходимо Достоевскому как самозащита от насмешек и унижений, как отрицание несправедливости: «В молодости нередко он терял ощущение нормального положения вещей. Порою его поведение приобретало комический характер. И он это замечал в себе. Над ним смеялись. Да ещё как, смеялись над гением. И среди смеявшихся были гениальные люди – например: Тургенев, Некрасов... смеявшиеся над ним видели только смешные поступки, забывая о том, что они принадлежат гению и характеризуют гения» (Б. Бурсов). Так почему же Достоевский не может бить врага его же оружием, тем более что оснований у него для этого было достаточно?

Особая энергичность Тургенева в деле осмеяния Достоевского могла быть истолкована последним не иначе как бессердечие: «Эти господа, – говорит рассказчик о мсье М, – тем и пробиваются на свете, что устремляют все свои инстинкты на грубое **зубоскальство, самое близорукое осуждение и безмерную гордость**. Так как им больше нечего делать, как **подмечать и затверживать чужие ошибки и слабости**».

Горечь и сарказм, протест против несправедливого унижения слышны в этих словах Достоевского. В них с определённой конкретностью памфлета он изливает свою желчь на обидчиков, с остротой гротеска преувеличивая те стороны их характеров, которые позволили им преступить черту гуманности, увлекшись той разновидностью самовозвышения, которая основана на страданиях человека. Смех над слабостью озлобляет.

Над маленьким героем тоже смеялись, оскорбили в нём чистоту. «Я был отуманен, – исповедовался глубоко переживавший обиду ребёнок, – слышал только, что во мне что-то бесстыдно, бесчеловечно уязвлено, и заливался бессильными слезами. Я был раздражён, кипели негодование и ненависть, которой я доселе не знал никогда, потому, что только первый раз в жизни испытал серьёзную горе, оскорбление, обиду, и всё это было действительно так, без всяких преувеличений...»

В рассказе автор выступает одновременно в роли художника и публициста. Он обрушивает на своих оппонентов весь гнев публициста, с одной стороны, и с другой, – при помощи образа маленького героя укрепляет свои эстетические позиции. Повествователь склоняет нас к выводу: его герой с честью выходит из единоборства с грубой действительностью, подчиняет её себе, несмотря на неосознанность своих стремлений и желаний, всё же добивается признания своих прав. И этот мотив выступает в качестве оплодотворяющего начала.

Не так давно, в 2011 году, как принято говорить, мировая культурная общественность отметила 190-ю годовщину со дня рождения Ф.М. Достоевского. В России режиссёр Владимир Хотиненко по сценарию Эдуарда Володарского снял и показал по телеканалу «Россия» сериал, посвящённый жизни и творчеству Достоевского. В главных ролях заняты прекрасные актёры Евгений Миронов, Чулпан Хаматова. Из мировых классиков, пожалуй, чаще других цитируют его знаменитую фразу: «Красота спасёт мир». Однажды я услышал её из уст Президента Украины, когда он готовился к видеозаписи у нас на Николаевской студии телевидения, уж не помню по какому поводу, но было это у нас в коридоре во время частного разговора. Неоднократно слышал, как Митрополит Николаевский и Очаковский Питирим цитировал Митю Карамазова: «Здесь дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей». Наконец, свой новый театральный сезон наш Николаевский академический русский драмтеатр открыл спектаклем «Дядюшкин сон» по известной повести Фёдора Михайловича. Инсценировку написал Юрий Лоттин, поставил спектакль актёр театра, заслуженный артист Украины Сергей Чверкалюк. И это только так, навскидку, первое, что пришло на память. Ф.М. Достоевский давно и бесповоротно стал частью нашей культуры, нашей жизни, нашего самосознания. Частью нас самих. Давайте хотя бы иногда об этом вспоминать.

***Митрофанов Александр Александрович.** Родился в Николаеве 21.10.1950 г. Окончил филфак Николаевского государственного пединститута. Работал преподавателем, телевизионным журналистом, редактором художественных программ Николаевского ТВ. Был главным редактором и ведущим «Телекома-1» (1990). Создатель и ведущий популярных циклов Николаевского ТВ: «Світанок», «Відлуння», «Кратки над «і». Генеральный директор Николаевской областной государственной телерадиокомпании (с 2000 г.). Заслуженный журналист Украины (1997). Награждён орденом «Рождество Христово – 2000» Украинской православной церкви. Удостоен звания «Горожанин года» в номинации «Средства массовой информации» (2000).*

Виктор ДУБОВИК

НАМ БЫЛО ПО ДЕВЯТНАДЦАТЬ (Тендровская история)

Как началась для меня война?

В субботу, 21 июня 1941 года, в числе политгрупповодов я был вызван на инструктаж в политотдел военно-морской базы. Нам прочли несколько лекций, дали методические наставления по проведению очередного политзанятия в понедельник 23 июня. Оттуда пешим ходом через Широкую Балку добирались в расположение части. По дороге познакомились с девушками и договорились о воскресном свидании с ними, которому так и не суждено было состояться. В казарму добрались уже после отбоя. В час ночи сквозь сон слышали, как по тревоге подняли наше отделение боепитания, а в два часа ночи вся батарея по тревоге была переведена на «готовность номер один». Здесь мы узнали, что «боепитанию» приказано готовить боевые снаряды, т.е. вскрывать цинковые ящики с дистанционными взрывателями и вворачивать их в корпус снаряда. Когда мы прибыли на боевые посты, эта работа шла уже полным ходом.

Долго не понимал, почему нас перевели на боевую готовность на два часа раньше, чем началась война. Объяснение узнал уже после войны из мемуарной литературы. Оказывается, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, располагая разведанными и сведениями перебежчиков, на свой страх и риск за два часа до начала войны перевёл Черноморский флот на боевую готовность номер один и сообщил об этом в Москву. Нарком перевёл на боевую готовность и Балтийский флот. Вот почему наши военно-морские базы фашисты не застали врасплох.

А тогда мы приняли это за очередную учебную тревогу. Вначале чувствовали себя напряжённо, собранно, затем, видя, что не даётся никаких вводных, наступило некоторое расслабление, стали, не сходя с боевых постов, «травить баланду». С рассветом то в одном, то в другом месте слышался приглушенный смехок – это товарищи, возвратившиеся из очередных отпусков, «заливали» о своих похождениях во время отпуска.

Утром наверх поднялся командир батареи Мачача и, не подбирая выражения, призвал всех к порядку и сообщил, что началась война, погибли уже тысячи людей. Мы вошли в какое-то новое, ещё неосознанное состояние. Война... Само слово концентрировало в себе огонь, потери, постоянное напряжение. Мы были к этому готовы и считали, что война будет непродолжительной. Никто и мысли не допускал, что продлится она четыре года.

А в десять часов утра нам уже пришлось вести стрельбу по одиночному самолёту противника, летевшему на большой высоте, очевидно, с разведывательной целью. Мы стреляем, а он летит, не падает. А хотелось-то, чтобы было всё в точности, как на учебно-боевых стрельбах. В дальнейшем такие полёты участились, были попытки совершать даже массированные налёты на корабли, базы и промышленные предприятия города, на железнодорожный узел. Перед нами ставилась задача встречать огнём самолёты противника ещё на подступах к городу, сбивать их с курса, вынуждать сбрасывать бомбовый запас без определённой цели, не давать вести прицельное бомбометание. Мне, старшему краснофлотцу, командиру орудия, не дано было располагать точными данными и результатами наших стрельб, со «своей колокольни» мне видно было только стрельбу своей 363 батареи, своего четвёртого орудия. Но слышал, что зенитчики сбили более полутора десятков вражеских самолётов-бомбардировщиков. О достойном выполнении поставленной задачи свидетельствовали

и благодарности, которые мы получали от вышестоящего командования. Была объявлена благодарность даже командующего фронтом И.В. Тюленева.

Ежедневные многократные появления вражеских самолётов-разведчиков утомляли, изматывали личный состав. Тревога следовала за тревогой, стрельба за стрельбой – и днём, и ночью. По неопытности я решил давать возможность поспать орудийному расчёту за свой счёт. Зная свою выносливость, считал, что ничего не случится, если я сам подежурю на орудии между тревогами, а ребята в это время отдохнут. И получилось так, что я почти совсем не спал на протяжении трёх суток. Наступило какое-то состояние безразличия, протрации, глаза как песком засыпаны. Здесь же, в орудийном дворике на штабеле со снарядами, решил отдохнуть, оставив за себя наводчика орудия. Лёг и мертвецки уснул. Казалось, только прилёг, когда меня основательно трясут, будят. Сквозь сон спрашиваю, в чём дело. Говорят, иди, докладывай о расходе боезапаса. «Какого боезапаса?» «Мы сейчас стреляли», – отвечают. «Сколько?» – спрашиваю, а в ответ: «Четырнадцать». Над моей головой 76-миллиметровое зенитное орудие произвело четырнадцать выстрелов, а я ничего не слышал, настолько выбился из сил. Больше подобных глупостей старался не допускать.

Шла война, приобретался необходимый жизненный и военный опыт. Обстановка на фронтах быстро осложнялась. Мы жадно ловили каждое слово радио и печати, сообщавшие о положении дел на фронте, обсуждали и верили в то, что враг будет скоро остановлен и разгромлен. Никто из нас не представлял себе действительного соотношения сил на советско-германском фронте. Тем более, не думали, что война будет длиться целых 1418 дней и ночей.

А к Николаеву рвались части фашистской моторизованной дивизии «Адольф Гитлер» и 18-й танковой дивизии. Через город в направлении Богоявленска и Херсона отходили части нашей 9-й армии и другие, шедшие от самой государственной границы. Зрелище было не из весёлых. Уставшие, измождённые, в пылище на грунтовых дорогах, они еле тянули ноги, спали на ходу. Мы прикрывали отход наших войск через Николаев. Уже тогда мы начинали понимать, что соотношение сил было далеко не равным. К середине августа гитлеровцы начали бои непосредственно за Николаев. Наш 122-й зенитный артиллерийский полк оставался, собственно, теперь одной частью, на которую возлагалась обязанность сдерживать врага, надо было готовиться драться и с сухопутными силами противника.

Получили приказ одно орудие выбросить к богоявленской дороге для стрельбы прямой наводкой на танкоопасном направлении. До сих пор не знаю, чем руководствовался Мачача, когда возложил эту задачу на четвёртое орудие. То ли это было предусмотрено боевым расписанием, то ли было стремление сохранить старшие орудийные расчёты, а эту задачу поручить выполнить молодым. Не знаю, но нам было оказано высокое доверие. На чём оно основывалось, так и осталось для меня загадкой.

Заняв указанный рубеж, мы немедленно приступили к оборудованию огневой позиции: вырыли под орудие котлован полного профиля, ниши для ящиков со снарядами и ячейки для расчёта. Устали основательно, но понимали, что всё это нужное, т.к. север и северо-восток города уже покрылись сплошными клубами дыма – там шли бои. К вечеру материально и морально мы были готовы вести бои с наземными силами врага.

И вот за окраиной Широкой Балки, на расстоянии до двух километров, появились несколько танков, но вести по ним огонь мы не могли – они были закрыты от нас строениями и деревьями, да и толку от стрельбы на таком расстоянии было бы мало. Танки сделали несколько выстрелов в нашем направлении, вероятно, заранее имея сведения о нашем расположении, т.к. видеть они нас не могли. Один снаряд разорвался вблизи нашего тягача, осколок пробил картер. Затем далеко по полю они ушли на юго-восток и скрылись.

Стемнело. Мы впервые в жизни увидели такое зловещее зарево. Небо высоко над горизонтом светилось багрово-красными, желтоватыми и белыми оттенками. Горел Николаев, горели сёла вдали от города. В детстве приходилось видеть пожары, особенно в период коллективизации, когда кулаки ночными поджогами и выстрелами из-за угла стремились сорвать революцию в деревне. Но пожаров такого масштаба не видел никогда.

Ночью был получен приказ отходить. Для нас это было дико, непонятно. То есть, как отходить? Мы воспитывались – никаких отходов быть не может! Да и слова-то такого в нашем лексиконе не было. Командиры нас учили так: в бою умри, но пятиться назад не имеешь права, если я прикажу отступить – стреляй в меня. Это было для нас естественно и вполне понятно. А тут вдруг отходить, фактически не приняв боя, и никто ни в кого не стреляет за такой приказ. Было непонятно, странно, непривычно и даже дико.

Батарея в составе всего дивизиона маршевой колонной двинулась мимо Богоявленска на Херсон. Под Херсоном пару суток прикрывали какой-то мост через небольшую речку, где скопилось большое количество войск, и каждая часть стремилась переправиться первой. Такие скопления были прекрасной целью для фашистских самолётов, и они не преминули неоднократно осуществить налёты на переправу, но мы надёжно её защищали, обеспечивая отход войск. Огонь по самолётам открывали ещё до выхода их на прицельное бомбометание, и смертоносный груз сбрасывался куда попало, не достигая цели. Потом в херсонском порту погрузились на баржи. На одной барже с нами был командующий Николаевской военно-морской базой контр-адмирал Кулешов – с красивой бордой, на шее автомат, на боку – маузер. Таким он мне запомнился. Выгрузились в Цюрупинске.

Дальше пытаться достоверно осветить ход событий очень трудно, поскольку он может объясниться только замыслами и планами командования. Мы же, находившиеся в самом низу служебной лестницы, были очень плохо осведомлены обо всём этом. Нас минимально информировали о происходящем. О событиях, происходящих на всём советско-германском фронте, мы знали больше, чем о целях наших перемещений вот здесь, на небольшом клочке нашей земли. Знали мы очень мало и не всё хорошо понимали. Эх, как хорошо было бы иметь сейчас хоть отрывочные дневниковые записи! Но нам под угрозой трибунала запрещалось вести хоть какие-нибудь дневнички. С тех пор прошло изрядное количество времени, чтобы теперь с достоверной точностью воспроизвести ход событий после Цюрупинска, попытаться правильно объяснить их. Буду писать так, как нам тогда всё это представлялось, как мы это видели.

Говорили, после Цюрупинска нам поставили задачу выйти к Прогноям и оказать помощь державшемуся ещё Очакову. Прибыли туда и получили сообщение, что Очаков уже сдан. Дальше двинули нас назад и где-то, по-моему, в районе Великих Копаней, поставили надолго для охраны крупных складов боеприпасов и подступов к аэродрому. Стояли мы, помню, на большущей бахче и постоянно лакомились арбузами. Наступило время, истребители покинули аэродром, а мы должны были двигаться на Крым. Но было уже поздно – выход на Крым был отрезан немцами. Тогда было приказано с боями отходить в глубь Кинбурнской косы.

Все мы были готовы выполнить любой приказ командования, но ещё лучше, если этот приказ понятен, ясна цель всех этих перемещений. Казалось, легче вступить в бой с противником, чем так бесцельно перемещаться с места на место. Трудно было объяснить всё это, надоело отходить. А ещё труднее было смотреть в глаза жителям сёл, через которые нам приходилось проходить.

В одном из сёл старик вынес нам большую, с двумя ручками, плетёную корзину яблок. «Угощайтесь, хлопцы», – приглашает. А нам стыдно, не знаем куда глаза прятать. Стали подходить сюда жители близлежащих хат и вездесущая детвора. А старик расхрабрился да так это спокойненько: «Что ж вы, браточки, немцам пятки показываете? Вот мы в гражданскую давали им перцу!»... Трудно представить, что каждый из нас в эти минуты переживал. А тут отшучивались. Кое-кто пытался убеждать, что вот, дескать, мы соберёмся с силами... А на душе у каждого было несладко. У многих родные, семьи, невесты, близкие, девушки находились в западной части страны. А что, если и там тоже вот так «изматывают живую силу и технику врага»? Ведь так, чего доброго, можно «изматывать» до самого Владивостока. И что потом ответить родным? А ведь спросят.

Трудности этого периода войны были понятны, они были объяснены в речи И.В. Сталина 3 июля 1941 года. Но ведь в десятки раз было бы легче морально, если бы мы понимали, что происходит вот здесь, на месте, какие конкретные задачи надо решать именно нам. Если отходить с боями, то почему до сих пор избегали этих боёв? Вопросов было множество. К сожалению, те, кому полагалось заниматься ими с личным составом, сами избегали прямых, честных разговоров.

Не ругаюсь сейчас, что все эти перемещения или «маневры» происходили именно по причинам, которые я уже упоминал. Но суворовское положение «каждый солдат должен знать свой маневр» ведь и тогда, и во все времена будет иметь силу. Да и, пожалуй, на этом опыте следует учить сегодняшних и будущих воинов, на ошибках тоже учатся.

Немцы регулярными частями тоже лезли в глубь Кинбурнской косы с целью уничтожить оставшуюся там горстку советских войск, отрезанных от материка и лишённых возможности получить откуда-либо помощь и поддержку. На Кинбурнской косе, мне кажется, мы стали отдельным зенитно-артиллерийским дивизионом. Нам говорили, что наш отход прикрывается армейскими пехотными частями. А для нас тогда положение «отходить с боями» было понятным, осознанным. С боями так с боями – «Даёшь с боями!» Только бы скорее ощутить непосредственно конкретный свой вклад в общее дело борьбы с теми, кто пришёл захватить, поругать нашу землю. Скорее бы избавиться от позора, связанного с отступлением. Скажу, что все товарищи были готовы к этому не на словах, а на деле.

Первое непосредственное соприкосновение с наземными войсками противника для нашей батареи произошло под Чулаковкой. У врага здесь было всё: пехота, танки, бронемшины, артиллерия, миномёты, крупные автомашины для переброски войск и боеприпасов, его действия прикрывала бомбардировочная и истребительная авиация. Данные о нашем расположении и перемещениях обеспечивались разведывательными самолётами – «рамами», как мы их называли, пролетающими над нами по несколько раз в день. Понятно, такого обеспечения мы не имели. О соотношении сил и говорить нечего.

Бой начался в середине дня. Фашисты при поддержке бомбардировщиков Ю-87 и истребителей обрушились на Чулаковку всеми силами. Этот первый для нас настоящий бой с врагом был жарким. Получая первое боевое крещение, мы в то же время приобретали опыт ведения боя, после него мы чувствовали себя увереннее. Немцам с ходу взять село не удалось, мы выстояли, а это было очень важно. В том бою из состава 363 батареи мы потеряли шесть своих товарищей.

Во время группового налёта авиации противника мы, естественно, вели стрельбу по «стервятникам». Но один Ю-87 подкрался со стороны, перешёл в пики и, как в блюдечко, всадил бомбу в оружийный расчёт. Взрывом порвало ребят на куски. Чудом уцелел только командир орудия Пугач Лука Семёнович. Его, без единой царапины, взрывной волной отбросило на несколько метров в сторону. Похоронили погибших наспех здесь же, на окраине Чулаковки. Первые жуткие потери близких товарищей. Признаюсь, после этого тяжёлого зрелища мы не могли пару дней смотреть на пищу. Позже к таким явлениям относились уже спокойнее – человек ко многому способен привыкнуть.

Натиск немцев на Чулаковку мы общими усилиями сдержали, нанеся им значительный урон в живой силе и технике. Тогда немцы воевали по расписанию, чётко выдерживая часы приёма пищи и отдыха. К вечеру бои по всей линии соприкосновения прекратились. И совсем неожиданно, ночью, получаем приказ отойти к селу Черниговка (теперь, кажется, Памятное), что опять было для нас непонятным. Казалось, вот наконец-то мы остановили немцев, пусть на небольшом участке, но установился какой-то рубеж. Так почему же снова отходить?

Рано утром развернулись в боевое положение на окраине Черниговки, подвезли дополнительный боезапас, замаскировали ветками деревьев свои орудия. Получалось так, что сзади у нас были сады и огороды крайних сельских дворов, а впереди за канавой шло кукурузное поле в глубину метров на восемьдесят-сто, за ним проходила основная грунтовая дорога, шедшая от Чулаковки через Черниговку на Циммервальд (бывшее немецкое поселение, теперь – Садовое); дальше за дорогой шла небольшая полоса поля, упиравшаяся в защитную полосу из белой акации.

Таким образом, мы имели возможность вести огонь прямой наводкой по дороге, где, вероятнее всего, должны были появиться немцы. Свой тягач упрятали здесь же, в саду.

Около десяти часов утра на дороге появились немецкие мотоциклисты, затем шли бронемшины, а за ними колонна грузовых машин с солдатами. Мы открыли по ним огонь прямой наводкой. Часть мотоциклистов уничтожили, а оставшиеся спешно повернули вспять. Солдаты выгрузились из автомашин и попытались во весь рост с пулемётной и автоматной стрельбой двигаться по куку-

рузе на нас. Уперев автоматы прикладами в брюхо, с закатанными рукавами, они цепями начали движение. Но вскоре их показная храбрость сошла на нет и они залегли на кукурузном поле. Бронемашины успели укрыться за лесозащитной полосой и оттуда начали основательно нам досажать огнём миномётов и крупнокалиберных пулемётов. Развернуть свои орудия, которые были на прицепе у автомашин, они так и не смогли.

Вопреки утверждениям, оказалось, что между нами и немцами никаких наших пехотных подразделений нет. Зенитная артиллерийская батарея оказалась без какого-либо прикрытия. Положение было критическим. Огонь пришлось вести с установками дистанционного взрывателя «на картечь», т.е. шрапнельный снаряд в таком случае разрывался в пятидесяти метрах от дульного среза орудия и его боевые элементы снопом летели вперёд. Это не давало возможности немцам подняться в атаку. Технический, предусмотренный наставлениями темп стрельбы орудия был пять секунд. Мы же вытренировались таким образом, что каждый очередной выстрел следовал через четыре секунды. Такой темп стрельбы, безусловно, косил немецких солдат, прижатых к земле в кукурузе, и не давал им шевельнуться.

Огонь немцев всё больше допекал нас, не давая поднять головы, пули и осколки мин, как рой пчёл, жужжали над нами. Ранило в плечо трубочного Петра Велентиенко. Приказываю наводчику, исполнявшему обязанности боевого санитаря, оказать помощь Петру, а сам хочу занять его место и продолжать командовать орудием. И вот интересно, бывает же такое везение. Товарищи потом не раз говорили: «Ты, Виктор, вероятно, в рубашке родился». Только приказал наводчику уйти на помощь к Велентиенко, а сам ещё не успел сесть к прицельной трубе, как в эти секунды прямо над прицельной трубой пронеслась очередь трассирующих пуль крупнокалиберного пулемёта. Попадание было бы точно в лоб. Садиться к прицельной трубе после этого было немного не по себе. Вот эти какие-то три-четыре секунды совершенно случайно спасли жизнь кому-то из нас.

С приданными орудия трактористами произошёл конфуз. Во время боя приказал им подносить снаряды сверх боекомплекта, находившиеся во дворе. В горячке стрельбы заметил, что они прячутся под кузов тягача. Успел крикнуть им, что там их достанет скорее, и тут же сзади тягача взрывается мина. Ну и, конечно же, позагоняло им в ягоды и ноги мелких осколков. Стонущих уволокли их куда-то во двор.

А тем временем снялись с позиции слева от нас вторая и первая батареи и ушли через село в направлении Циммервальда. Наша батарея прикрывала их отход. А со стороны Чулаковки к немцам подтягивалось подкрепление.

Здесь чуть было не досталось и мне. И снова везение. Вдруг почувствовал резкое жжение под поясом, ощущение такое, будто кто-то воткнул в тело раскалённый прут. И шевельнуться невозможно. Конечно, скорчил гримасу. Ребята это заметили. Слышу, кричат: «Командир четвёртого ранен», а дальше, как в детской игре в испорченный телефон, пошло: «Командир четвёртого убит». И смешно, и стыдно – нельзя повернуться. Оказывается, осколок взорвавшейся сзади перелётной мины пробил бушлат, флотский ремень, сложенный в этом месте вдвое, брюки и тельняшку и вошёл в тело в области правой почки на глубину где-то до двух сантиметров. Вдвое сложенный ремень задержал осколок длиной 4-5 сантиметров и толщиной сантиметра полтора. Одежда оказалась пришипленной к телу, вот почему малейшее движение вызывало боль. Если бы он вошёл в тело чуть глубже и задел почку, помощи здесь никто оказать бы не смог, т.к. самой грозной медицинской величиной у нас был только санинструктор Демиденко. Кто-то из ребят выдернул осколок, освободил меня из пришипленного состояния, и я продолжал управлять расчётом. Этот осколок я ещё долго таскал с собой в клеёнчатом кармашке. Из боя я не вышел, вопреки настоятельным требованиям Демиденко.

Пришёл черёд сниматься и нашей батарее, чтобы сохранить технику для предстоящих боёв. Одно из орудий должно было продолжать стрельбу, прикрывать отход трёх остальных орудий и не дать возможности немцам захватить их. И снова эта задача выпала на долю нашего четвёртого орудийного расчёта. Часто и сейчас думаю, почему именно так поступил тогда Мачача. Ясного, уверенного ответа не нахожу, но хочется думать, что у него была уверенность, что наш расчёт не подведёт.

Мы продолжали вести огонь, рассеивая разрывы шрапнели по фронту, направляли огонь туда, где немцы пытались проявлять активность. Всего с этой позиции выпустили около ста восьмидесяти снарядов. Один из них дал осечку. Пренебрегая требованиями наставления, мы тут же вынули снаряд из казённого и зарыли его в канаву. Соблюдать инструкцию под всё усиливавшимся огнём противника было некогда. Кажется, что и сейчас нашёл бы этот снаряд.

Когда батарея благополучно проследовала через село, к нам прибежал посыльный с приказом Мачачи: оставить пушки и тягач и отходить через Черниговку. Чем был вызван такой приказ? Дело в том, что последние выстрелы нам приходилось производить, буквально прижавшись к земле, а немцы всё нахальнее с автоматной стрельбой приближались к орудию, несмотря на понесённые потери. Но как же остаться без орудия? Этого мы даже представить себе не могли. И перевести орудие из боевого в походное положение в этой обстановке практически почти невозможно. Надо было закрепить ствол, затем усилиями оставшихся людей пятитонную махину поднять на вагах, поставить на колёса. Решил вначале подвернуть заднюю ось, а затем всех перевести на передок и вагами вывести его. Так и поступили. Как только чуть ослабилась стрельба, мы рывком поднялись и на колёса перевели заднюю ось. Немцы активизировали огонь снова, а мы переползли к передку – и через несколько секунд на колёсах был и передок. Отсутствие трактористов на тягаче не волновало, с этим я сам мог управиться – вот здесь очень даже пригодились знания и навыки шофёра, приобретённые в школе. Двух человек оставил набросить стрелу орудия на крюк тягача, остальных направил перебежками в село. И молодцы же ребята: между перебежками, падая на землю, они вели винтовочный огонь по противнику, облегчая наше положение. В два рывка сам был у трактора, вскочил в его кабину, добро, что он был замаскирован в деревьях сада и немцы его не видели. Трактор завёлся мгновенно. Задним ходом быстро подал его к орудию, набросили стрелу. Товарищи уместились на лафете впереди пушки, так от пуль их защищали тумба и вертлюг. На виду у немцев умолкнувшее орудие теперь уходило, вероятно, они не сразу сообразили, что произошло.

Теперь надо было проскочить метров сорок влево по фронту до дорожки, идущей между огородами в село. Когда повернул тягач на первую пересекавшую улицу, дикое напряжение спало – орудие и тягач были спасены. Здесь встретили нас остальные наши ребята, ожидавшие, чем закончится наш почти цирковой трюк. Был здесь и Мачача.

Оказывается, волнуясь за нашу судьбу, он направил батарею на Циммервальд, а сам ещё раз возвратился в село и встретил нас ликующими. Тут же без передышки приказал развернуться и установить орудие в одном из дворов. Быстро перевели его в боевое положение. Сам Мачача влез на дерево, и по его команде произвели пристрелку уже по цели, не видимой для нас. Затем приказал вести огонь со смещением вправо на 0-05 перед каждым выстрелом, после десяти выстрелов убавить прицел и таким же образом повторить стрельбу со смещением в обратном направлении. Ящики со снарядами били в кузове его полуторки. Отсюда, с этой позиции, мы выпустили ещё около девяноста снарядов. Затем было приказано сниматься и двигаться на Циммервальд. А командир уехал полуторкой. Ствол орудия раскалился настолько, что прислонённая к нему для маскировки ветка вспыхивала сразу.

Здесь уместно напомнить, что между нами и немцами никаких армейских частей или хотя бы подразделений, о которых нам говорили, не было, мы находились в непосредственном соприкосновении с врагом, что в довоенном представлении могло быть только в редчайших случаях. Обычно зенитно-артиллерийские подразделения прикрывались другими частями.

За короткое время с начала войны к нашему твёрдому моральному состоянию прибавились ещё и практические навыки в боевой обстановке, мы понемногу пообтёрлись, привыкали к ней. Уже тогда сразу можно было отличить человека, «понюхавшего пороха», от того, кто впервые попал в боевую обстановку.

Несколько позже, уже под Ивановкой, мы стояли как-то на открытом месте, и немцы с помощью оптических приборов, вероятно, могли наблюдать за нами. К концу дня к нам на орудие пришёл товарищ с нашивками младшего политрука (очевидно, присланный политотделом сверху, мы его не знали) провести беседу «О мужестве и героизме советских воинов». Подошли ещё несколько ребят послушать. Началась беседа. Заметив у нас какое-то движение, немцы по нас выпустили несколько

снарядов. Наши ребята уже привыкли к звуку их полёта и не каждому снаряду кланялись: слышали, что тот пошёл перелётным, тот ушёл влево, тот – вправо. Наш лектор при свисте первого же перелётного снаряда оказался под лафетом орудия, а все наши ребята невозмутимо сидели вокруг орудия, готовые слушать беседу дальше. Сконфуженный лектор вылез из-под орудия, отряхнулся и, чувствуя себя крайне неудобно, «поджав хвост», убрался восвояси, не произнеся больше ни слова. Ну и посмеялись же хлопцы после его ухода!

За всё время блужданий по косе впервые увидели на окраине Циммервальда зелёную рощу высоких елей. Они почему-то даже в той обстановке радовали глаз. Ведь вся степь до сих пор только кое-где перерезалась лесозащитными полосами из белой акации. Слева от рощи вдали от дороги виднелись огромные цистерны, окрашенные белой краской, их было далеко видно. Селение казалось оазисом среди этой жаркой степи.

Установили орудия, выставили посты и на ночь расположились под скирдами. Ранка моя сразу же запеклась, затянулась, а через несколько дней её уже почти совсем не чувствовал. Несколько тяжелее был ранен Велентиенко, его плечо заживало дольше, но он тоже не ушёл с орудия, да и уходить-то, собственно, было некуда. Тракториста на тягач нам дали из запасных. Постоянно пополняли боеприпасами. Кабина и кузов тягача в нескольких местах имели пробоины, но двигатель и ходовая часть не были поражены.

Здесь мы с боями продержались ещё двое суток, а затем было приказано двигаться в направлении Ивановки. Остановились на голом месте, вдали от населённых пунктов. Дальше шли солончаки, мучила жажда. Здесь у нас погиб Матвиенко – украинец. Собственно, самой его кончины мы не видели, но у него навывлет был пробит живот, он катался в муках, а потом просил добить его, чтобы избавить от мучений. Его увезли куда-то на конец косы. Выжить в тех условиях он просто не мог.

Здесь же под Ивановкой, вернее, между Ивановкой и Циммервальдом, мы наблюдали гибель эсминца «Фрунзе» в двадцатых числах сентября. Каким образом он оказался в поле нашей видимости с Кинбурнской косы? Ясно было только, что он выполнял определённое задание. Позже нам стало известно, что он под командованием капитана третьего ранга Ерошенко вместе с другими кораблями сопровождал крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», которые доставляли десантные войска в обороняющуюся Одессу из Севастополя. По пути следования был подбит фашистской авиацией и пытался укрыться затем в этих водах для ремонтных работ. В этом месте и подстерегла его авиация противника. Вдали от нас чётко был виден его силуэт. И вдруг на него налетели 22 фашистских самолёта – Ю-87 и истребители. Как обычно, построились в «карусель» и с пикирования начали бомбить и обстреливать корабль. Эсминец отбивался всеми возможными силами, но был потоплен фашистами. Мы с неописуемой злостью наблюдали за этой трагедией, а сами ничем помочь не могли. Когда были уже на Тендре, волнами к берегу прибывало тела погибших моряков из эсминца «Фрунзе». По-человечески похоронить их даже нельзя было, т.к. на глубине двух-трёх штыков, вынутых лопатой в песке, была вода.

Кинбурнская коса для меня лично была связана со случаем, без малого не обошедшегося плачевно. Отрыть котлован для орудия и индивидуальные ячейки здесь было невозможно, тянулись солончаки, местами песок. Поэтому всё у нас находилось на поверхности. Однажды немцы начали артиллерийский обстрел наших позиций. Я уже упоминал, что мы привыкли по звуку летящего снаряда определять место его падения. Но уж если после артиллерийской вилки услышал этакой «хурчащий» звук, знай, что этот снаряд твой. Я только успел плашмя упасть на землю. Воронка от разорванного снаряда оказалась менее чем в метре от меня. Рядом под кустом были составлены наши винтовки, набросаны шинели. Приклады винтовок раздробило в мелкие щепки, стволы покорёжило, а клапти шинелей разнесло по полю. На мне не оказалось ни одной царапины, но потрянуло здорово (попал в так называемую мёртвую зону). Лежу, кругом тихо, и пошевелиться не могу, вдох сделать очень больно... Батарея снималась с позиции и направлялась к концу косы. Ребята подобрали, несколько дней протаскали с собой – отошёл. Шутили потом, что Гриша Снитко сказал: «Давайте подберём, может, из него ещё люди будут». Как выяснилось позже, меня хорошенько контузило. Слух восстановился. Остатки заикания есть ещё и сейчас, особенно, когда вскипишь. Выперло левое верхнее ребро. Были

сдвиги позвонков в подреберной и поясничной части. А тогда ведь никакой медицинской помощи оказать не могли, не было у нас ни госпиталей, ни медсанбатов, ни настоящих врачей. Просто крепкий и молодой организм сам справился с бедой. Сейчас бы, конечно, такого уже не выдержал.

И справками мы тогда никакими не запасались о ранениях или контузиях. Разве тогда было до этого, разве мы об этом думали? А теперь, глядишь, у него была где-то небольшая царапинка, а он, пожалуйста, справку, у него инвалидность. А воевал он всего-то в сорок четвёртом да в сорок пятом году. Это не роптание, просто размышление, что и в тех боевых условиях были этикие предусмотрительные люди.

Дальнейшие события привели нас к Покровским хуторам – это был самый конец косы. Помню: луг, влажная местность. Если раньше упоминали, что всё время отхода мы находились в непосредственном соприкосновении с немцами и между нами не было никаких армейских подразделений, то здесь, в Покровских хуторах, было видно, что они таки где-то на косе были, только ушли с косы значительно раньше нас. Это было видно по брошенным автомашинам. Их десятка два с лишним, а то и три осиротелых, оставленных наспех в беспорядке, стояли у места, откуда, очевидно, производилась переправа. Надо отдать должное, каждый из водителей старался свою машину сделать непригодной для дальнейшего использования. Прошёл, посмотрел: у одной машины разбит молотком аккумулятор, у другой – снят трамблер, у третьей – разбита головка блока двигателя, вывернуты свечи и т.д. Чувствовалось, что всё это делалось наспех, без единой команды. Легко было тот же аккумулятор или другую испорченную деталь взять с другой машины и автомобиль – на ходу. Так за минут двадцать я восстановил одну из полуторок и ещё что-то помогал ей подвезти к берегу.

Да, ещё перед этим было приказано уничтожить всю партийную документацию, чтобы она не досталась врагу, оставив при нас только комсомольские и партийные билеты и кандидатские карточки. Секретарь партийной организации Ефим Емельянович Грищенко (в прошлом учитель) в присутствии комиссара Панасюка сжёг всю партийную документацию.

Заканчивались наши бои на Кинбурнской косе. Надо сказать, что они были для нас первым серьёзным боевым крещением, своеобразной школой. Это крещение, по-моему, мы прошли вполне достойно. Вот передо мной обрывок из «Боевого листка», выпущенного значительно позже, уже, кажется, в Новороссийске, и подводившего итоги боёв на Кинбурнской косе:

«Уничтожено и подбито 4 автомашины и 1 бронемашина противника; взвод мотоцикlistов-автоматчиков; один склад с боезапасом; 1 наблюдательно-корректировочный пункт и более 2 рот вражеских солдат и офицеров. В боях с наземным противником особенно мужественно дрался 4 орудийный расчёт (командир орудия т. Дубовик)».

Сухой, но убедительный текст, без лирики, без разглагольствований.

Ну а теперь со всей своей ясностью перед каждым из нас вставал вопрос: а что же дальше? Если бы было принято решение дать последний бой немцам и умереть «с музыкой», то для этого ещё раньше можно было найти более удобное и менее позорное (ведь доотходились до самого конца косы) место. Оставить всю технику и уходить в море на подручных средствах? – такой мысли не допускал никто. Решали эти все вопросы те, кому это было положено, кто нёс ответственность за их решение.

Вечером сейнера приволокли откуда-то большие, массивные плоты, сколоченные из толстых брёвен. С потемнением мы всё погрузили на сейнера, орудия и тягачи вкатили на плоты и вышли в море. Здесь впервые в жизни увидел, как фосфоресцирует ночное море – за нами тянулись яркие шлейфы «горящей» воды. Казалось, что для любого вражеского самолёта мы служим прекрасной мишенью. Но переход прошёл благополучно.

Так мы оказались на Тендре. Ну, что же – Тендра так Тендра, это тоже наша земля. Да не какая-нибудь там захудалая, безызвестная, а со славным прошлым. Вспоминали историю. Да, именно здесь, у берегов Тендры, в своё время славный русский флотоводец Ф.Ф. Ушаков разгромил турецкую эскадру. Именно здесь вспыхнуло восстание на броненосце «Потёмкин», пришедшем сюда на учебные артиллерийские стрельбы. Нам предстояло теперь не запятнать эту славу в наши дни.

Шутили, подначивали друг друга по этому поводу. Вот ещё одна характерная черта этого самого «флотского духа». Казалось бы, положение – хуже некуда, а тут шутки, подначки, смех. Не помню

случая уныния или упадка духом. В любой обстановке – оптимизм, уверенность себе, шуточные рассуждения о наличии двух выходов из любого положения. Так и здесь: немцы уже в Крыму, сидим «у чёрта в зубах» под Одессой, а им хотя бы что – шутят, смеются.

Что же представляла собой Тендра по нашим впечатлениям? Это длинная, узкая песчаная коса, или остров, расположенный недалеко от Одессы, где-то юго-восточнее от выхода из Днепро-Бугского лимана. Вблизи берега стояли старые большие три ивы, западнее от них находились сколоченные из досок помещения рыбного хозяйства, вероятно, очаковского. На юго-восток от этих ив вдали виднелось сооружение Тендровского маяка. Больше в этом районе острова мы ничего не видели. Голая песчаная местность. Окопаться, что нас немало интересовало, здесь было нельзя – совсем близко от поверхности находилась вода. Вблизи северо-западной оконечности острова виднелись посаженные на мель теплоход «Молдавия» и маленький беленький теплоходик «Пионер».

Как бы второй ступенью нашего познания Тендры было осознание того, что вражеские самолёты почти пешком ходят по острову, особенно истребители. Мы узнали, что существует ТБУ – Тендровский боевой участок, и его командиром назначен наш командир дивизиона Болехов, что штаб ТБУ располагается в тех самых рыбачьих сараях, которые мы видели сразу по прибытии. Было определено место позиции нашей 363 батареи, оно находилось километрах в трёх на юго-восток от штаба ТБУ.

В беспредельном нахальстве фашистских лётчиков, распоясавшихся до хулиганства, мы убедились уже в первые дни. Они без зазрения совести гонялись за одним человеком. Как-то я оказался метрах в ста пятидесяти от расположения своих, вижу, на бреющем полёте идёт на меня «мессер». Естественно, стараюсь отклониться в сторону. Он дал очередь из пулемёта, которая прошла чуть правее меня. Ну, думаю, пронесло. Когда вижу – он, сделав круг, снова заходит на меня, а в руках ничего нет, хотя бы какая-нибудь винтовка – и то чувствовал бы себя твёрже, можно как-то сопротивляться. Следующая его очередь прошла песок в полуметре от меня левее. На следующем заходе то ли у него кончился боезапас, то ли он хотел просто поиздеваться, вижу – идёт несколько левее, накренивает самолёт на левое крыло, чуть плоскостью не касаясь песка, и из кабины грозит мне кулаком... Чего-либо обиднее я не переживал. В бессильной злобе перехватило горло, сжались кулаки, навернулись слёзы. А он, паразит, безнаказанным ушёл в направлении Очакова. Эта сценка для ребят, наблюдавших за ней, ещё долго была предметом подначек.

Наше орудие постигло несчастье. На третьем выстреле, здесь, на Тендре, мы услышали какой-то неестественный звук полёта снаряда. Остановили стрельбу. Оказывается, сантиметров на пятнадцать с дульного среза вдоль шпонки между кожухом ствола и лейнером ствол развернуло – уж очень мы перекалили его под Черниговкой. Мы, было, подупали духом – как же быть без орудия? Его куда-то утащили тягачом. А через два дня мы получили наше же орудие, но с другим стволом. В дивизионном ЗИПе нашёлся орудийный ствол. Орудие и дальше верно служило нам.

Видя скопление наших сил на Тендре, перебравшихся из Очакова, а затем и с Кинбурнской косы, фашистская авиация совершала ежедневные неоднократные налёты с целью истребления наших людей и техники, сидевших у немцев, как кость в горле. И, безусловно, налёты эти были безрезультатны, люди гибли. Однако свою основную задачу по прикрытию коммуникаций на обороняющуюся Одессу мы выполняли. Не осуществились и намерения немцев десантироваться на Тендру. Всё же нас там было ещё много. Вести стрельбу приходилось часто. Немцы не давали покоя нам, и мы не оставались в долгу. Встречая наш заградительный огонь, самолёты фашистов сворачивали с курса и поскорее стремились освободиться от бомбового груза. Так защищались наши корабли, проходившие мимо Тендры, так защищался сам остров. Кроме дневных стрельб, приходилось стрелять и в ночных условиях. На острове были прожекторные установки, обеспечивавшие такую возможность.

Трудно складывался наш быт. Я уже упоминал, что окопаться, влезть в землю было никак невозможно, близко от поверхности была вода. Приходилось находить выход из положения и в этих условиях. Брали пустые ящики из-под снарядов, составляли их наподобие шалаша, скрепляли между собой, вход завешивали шинелью – и получалась конура, в которую можно было залезть и переспать или укрыться от ветра. А октябрьские ветры сильные, влажные, пронизывающие. Такие курени сооружались на одного-двух человек. В них же мы укрывались и от дождей.

Такое жильё соорудили себе и мы с Павлом Чепиленко.

Раз в неделю устраивалась примитивная баня, старались мыться систематически. Коль говорить обо всём, так обо всём. Обнаружили, что у нас завелись «тихолазы», стали допекать нам. В таких условиях это было не мудрено. Хлопцы нашли где-то большой котёл, вскипятили воду. Заставили всех раздеться догола, всё нательное бельё и форму бросили в котёл и основательно кипятили. В воздухе холодно, сыро. Хлопцы бегают, бoryюкаются, чтобы согреться. Вдруг тревога – внезапный вражеский налёт. Заняли свои места у орудия, отстрелялись. Можете представить эту картину: голый, в чём мать родила, орудийный расчёт ведёт стрельбу по самолётам противника. Вот, поистине, и смех и грех. Во время налёта ребята основательно отогрелись, а потом смотрят друг на друга и катаются со смеху. Была причина для хохота и всей батарее. Одежда наша просохла, оделись. На некоторое время избавились от этого врага номер два.

Бывали перебои и с питанием, приходилось сидеть и на сухарях. Но как-то этому никто не придавал значения, не считали это первостепенным, понимали, что в условиях отрыва от большой земли могло быть и хуже.

На Тендре получали и «фронтовые сто граммов», говорили, что в подземных казематах береговых батарей, покинутых моряками, были обнаружены бутылки со спиртом, он-то якобы и был включён в наше довольствие. Качур Наум Семёнович – человек лет сорока (для нас тогда он был совершенным стариком), сам из Кировоградщины, был призван из запаса и воевал вместе с нами – всегда таскал с собой, вместо обычной чайной кружки, литровую мерную кружку. Так вот он подходил к старшине за этими ста граммами, протягивал свою литровую кружку и громко, умоляюще просил: «Мені не повну», вызывая смех у товарищей.

Бедному теплоходу «Молдавия» и после своей гибели ещё пришлось бороться с врагом. К нему вплавь с Тендры добирались хлопцы, в топки напихивали паклю, смоченную в мазуте, и поджигали её. Из труб валил дым. Ребята поскорее бросались в воду, а через несколько минут налетали немецкие самолёты и бомбили снова погибший теплоход, считая, что он снова возвращается к жизни. Этим старались вынудить немцев отвлекать самолёты от другой боевой работы и попусту расходовать бомбовой запас. Дважды повторялся такой обман.

Помню ещё такой случай. В одно время, недолго, на Тендре базировалось звено наших истребителей И-153. Надо отдать должное лётчикам. Они поднимались в воздух и вели бой с самолётами противника, невзирая на их численное превосходство. Мы, наблюдая с земли, восхищались мужеством, безукоризненным владением самолётом в бою, маневренностью в воздухе и неуязвимостью наших лётчиков-истребителей. Как-то вблизи Тендры был сбит немецкий транспортный самолёт Ю-52. Его экипаж выбросился с парашютами, вероятно, успев радировать о месте своего приводнения. Опустившись, лётчики сразу начали стрелять по лодке. Вскоре в воздухе показался немецкий гидросамолёт, шедший им на выручку. Поднялся наш истребитель и сбил гидросамолёт, он упал в море вместе с лётчиками. Через некоторое время к плавающим немцам пошёл наш катер. Немцы начали отстреливаться. Тогда в перестрелке два из них были убиты, а третий взят в плен и доставлен в штаб.

По приказу Ставки эвакуировалась в Крым Одесса. 16 октября рано утром мы проводили последние корабли, оставившие геройский город, оборонявшийся 73 дня. Фашистские войска были уже в Крыму, подходили к Севастополю. Теперь мы оставались одни фактически в глубоком тылу врага, находились на самой юго-западной точке всего огромного советско-германского фронта. Западнее нас уже никого не было.

Наши радисты постоянно сообщали о положении на фронтах. В октябре нашими войсками был оставлен Харьков. Там вблизи было Краснополье, где рос, учился, откуда ушёл на военную службу. Там были мои родители. Как они там, что с ними? Всякая связь с ними теперь была потеряна.

С эвакуацией Одессы немцы не успокоились, наличие на Тендре ещё большого числа флотских и армейских наших людей не давало им покоя. Налёты на остров не прекращались. Высадить свой десант на Тендру немцы так и не рискнули. Хотя из Скадовска на остров Джарылгач они такой десант высадили и уничтожили находившихся там моряков.

Теперь читаешь мемуарную, справочную литературу и всё больше осознаешь свою сопричастность к великим делам. Вот в «Советской исторической энциклопедии» пишется: «30 сентября в связи с общим ухудшением обстановки в полосе Южного фронта и необходимостью усиления войск для обороны Крыма Ставка разрешила эвакуировать защитников Одессы, оказавшихся в глубоком тылу противника. С 1 по 16 октября была организована, без потерь проведена эвакуация, во время которой из Одессы вывезено 86 тысяч солдат и офицеров, 15 тысяч гражданского населения, 462 орудия, 1158 автомашин, 3625 лошадей, 25 тысяч тонн груза. 73 дня защитники Одессы задерживали продвижение правого крыла немецко-фашистской группы армии «Юг» и сковали 18 дивизий врага (свыше 300 тысяч человек). Под Одессой противник потерял свыше 160 тысяч человек, около 200 самолётов, около 100 танков». (СИЭ, т. 10, стр. 474).

Читаешь, и сердце наполняется гордостью за всех наших ребят-черноморцев, честно и до конца стоявших на защите дорогой Родины. Именно отсюда, из-под Одессы, пошла слава о легендарной морской пехоте. «Чёрная туча», «чёрная смерть», «чёрные дьяволы» и даже «чёрные комиссары» – так называли её враги. А комиссарами величали, считая, что у нас на флот производился специальный, коммунистический, подбор людей.

Не попав на назначенный парад румынских войск на Соборной площади Одессы ни 23 августа, ни 3 сентября, фашистский диктатор Антонеску вынужден был вернуться в Бухарест, где дал такую оценку своим войскам: «Позор такой армии, которая вчетверо, впятеро превосходит противника по численности, превосходит его вооружением и вместе с тем сдерживалась на одном месте небольшими советскими частями» (А.В. Фадеев. Подвиг Одессы, М., 1963, стр. 70). Как же не восхищаться, не гордиться этими людьми даже теперь, через сорок три года после описанных событий.

Мы, может быть, несколько косвенно, но тоже принимали участие в этих героических делах, были участниками обороны этого города-героя.

Ну а теперь позволю себе написать о том, о чём мы обычно избегаем говорить, тем более писать. Не всё в жизни бывает гладко, причёсано. Пока живы ещё майор Шахин, капитан Костиков, капитан Вилков, они должны подтвердить правдивую историю, которую я собираюсь изложить. Прошло вот уже сорок три года с того времени, а когда вспоминаешь об этом, на душе как-то неприятно, гадко. Дальнейшая жизнь отёсывала, шлифовала, притирала там, где был излишне ершистым, но и сегодня, вероятно, поступил бы так же, как тогда.

После эвакуации Одессы мы ещё двадцать один день находились на Тендре, глубоко в пасти врага. Октябрь, начало ноября, как обычно, были штормовыми здесь. Казалось, постоянно в воздухе висели мелкие капельки воды. Вот такой, напитанный влагой, да ещё с ветрами, воздух пронизывал насквозь. В такие дни немцы меньше досаждали нам, их штормовая погода тоже не особенно устраивала. Мы же, кроме вахтенных, старались укрыться от этой мороси в своих «собачьих конурах».

Однажды ночью Павел Чепиленко, с которым мы спали в одном шалаше, заступил на вахту у орудия, а я оставался один. Сквозь сон слышу: приоткрылся полог, закрывавший впаз, внутрь проник сырой, холодный ветер, и рядом со мной мостится кто-то мокрый и холодный. Спрашиваю, считая, что это Павел возвратился с вахты: «Что, на дворе дождь идёт?» А он молчит. Через время слышу всхлипывания, а затем неудержимый плач навзрыд. Ничего подобного раньше не было. «Что такое? В чём дело?» – спрашиваю. А в ответ – плач. Услышав это, стоявший здесь же, у орудия, Павел внёс ясность: «Это я на своё место впустил... Ольгу». Вопросов возникло ещё больше.

Кто же была Ольга? Ещё до Чулаковки на Кинбурнской косе у нас появилась девушка Оля, по фамилии не то Кобылянская, не то Кобылицкая – сейчас уже не помню. Сама она была из Очакова, 1923 года рождения, в 1941 году окончила среднюю школу. Когда началась война, она не раздумывая пошла на курсы медсестёр, чтобы своими руками приносить пользу стране в это тяжёлое время. Как только немцы вошли в Очаков, она ушла из города, чуть ли не вплавь перебралась через лиман на Кинбурнскую косу и обратилась к командованию дивизиона с просьбой зачислить её медсестрой. Не знаю, как там шли переговоры, но только в один из дней по направлению штаба у нас на батарее появилась эта самая медсестра Оля.

Надо сказать, что она была не робкого десятка. Особенно в боях с наземным противником она не пряталась где-то в окопчиках или ложбинках, а лезла в самую гущу боя и оказывала помощь товарищам. Это нам нравилось. Если вначале мы относились к ней с каким-то недоверием, считая нежелательным пребывание среди нас женского пола, то дальше она, что называется, прижилась, мы считали её равной, даже относились к ней с некоторым уважением. Рослая, крепко сложенная, она то там, то там появлялась среди нас, стараясь освоить боевую работу того или другого номера орудийного расчёта, чтобы в нужную минуту можно было заменить его. Одели её в морскую форму, и она даже по одежде не отличалась от нас. Никто даже и в помыслах не мог себе позволить вольностей по отношению к ней. Нет, если в помыслах, может быть, и было что-то, то внешнего, реального выражения оно просто не могло иметь. Да и Михаил Зиновьевич Мачача, и комиссар батареи, во избежание всякого рода греха и соблазна, всегда старались держать Олю вблизи себя. Беды и мелкие радости она делила вместе с нами. Со временем медсёстры появились на других батареях и в других подразделениях.

Сменившись с поста, Чепиленко кое-как втиснулся к нам. Несколько успокоившись от горьких слёз обиды, Ольга поведала печальную, унижающую, вызывающую возмущение историю. К вечеру прошлого дня по телефонной связи всех девчат, а их было пять или шесть, вызвали в штаб. Там было устроено что-то увеселительное, а потом – пьянка. Захмелевшие участники попойки стали лезть к девчатам, нахально добиваясь взаимности. К Ольге начал приставать сам Болохов. Ему тогда было около сорока пяти лет (в нашем представлении они были стариками). Помню, лицо такое неприятное, побитое оспой. Трудно судить, как к этому всему отнеслись остальные девчата и что там происходило дальше. Только Ольга резко оттолкнула своего «суженого», встала и направилась к выходу из этих самых сараев. Болохов за ней. У выхода догнал, грубо схватил за руку и швырнул в сторону. Ольга вырвалась и выскочила на двор, стала уходить. Преследуя её, он с хрипом извергал потоки брани и грозил всем, чем только мог. Стала бежать, преследование продолжалось. Впереди по ходу метров в трёхстах находилось небольшое болотце, всё заросшее камышом. Ольга с ходу бросилась в него и стала пробираться в глубь камышей.

Человек в возрасте, да ещё под добрым хмелем, Болохов, конечно, отстал. Однако добрался до болотца, продолжал орать и вслепую сделал два выстрела из пистолета по камышам. До смерти перепуганная, Ольга притаилась и выждала, пока преследователь убрался восвояси. Затем выбралась из болотца и впотьмах направилась к нашей батарее. При подходе Павел окликнул её, опознал и направил на своё место, предложив переодеться и просушиться. Утром отвели её к Мачаче.

Вот о каких безобразиях, о каких бесчинствах мы невольно узнали в ту ночь.

Всё это, безусловно, до предела возмутило нас. Пусть бы пили там сами – чёрт их бери, это их дело. А ведь здесь – спаивание девушек, насилие над ними, использование по отношению к ним своего служебного положения, использование беззащитного положения девчат в тех условиях. А потом ещё стрелять за неподчинение? В кого стрелять? Девушка, наша ровесница, так же, как и мы, окончила среднюю школу, с началом войны без раздумий пошла на курсы медсестёр и добровольно пошла защищать Родину, наравне с нами переносила все тяготы военной жизни, хотя для неё это было значительно тяжелее.

Наши ещё чистые, не тронутые всякими превратностями жизни сердца не могли, не хотели мириться со всем происшедшим. Негодование просто клокотало. Разве так можно обращаться с людьми в условиях войны, даже в условиях отрыва от большой земли? Так поступали только фашисты с нашим населением. Никак не хотелось верить, что организованная попойка была «пиром отчаяния» наших командиров, потерявших всякую надежду на возвращение на большую землю. А может быть, именно эти условия бесконтрольности, отсутствия ответственности за свои поступки и дали возможность так распоясаться. Ведь положение командира ТБУ было действительно таким, как писал Твардовский, «твой ЦК и твой Калинин», и на сотни вёрст большей власти не было. Ясно было только то, что это был уже предел морального падения. А людей на Тендре оставалось ещё много, ими надо было руководить, о них надо было заботиться.

Наутро вся батарея знала о случившемся. Везде говорили только об этом. Было ясно, что этим страстям нельзя дать разгореться. Целый ряд уставных положений категорически запрещали обсуждать деятельность, поступки начальства. Как же быть здесь? С одной стороны, нельзя оставаться безразличным к этим безобразиям, с другой – надо строго выполнять требования уставов. А ещё есть и требование устава партии...

Часов около десяти утра мимо нашей батареи в глубь острова ехал уполномоченный особого отдела майор Шахин, зашёл к нам на орудие. Подошли товарищи из других расчётов. Здесь мы, перебывая друг друга, рассказали о случившемся, о своих возмущениях. Шахин нашёл своеобразный выход из положения:

– А вы изложите всё это на бумаге. Вечером я буду возвращаться обратно, заеду и заберу.

Ну что же, писать так писать. Михаил Пухликов, Михаил Немченко и я уселись за бумагу. У кого-то нашёлся развёрнутый тетрадный лист. В редактировании текста принимали участие все, писать же поручили мне. С почти детской непосредственностью и наивностью мы на четырёх страницах изложили всё, что думали о происшедшем. Тогда мы не задумывались, куда попадёт это письмо, кто будет им заниматься, к чему это всё приведёт. Пожалуй, люди, уже хорошенько обтёртые жизнью, прежде всего поставили бы эти вопросы перед собой. Нас же тогда возмущали эти бесчинства, возмущению нужен был выход. Таким выходом и оказалась терпеливая бумага.

Шахин действительно к концу дня заехал к нам и забрал письмо.

Но... Через день к вечеру меня вызвали в штаб. Передавая это распоряжение, Мачача грустно грустно смотрел мне в глаза, видно, представлял себе, чем всё это может кончиться. Я же шёл в штаб с твёрдой уверенностью в своей правоте. Пришёл, как полагается, доложил. Меня провели в помещение, служившее командиру ТБУ кабинетом. Представился.

– Так вот ты какой. Ну, доложи, что ты там писал.

Сохраняя внешнее спокойствие, я пересказал содержание письма. Болохов молча выслушал меня, ни разу не сорвался, только постоянно двигавшиеся желваки выдавали его внутреннее состояние. Видимо, твёрдость, убеждённость, уверенность, с которыми говорил этот мальчишка, в какой-то мере обезоруживали его. И правда, это выглядело дерзостью в глазах этой грозы всей Тендры. К этому он не привык. Сдерживать себя ему было трудно, однако спокойно, но резко он сказал:

– Ну так вот, ничего этого не было. Всё, что плела эта девчонка, ложь. Запомни себе! А теперь иди, обдумай и напиши, что твоё письмо было необдуманной глупостью, проси извинения за этот проступок. Ступай! Завтра явишься ко мне в это же время с письмом.

Я ушёл. Вечерело. Да, было о чём подумать по дороге на батарею... Прежде всего, я ведь действительно не был свидетелем, не видел своими глазами этой попойки и прочих мерзостей. А что, если Ольга и впрямь сочинила всю эту историю или хотя бы часть её? Ведь в кого мы с хлопцами превращались тогда? В таком случае были бы полные основания для трибунала и расстрела. Нет, эта девушка соврать не могла, далеко не наигранными были её рыдания. Да и интуиция подсказывала, что всё именно так и было. Затем, допустим, я откажусь со страху от всех тех убеждений, которые были изложены в письме. Как же я тогда буду выглядеть перед товарищами, перед всеми, кто знал об этой истории? Как буду им в глаза смотреть? А что скажет та же Ольга, доверившаяся нам в своём горе, а тогда оказавшаяся бы просто лгуньей, за что довелось бы строжайше отвечать. Такое моё поведение выглядело бы хуже предательства. А как же быть, что предпринять? Не выполнить приказ тоже, кажется, нельзя – он ведь в сложившейся ситуации не отстанет теперь ни за что. Вот такие мысли сверлили голову всю дорогу, пока добирался до батареи. Это сейчас полечче оглядываться на всё это. А тогда было совсем не весело. И снова шевелились мысли, до мельчайших подробностей воспроизводилась вся картина. А как поступил Шахин? Мы ему доверились в своём негодовании, а он теперь выставил нас совершенно голенькими перед всевластным и всемогущим на Тендре Болоховым. На нашей стороне оставались только отвлечённые в этой обстановке понятия: долг, честь, правда, справедливость. А они-то в той ситуации были категориями далеко не материальными.

И всё же пятиться назад никак нельзя. Всю жизнь я не простил бы себе такого отступничества, предательства. А значит – только вперёд.

Поделился своими мыслями с друзьями. У них несколько подупало настроение, но, в общем, сохранялся воинствующий дух. Они, как и я, считали, что надо стоять до конца, каким бы он ни был.

Наутро сел и написал всё то, о чём писалось в первом письме. Иного решения не находил. С неприятным чувством ожидал вечера. Не пойти вообще было нельзя – этим подставлял под неприятность не только себя, но и Мачачу. А идти – перспектива тоже нерадостная. Мачача, чувствовалось, молчаливо поддерживал меня.

К концу дня, поставив в известность своё командование, пошёл в штаб дивизиона. Там после доклада меня снова направили в «кабинет» Болохова. Он сидел за своим столом, сделанным из рядных ящичков, пил чай. Над столом светила маленькая лампочка, питавшаяся от щелочного аккумулятора.

– А, это ты пришёл? Ну, вот и молодец! Написал? Читай! – продолжая пить чай, с улыбкой прои́знёс он. А в глазах – что-то неприятное, холодное.

Сцепив зубы, я читал написанное и украдкой поглядывал на выражение лица моего собеседника. Оно по ходу чтения делалось то белым, как стена, то наливалось какой-то пунцовой окраской. Чай был отставлен в сторону. Закончил читать, текст положил на стол. Вот здесь и прорвало: на меня, казалось, со всех сторон полетели площадная брань, угрозы, унижения. Я прямо в упор смотрел в глаза, молчал. Да и попробуй разинуть рот!

В это время вошёл Иван Яковлевич Дудник – комиссар Тендровского боевого участка, наш духовный «отец и наставник».

– А-а, это тот самый Дубовик, которого мы к ордену представляем? Он получит у нас награду!.. – с явной угрозой выпалил Дудник и вскоре вышел.

Вот и сейчас, через много лет, святое слово «комиссар» не хочется ставить рядом с фамилией Дудника. Ребята-штабисты давно уже говорили, что на меня готово представление к награждению орденом Красного Знамени за бои на Кинбурнской косе и на Тендре. Именно это имел в виду Дудник в своем изречении.

Разрядившись в своих нелитературных словоизвержениях, Болохов, поостыв, предложил:

– Ну, пойдем, я провожу.

Во какой высокой чести удостоился я! – а сам держусь напряжённо, настороженно. Вышли из этих помещений. На дворе спустились сумерки, только над горизонтом чуть светлело небо. Какая-то непривычная тишина. Идём молча, в направлении нашей батареи. Примерно через полсотни метров остановились. Он вынул пистолет, снял с предохранителя.

– Иди, иди! – каким-то глухим голосом приказал он.

И я пошёл. Медленным, не ускоряющимся шагом, пошатываясь из стороны в сторону. Затылок и спина превратились в какой-то сверхчувствительный экран. Каждое мгновение ожидал удара пули именно в затылок или в спину. «Так вот она где – моя награда», – вспомнился Дудник. Прошёл так шагов тридцать. Нервы напряжены до предела. Да, дорого мне достались эти шаги! Дальше пошёл зигзагами, потом оглянулся. На фоне темнеющего неба на западе ещё были видны очертания поникшей головы и плеч Болохова. Выстрела так и не последовало. Расслабленный, уставший, как после тяжёлого физического труда, поплёлся я к своей батарее.

Но почему он тогда не выстрелил? – этот вопрос нет-нет да и возникал всю жизнь. На Тендре погибали люди. На одного больше, на одного меньше – какая разница. Да и кто там так уже скрупулёзно за них отчитывался? И перед кем? И в строевой записке можно было показать что угодно. А он не выстрелил. Может быть, боязнь того, что это убийство или самоправный расстрел всё равно когда-то всплывёт, разоблачится и за него придётся отвечать? Весьма возможно. А может, это было просто испытание на прочность? Вряд ли. Тогда почему же? И всё же преобладающим остаётся суждение о том, что где-то изнутри давило, пусть притуплённое, но всё же чувство совести. Честные, твёрдые, прямые юношеские убеждения противостояли грязному, мерзкому поступку. Это, вероятнее всего, и сдержало палец на спусковом крючке.

Случилось так, что дня через два с торпедными катерами на Тендру из Севастополя прибыла какая-то комиссия политотдела. Если не изменяет память, в её составе был и капитан Костиков.

Было ли известно этой комиссии через Шахина ещё в Севастополе об инциденте у нас на Тендре, или он доложил уже здесь о случившемся и комиссия просто попутно занялась этим вопросом – не знаю. Только день прибытия они пробыли в штабе, на другой день были у нас на батарее. В палатку Мачачи, после беседы с ним и комиссаром, вызывали поочерёдно Ольгу, меня, Пухликова и Немченко – и беседовали по содержанию нашего письма. Теми же торпедными катерами комиссия отбыла в Севастополь, забрав с собой нашу Ольгу. А мы-то остались здесь...

На следующий же день было приказано мне и двум Михаилам – Пухликову и Немченко – явиться с личными вещами и оружием в штаб дивизиона. Шли, кисло-пошучивали и путались в предположениях, что же теперь с нами будут делать. Под трибунал? Не похоже, зачем тогда вызвали с оружием. На передовую в Севастополь? Так это же желаемый выход из положения. Всё решилось значительно проще – нас просто разбросали по разным батареям. Я попал на вторую батарею к Фротеру. Узнав об этом, Мачача ещё раз в жизни постарался сделать доброе дело для меня, он позвонил Фротеру и просил принять меня нормально, не как какого-то преступника. Об этом в первой беседе говорил мне сам Фротер. Больше с Михаилом Зиновьевичем Мачачей мне так и не пришлось встретиться. А хороший он был человек.

На второй батарее у Фротера пришлось служить здесь, на Тендре, всего несколько дней, т.к. вообще заканчивалось наше пребывание на Тендре. Однако и в эти дни он относился ко мне с уважением, никогда не напомнил о происшедшем.

С нашей Олей пришлось как-то встретиться в Севастополе. Шли мы с Мишей Пухликовым в центре города и у какой-то парикмахерской увидели её. Знаете, бывает так, что глаз вскользь заметит знакомые черты, пока память выдаёт данные о том, кто же это, а человек уже прошёл. Вот так было и здесь. Мы остановились, оглянулись.

То же произошло и с ней, шагах в десяти от нас остановилась и она, тоже оглянулась. Бегом бросилась к нам, каждого из нас обнимала, целовала и сквозь слёзы радости благодарила нас за то, что на Тендре помогли ей сохранить честь и достоинство, уберегли от мести и расправы. Была она уже в пограничной форме, которая тоже хорошо ей шла. Поговорить, расспросить так и не удалось – мы спешили, её тоже здесь же ожидали пограничники, с которыми вместе она куда-то спешила. Позже слышал, что Ольга после войны возвратилась в Очаков и жила там. Интересно было бы теперь её разыскать и встретить.

Ну а мы пока были на Тендре. В начале ноября часть людей и техники с острова эвакуировал крейсер «Червона Україна». За остальными, по-моему, 4 ноября из Севастополя пришёл буксир типа «СП» и две большие баржи. Погрузка шла быстро. Погрузили орудия, пулемёты, тягачи, прожекторные установки на автомашинах, в трюмы загрузили ящики с боезапасом, а его у нас было ещё много, таскали-таскали по сходням на баржи и, казалось, конца нет этим ящикам. Капитан буксира уже пару раз предупреждал, что погрузилась ватерлиния – грузить больше нельзя. Казалось, погрузили всё. Существует народная поговорка, что дураков не сеют – они сами рождаются. Так было и здесь. Присутствовавший на погрузке комиссар ТБУ Дудник под угрозой расстрела заставил погрузить оставшиеся на Тендре мешки с цементом и бухты колючей проволоки, а их было много. При этом кричал: «Товарищ Сталин приказал ничего врагу не оставлять!» Есть, к сожалению, люди, которые умеют хорошие, нужные мысли, постановления, лозунги превратить во что-то абсурдное, сделать их посмешищем и, в конце концов, добро превратить в зло. Да столкни ты эти мешки с цементом с берега в воду, и они не достанутся врагу, но не допускай дальше перегрузки бара, тем более что капитан буксира разбирался в этих вопросах несравнимо больше, чем этот самый Дудник. Не лезь не в своё дело. Нет, таки под давлением погрузили всё. А потом это привело к потоплению, к гибели сотен людей, техники и тех грузов. Привело к непоправимой трагедии. Страшен дурак, если в его руках власть.

Как-то встретил одного из товарищей, возвратившегося с того света после потопления, так он говорил, что если бы встретил этого Дудника, то без всяких трибуналов и судов задушил бы его своими руками.

В ночь на 5 ноября буксир с баржами отдал швартовы и тронулся в путь на Севастополь. Ночью разыгрался шторм до девяти баллов (об этом говорили потом в Севастополе). Вторая баржа со всем

содержимым затонула. Случайно остались в живых только единицы. Пусть бы в бою погибли люди – это понятно: война есть война, а то так – ни за цапову душу.

Когда 12 января 1942 года в политотделе Крымского участка ПВО Черноморского флота мне вручался партийный билет, капитан Костиков из парткомиссии политотдела спросил:

– Подождите, Дубовик – что-то знакомая фамилия, – а потом, видимо, порылся в памяти и после паузы продолжил, – Вы не были связаны с «тендровским делом»?

– Да, это был я, – ответил.

– Правильно, вы поступили как настоящий коммунист. Желаю успехов.

«Правильно-то правильно, – думаю, – да уж очень дорого досталась эта правда».

Получилось так, что на Кавказ, в Новороссийск, из Севастополя я попал позже наших. Там узнал, что какие-то неприятности военного характера были с ними в Анапе. Рассказали, что трибунал судил Болохова, Дудника и Мачачу, что получили они определённые сроки тюремного заключения, которые были заменены отправкой на фронт в Севастополь с целью искупить свою вину кровью. Позже говорили, что Болохов в бою погиб, Мачача был тяжело ранен и вывезен в Потю, но по дороге скончался. А Дудник – получил небольшое ранение, лежал в госпитале в Фальшивом Геленджике, куда-то бесконечно писал и, наконец, якобы был даже оставлен комиссаром госпиталя.

Так закончилась эта печальная тендровская история. Что им всем троим было предъявлено в качестве обвинения, я до сих пор не знаю. Лишь предполагаю, что здесь была и гибель людей и техники при переходе с Тендры в Севастополь, и анапские неприятности, головотяпство, а может быть, даже, в какой-то мере, и «тендровское дело»?

Вот перелистнул страницы прошлого назад – и сам собой возник вопрос: а зачем я писал об этой истории, да ещё так много? В памяти стёрся, забылся этот инцидент, а я его разворошил. Не он ведь являлся основным, определяющим в жизни, в боевых действиях дивизиона, батареи. Так зачем же говорить о нём? Тем более, не было у меня желаний охаять хорошие дела людей дивизиона. Но ведь подобные явления были. Были. Огромное, ёмкое понятие «война» включало в себя не только яркие героические подвиги Гастелло, Матросова, Космодемьянской и других. Было всё – и хорошее, и плохое. Говорить только об одном – значит исказить действительность. А через несколько лет вообще не останется тех, кто был там, внизу военной иерархии, кто на своих плечах вынес всё, именно всё – тяготы боёв, военного быта, взаимоотношений и пр. Останется только то, что до сих пор создано в литературе, кинематографе, театре, на полотнах художников. А здесь у нас уж очень много «Ура! Ура!» Победа в прошедшей войне была делом рук всего советского народа, а не только выдающихся героев. Нельзя забывать, что на войне были и Болоховы, и Дудники. Нужно помнить: победа досталась бы нам меньшими потерями, если бы таких было меньше.

Моя судьба на войне дальше складывалась так. После Тендры был Севастополь. Из Севастополя вывезли в Новороссийск. Не помню, каким образом снова оказался в составе 363-й батареи. Теперь тут были новые командиры. Представление на мою награду дальше Дудника так и не пошло. Вначале снова командовал орудием. Потом летом 1942 года под Новороссийском был назначен замполитруком и был им до весны 1943 года, т.е. до упразднения института замполитруков. С этого времени назначили старшиной группы комендоров и в апреле этого же года избрали секретарём партийной организации батареи. Наряду с боевой работой руководил партийной организацией до самой демобилизации в августе 1946 года.

В конце лета 1944 года был послан на курсы повышения квалификации сержантского состава в Кобулету, там готовили нас для работы с американской боевой техникой. Оттуда, после специального отбора, попал в состав охраны приёма американской и английской делегаций на Крымскую конференцию руководителей трёх держав на Сакинском аэродроме. Позже нам говорили, что в личном воинском деле нам записана благодарность за это от Народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова.

После Конференции снова был направлен на свою родную 363-ю батарею уже в качестве командира огневого взвода американских орудий системы «Бофоре», приданных батарее.

День Победы встретил в Очакове в той же должности и звании старшего сержанта.

При демобилизации получил следующую партийно-политическую характеристику:

«Партийно-политическая характеристика на члена ВКП(б) с 1942 г., п/б № 4292152, старшего сержанта Дубовика Виктора Филипповича.

Тов. Дубовик служил в воинской части полевая почта 34348 с 1940 г., участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками на всём протяжении войны. В боях показал себя мужественным и ответственным воином. За доблесть и мужество награждён орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За боевые заслуги» и четырьмя оборонными медалями. Дисциплинированный, выдержанный, культурный, вдумчивый, систематически работает над собой по повышению своих знаний.

Работал парторгом подразделения с апреля месяца 1943 года по день демобилизации. К партийной работе относился серьёзно. Обладает хорошими организаторскими способностями, умело воспитывал коммунистов и мобилизовал всю партийную организацию на выполнение боевых задач. Учитывая накопленный опыт партийной работы, тов. Дубовик может быть использован на ответственной партийной работе.

27.08.46 г. Зам. командира в/ч 34348 капитан Кононов.

М.П. (подпись)».

Правда, этот документ я в жизни так никогда, нигде и никому не предъявлял.

* * *

Одна из наших ещё школьных соучениц Ткаченко задалась целью собрать вместе всех оставшихся в живых выпускников Краснопольской средней школы 1940 года. На поиски потратила два года, искала по всей стране. И вот на 15 августа 1982 года была назначена встреча в родной школе. Поехали на встречу и мы с женой. Все волновались очень: ведь предстояло встретиться с одноклассниками, которых не видел на протяжении сорока двух лет, – расстались восемнадцатилетними, а теперь им всем по шестьдесят лет.

Когда выяснилось, что мальчишек выпуска 1940 года осталось совсем мало – пятеро из бывшего 10-го «А» и трое из моего 10-го «Б» класса (а приехать смогли только, соответственно, три и один), решено было собрать всех живых из всех предвоенных выпусков. Встреча была душевной, трогательной. И было нас совсем немного. Наших девушек (а им по шестьдесят) было много, а нас – единицы. В последние годы официальная статистика называет число, равное трём процентам, именно столько по стране осталось в живых мужчин нашего возраста. Наша встреча подтвердила правдивость официальных заявлений...

Встречу открыл директор школы, молодой человек. Нас приветствовали пионеры и комсомольцы, рассказали о состоянии дел и своих достижениях. Каждый из нас кратко поведал о прожитой жизни. Интересным, душевным было выступление секретаря райкома партии Михаила Ивановича Малимоненко. Кроме трогательных тёплых слов в наш адрес, он сообщил, что Краснопольский район дал стране в годы войны двадцать три Героя Советского Союза и пять полных кавалеров ордена Славы. Да, здесь действительно есть чем гордиться.

А выросли они из тех самых мальчишек, увлекавшихся оборонными и спортивными кружками, готовивших себя к труду и обороне.

Следующая встреча в школе предполагается в следующем, 1985 году, когда исполнится сорок пять лет после окончания школы, а нам будет по три года на седьмой десяток.

Тогда же, в 1941 году, нам было по девятнадцать лет.

Дубовик Виктор Филиппович (1922–1994). Прозаик, защитник Николаева, Севастополя, Новороссийска в годы Великой Отечественной войны. После войны окончил Киевский университет, стал учителем истории, до кончины работал директором средней школы в г. Луцке.

Евгений ПАРАМОНОВ

ПЫЛИНКИ ПАМЯТИ

*«... Уже уходят за полночь соседи,
Не выпито вино, и торт не съеден...»*

Александр Розенбаум

Тикают часы. Слабо потрескивает свеча. Жёлтые восковые «слёзы» медленно стекают на лепестки чёрного чугунного цветка – подсвечника каслинского литья. Отблескивает янтарём в бокале старый коньяк. За окном дождь. Спешить некуда. Самое время для воспоминаний.

Да, часы можно остановить, достаточно вынуть из них батарейку. Но не остановишь время. А оно неумолимо приближается к полуночи. И кто знает, когда она настанет, эта «Полночь»? Ведь в писании сказано, что у Бога день – как год, и год – как день. А значит – для каждого из нас «Полночь» настанет в предопределённое только для него одного время. И ты уже не сможешь вернуть не то что утро, не то что день, но даже вечер.

А потому – пора вспомнить всё, пока ещё помнишь хоть что-то.

Как поздно я понял, что должен был проводить гораздо больше времени с обеими своими бабушками и единственным дедушкой! Они любили меня, и провести со мной лишние пару часов им было бы приятно, а мне – полезно. Жаль, но этого уже нельзя сделать, они давно ушли за «Полночь»...

Да, они были старые, медлительные и необразованные. А дед и вовсе не умел ни читать, ни писать. Было странно и смешно, когда он просил меня, мальчика, почитать ему надписи под картинками в журнале «Огонёк». Мне, непоседливому сорванцу, было скучновато с ними.

Зато они знали уйму интереснейших историй и легенд из жизни нашего города. И когда они их рассказывали, я забывал обо всём – так это было интересно.

О чём только они не знали. О доме купца Литвиненко, на фасаде которого атланты держат балконы. О том, какой роскошный конный выезд с коляской был у хлебного спекулянта Властелицы (пока он не попал в тюрьму). О том, как городского голову Леонтовича при большевиках на несколько часов выпустили из тюремной камеры, чтобы он загнал обратно в террариум огромного крокодила, сбжавшего в отсутствие хозяина из его домашнего зоопарка и распугавшего пляжников на Стрелке. Да мало ли о чём ещё!

Наш южный, хлебный, разноголосый и пёстрый портовый город хранит в себе сотни тысяч интереснейших историй, которые приключились с его жителями и приезжими со всех концов света. Историй, которые обязательно надо рассказать, которые требуют, чтобы их рассказали.

Я люблю этот город. Здесь родились мои родители и кое-кто из бабушек и дедушек. И я готов по пылинкам собрать то, что осталось от этого города в памяти людей, здесь живущих. Ведь не только один город, но и вся наша земля состоит из пылинок.

АРТЕФАКТЫ ВОЙНЫ (из цикла «Дети холодной войны»)

Когда я родился, не прошло и десяти лет после окончания Второй мировой. Её следы были видны повсюду. Сгоревший, превратившийся в развалину дом в парке железнодорожников. В этом зловещем доме пацаны-живодёры вешали и жгли живьём кошек (теперь там школа бокса). Воронка от бомбы по пути на речку в Лесках. Разбитый американский «Виллис» на берегу Ингула. Валявшиеся то тут, то там ржавые гильзы. Пробитые немецкие каски. Сломанные штык-ножи. Цилиндрические рифлёные коробки от немецких противогазов. Монеты третьего рейха с орлом и свастикой. Всего

этого хлама вокруг было предостаточно. Любой современный чёрный археолог был бы в восторге от количества артефактов войны, валявшихся тогда, что называется, под ногами.

Встречались вещички и посерьёзнее. У некоторых жителей в укромных местах было припрятано оставшееся с войны оружие. Бабушка Исааковна из соседнего двора, поговаривали пацаны, прячет у себя в сарае немецкий ручной пулемёт.

Вездесущие пацаны знали всё. Они лазили по таким местам, в которые взрослым лезть не было ни охоты, ни времени. Все взрослые тогда поголовно были заняты с утра и до вечера. Они работали на заводах.

В пять часов вечера, когда в заводе имени Андре Марти (позже – завод имени Носенко, а ещё позже – Черноморский судостроительный завод) гудел гудок, улицы заполнялись сотнями и тысячами людей. Они шли с работы усталые, в брюках, заправленных в сапоги, в чёрных кепках и телогрейках. От цвета их одежды улица становилась чёрной. Был среди них и мой отец.

А пока родители были на работе, мы упивались свободой. Ходили на «военную рамку» в районе 6-й Поперечной, где стояли на погрузку бронемашин, танки и прочая боевая техника. Лазили также на «рамку цветных металлов» в районе 9-й Поперечной, где были свалены разрезанные на части отслужившие своё серебристые советские «МиГи».

Там, совсем рядом с железнодорожными путями, можно было залезть в кабину истребителя, вдохнуть особенный запах самолёта, сесть в кресло пилота и представить себя высоко в небе, летящим на огромной скорости.

На землю нас возвращал сердитый сторож с заряженной солью «берданкой», который гонял пацанов подальше от опасного места. Но разве нас остановишь?!

С «рамки» и из других мест в наши руки попадали весьма необычные, а порой и опасные предметы. Однажды пацаны притащили парашютный прибор – небольшую металлическую коробочку с мощной пружиной внутри. Взведя прибор, можно было вставить в него какой-либо предмет, например поворотную дверную ручку, и выстрелить ею в небо на приличную высоту. С этим прибором я доигрался до того, что случайно нажал на спуск. Металлическая ручка со страшной силой вылетела из прибора и ударила стоявшей рядом соседской девчонке Вальке в переносицу в нескольких миллиметрах от глаза. Хлынула кровь. Она заорала, я жутко испугался. Девочка чудом не стала калеккой на всю жизнь. В нынешнее время это был бы скандал с возможным обсуждением в интернете. Но по тем временам бывало и не такое, да и интернета не было, а потому всё закончилось простым объяснением с родителями.

А на Песках возле 25-й дачи мы добывали порох. Это было просто. Отгребёшь под деревьями землю, а в ней сотни и тысячи «порошонок» – чёрных и коричневых квадратиков, жёлтых «колбасок». Земля в этом районе была густо перемешана с порохом, который мы использовали для запуска самодельных ракет. Во время войны там были грандиозные склады боеприпасов. Когда стали рыть чашу большого городского стадиона возле яхт-клуба, экскаваторщики наткнулись на эти залежи.

Помню, как потом много недель подряд каждый день где-то за Коренихой гремели далёкие взрывы. Это сапёры вывозили подальше за город и взрывали снаряды, мины, бомбы. Вывезли и взорвали всё, что нашли. Но нашли, увы, не всё...

В середине шестидесятых в школах города с интервалом в несколько месяцев на боеприпасах времён войны подорвались две группы мальчишек. По несколько человек сразу. Их хоронили всей школой.

Нам же наказывали не лазить в этот район и не брать в руки незнакомые металлические предметы, не бросать их в костёр, не сдавать в металлолом. Предостерегающие плакаты на эту тему с изображением образцов боеприпасов висели тогда в каждой школе.

По рассказам отца я знал, что сразу после бегства немцев из города ситуация была ещё хуже. Когда вернулись наши (я умышленно применяю это слово, ведь это сейчас не разберёшь, кто наши, а кто ваши, а тогда всё было ясно: наши – это мы с вами, а враги – это немцы, фашисты), – город был завален оружием и боеприпасами. Не один десяток мальчишек, а иногда и взрослые, подрывались или были застрелены из этого оставшегося с войны смертоносного железа.

Прямо там, где сейчас «Верхний БАМ», были склады гранат. В первые дни после освобождения пацаны развлекались – бросали гранаты в реку Ингул в районе Стрелки и Дикого сада. Некоторые гранаты не разорвались и, наверное, так и лежат до сих пор где-то под Ингульским мостом в слоях ила.

Из винтовок делали обрезы. От нечего делать стреляли ворон. Из такого обреза был застрелен старший брат моего отца, мой дядя Саша. Ему было 16. Это случилось во всё ещё недостроенном «доме Властелицы» – сейчас это кинотеатр «Родина». Сашин товарищ случайно нажал на курок. Пуля попала в бедро, но она была разрывная и на выходе вырвала целый кусок. Шура истёк кровью.

Мы росли десятью годами позже, когда весь этот страшный металл был уже собран с улиц города и переплавлен в мартеновских печах завода «Марти».

В это трудно поверить, но однажды в нашей школе пацаны-старшеклассники «для прикола» явились на занятия в настоящих фашистских повязках со свастикой и с орденами. Был грандиозный скандал. Впрочем, дело замаяли, сочтя это за мелкое хулиганство.

Как потом выяснилось, они раскопали могилы эсэсовцев на одном из немецких военных кладбищ. Все надгробья на этом кладбище были давно снесены. На их месте разбиты аллеи, высажены кусты и поставлены скамейки. Но пацаны знали, где что лежит.

В то время это было одно из любимых мест отдыха горожан (по понятным причинам я воздержусь называть, где оно находится). Молодые парочки, целовавшиеся в укромных местах, и загорелые пляжники, мирно кушавшие на скамейках сливочный «Пломбир», и не подозревали, что прямо у них под ногами на двухметровой глубине гниют останки воинов вермахта, пришедших к нам из далёкой Германии и навеки оставшихся в нашей земле.

По городу ездило немало трофейных автомобилей. «Опель Капитан», «Опель Адмирал», «BMW», «Мерседес». Их дополняли американские «Виллисы» и грузовые «Студебеккеры».

Полученные по репарации от Германии машины переименовывали и строили уже на наших заводах. Так появился, например, знаменитый «Москвич 401» (он же «Опель Кадет»). Именно на таком «Москвичике» однажды под Новый год меня привезли из роддома домой.

На руках у мужчин тикали немецкие ручные часы с фосфоресцирующим циферблатом, переименованные в марку «Победа». Попадались немецкие полевые бинокли с оптикой от фирмы «Карл Цейс». А уж станков, полученных по репарации от Германии, на наших заводах было просто великое множество. Причём немецкие станки работали очень исправно и долго (иногда лучше, чем наши новые).

Отцов фрезерный «Фриц Вернер» выпуска 1933 года отработал 40 лет без капитального ремонта. Отец ушёл на пенсию, а станок остался.

Уходит время. Ржавеют и рассыпаются в прах погребённые в земле артефакты Великой войны. Из года в год на чёрном рынке прибавляют в цене сохранившиеся с войны награды, пряжки солдатских ремней, каски и прочая военная амуниция. Уходят ветераны. Многого забывается. Только нет-нет да и громыхнёт за городом очередная авиабомба, которую откопали строители и обезвредили сапёры.

ТЁПЛЫЙ ГОРОД (из цикла «Золотое дно»)

*«Там брынза улыбается,
там жарятся бычки».*

Марк Лисянский

Раки были крупные. Они копошились в зелёном эмалированном ведре, скрежетали клешнями об эмаль, шевелили усами и пучили глаза. Имея печальный опыт, я брал их осторожно за бока и рассматривал, вдыхая запах речки.

Каждый раз, когда летом из Москвы в Николаев приезжал дядя Валя, мы с бабушкой с утра отправлялись на рынок и покупали полное ведро раков. Угощение было деликатесное, а стоило – сущие копейки. Ведь рак не рыба, и есть там особенно нечего.

Говорят, что когда-то, ещё в начале XIX века, проезжая по Николаевщине мимо села Кандыбино, великий поэт Пушкин пошутил на этот счёт:

*Рыба не рак – Кандыба дурак.
Рак не рыба – дурак Кандыба.
И так, и сяк – Кандыба дурак.*

Дядя Валя жил в Москве, но родился и провёл юность у Южного Буга. Он был наш – николаевский, любил раков и знал в них толк. Я же был не прочь полакомиться раковой шейкой, но не любил разбирать жёсткий хитиновый панцирь, это занятие казалось мне не стоящим результата. Да и в самом деле – что возьмёшь от рака? Разве что заднее место! По этому поводу 90-летняя прабабушка Даша любила повторять старую украинскую прибаутку:

*«Бухи-бухи-бухелики, зарізали рака,
усім-усім по стегенцю, а Петрику срака».*

Правдивость прибаутки была налицо – кроме заднего места, в раке есть было нечего. И, тем не менее, когда посреди стола из гигантской кастрюли на устланное свежей зеленью блюдо вываливали целую гору красных, ароматных, отваренных с душистым перчиком, укропом и лавровым листом, пышущих паром раков, эта картина завораживала, и скромное застолье превращалось в настоящее пиршество.

В остальном еда была самой обычной. Отварная картошечка «американка», жареные бычки, молоденький лучок, свежие огурчики, большие, размером с кулак, помидоры, солёная брынза. На десерт варили компот, были яблоки, тьма абрикосов, груш, слив, ароматная дынька «колхозница», рябые херсонские арбузы.

По нынешним временам показалось бы странным то, что на столе не было ни водки, ни пива. Это сегодня водочно-пивное лобби в Верховном Совете превратило страну в море водки, а людей, включая сопливых юнцов, – в её потребителей. В начале 60-х ничего подобного не было. Водка была делом серьёзно пьющих людей (эти пили и самогон, и тройной одеколон, и даже денатурат с черепом и костями на этикетке).

Хорошее пиво появится позже, когда в Октябрьском построят новый пивзавод «Янтарь» и станут варить пиво на настоящем чехословацком оборудовании. Старый Николаевский пивзавод, расположенный по улице Мархлевского (ныне – Макарова) возле «пяти углов», потеряет свое значение и будет закрыт.

А пока – николаевцы пили вино. На прилавках советских магазинов в достатке стояли простецкие, не марочные, но натуральные (не «порошковые») виноградные вина – «Портвейн», «Вермут», «Кагор». Рангом ниже – густое «Червоне міцне», сухое «Ркацители» и кислое «Перлина степу».

Николаевцы всегда любили пошутить на эту тему. «Чтобы сердцу дать толчок, надо выпить кислячок», – шутили одни. «Чтобы ноги не потели, надо выпить «Ркацители», – вторили им другие. Популярное «Біле міцне» все звали не иначе как на медицинский манер – «Биомицин», а стоило оно 1 рубль 7 копеек за поллитровую бутылку. Плодово-ягодное «Солнцедар» пили только неудачники. Остальные называли его не иначе как «чернила» или «гомула». (Потешно в этой связи звучала фамилия тогдашнего лидера польских коммунистов Владислава Гомулки).

Впрочем, коренные николаевцы (именно «коренные», ибо в 60-х уже больше половины населения города составляли приезжие из села) знали толк в хороших марочных винах и умели их достать. Для этого надо было «знать места», где можно было купить самые изысканные отечественные и импортные вина, и не только вина.

Далеко, за железнодорожным мостом, у самого берега, возле старого речного порта, в районе Клуба моряков, находились два магазина «Торгмортранса». Они снабжались не из города, а прямо с кораблей.

В Николаеве «в загранку» ходили многие. Оживлённая торговля велась тогда и со странами социалистического лагеря в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), и с капиталистами.

Часть товаров, увозимых «туда» и привозимых «оттуда», оседала в портовых магазинах. Здесь можно было купить болгарские овощные консервы, джемы, конфитюры и соки, португальские сардины, индийский чай и колумбийский кофе, хорошие конфеты и, конечно же, вина. Вина были самые разные – румынские, венгерские, крымские, молдавские. Особенно запомнились красное венгерское «Promopog» (боюсь ошибиться в написании), золотистый массандровский «Кокур» и нежная молдавская «Фетяска» (что в переводе – «девушка»).

Остальные продукты покупали кто в магазине, а кто – на рынке. Отправляться на рынок принято было «по холодку», пока солнышко ещё не набрало силу и пряталось за деревьями. Торгующие из ближних сёл подтягивались с товаром к 4–5 утра, а к шести рынок открывался. Ходить на рынок позже, или, как говорили, «в свинячий голос», считалось непристойным.

Всего несколько кварталов вверх по улице 8 Марта. Мимо клумб, на которых цвели «ноготки» и «майоры», «петунья» и «ранняя зорька», вился хмель и «крученный паныч». И ты оказывался на рынке. Именно на рынке, который построили в начале 60-х, а не на базаре, как звали его испокон веков. Старый базар был расположен там, где сейчас стоит городок «Сказка» и областной Дворец культуры.

Отличий между базаром и рынком было много. Старая базарная площадь была замощена булыжником. Площадь у Центрального рынка – покрыта асфальтом. Прилавки старого базара были в основном деревянные, на центральном же рынке просторными рядами стояли каменные прилавки со столешницами из мраморной крошки. Павильон на старом базаре был расположен на месте, где сейчас в «Сказке» амфитеатр и замок, и не шёл ни в какое сравнение с новым – просторным, высоким павильоном Центрального рынка с огромными окнами и лепными барельефами, на которых изображены то петух и курочки, то коровка, то хрюшка.

Вдоль старого базара по Глазенаповской (Декабристов) были расположены лабазы, в которых ещё с царских времён были оборудованы глубокие подвалы-ледники. Зимой туда завозили лёд с реки. Всю весну и лето он медленно таял, сохраняя в помещении низкую температуру. На Центральном колхозном рынке в таких подвалах не было нужды. Морозильники были оснащены мощным холодильным оборудованием.

Прилегающие к старому базару улицы имели соответствующие названия: Привозная, Рыбная, Сенная. По булыжникам грохотали подводы, подвозя товар. Рядом же с Центральным рынком расположились автовокзал и 180-метровая телевышка, а по Херсонской, переименованной в проспект Ленина, мчались легковушки, мотоциклы и грузовики.

На рынке товар был дороже, чем в магазине, зато можно было торговаться. Это сейчас продавец, стоящий на рынке, является реализатором чужого товара и не имеет права сбрасывать цену. Раньше всё было по-другому. Торговцы продавали своё. Перекупщиков (спекулянтов) знали в лицо и не любили. Сторговав у торговца товар всего на несколько копеек дешевле, ты выигрывал какой-то конкретный продукт. Напомню, что за 20 копеек в те времена можно было купить буханку хлеба, за 3 копейки – стакан газированной воды с сиропом, за 1 копейку – коробку спичек. А положив на кассу один рубль, в столовой можно было съесть комплексный обед – первое, второе, третье и пару кусочков хлеба в придачу. Как говорится – жить было можно.

Покупать товар не торгуясь считалось дурным тоном. Вроде как человек строит из себя сильно богатого. Трудовую копеечку принято было считать, и зарабатывалась она на николаевских заводах – ой как нелегко! Кроме того, торгуясь с продавцом, человек невольно общался, обменивался эмоциями, шутил, иногда ругался. Это сейчас, сунув продавцу купюру и буркнув себе под нос название товара, человек бежит дальше от прилавка. Раньше, бывало, у прилавков задерживались надолго, спорили, обсуждали новости. С новостями в советское время было туговато. Официальная печать сообщала одно и то же – о социалистическом соревновании, о передовиках производства, о войне во Вьетнаме, а в рубрике «их нравы» – о росте разводов и наркомании в США. Как шутили скептики о наших газетах: в «Известиях» нет правды, а в «Правде» нет известий...

Умение продавца общаться было одним из залогов успешной торговли на рынке. Ведь базар – это своеобразный клуб. В нём многие знают друг друга, имеют свою репутацию. Здесь есть свои

авторитеты и изгои, пророки и нищие. Кстати, нищенство пресекалось незамедлительно. Просить подавание в стране, где полно рабочих мест и нет безработицы, не разрешалось ни под каким видом.

В Николаеве раньше многие жители знали друг друга. Так было до войны, так было сразу после неё. Но вскоре в город хлынула масса приезжих – из близлежащих сёл, да и со всех концов Союза. Обстановка изменилась. Как-то в магазине на углу Фрунзе и Херсонской подвыпивший дедок-старожил, недоумённо озираясь по сторонам, бормотал себе под нос: «Кто все эти люди? Кто они? Это всё иноземцы!»

Впрочем, среди коренного населения по-прежнему были личности, известные всем, имевшие в городе репутацию и своеобразный авторитет. Одним из таких народных любимцев и базарных трибунов был Лёва-тачечник.

В 60-х годах грузовых такси ещё не было, поэтому мелкие грузовые перевозки осуществляли тачечники. От восточных рикшей их отличало только то, что они возили не людей, а грузы. Их тачки с деревянными бортами и на колёсах от подводы сновали от рынка по городу, развозя – кому мешки с зерном, кому рулоны рубероида, а кому гардероб. Когда заказов не было, тачечники ставили тачки на дыбы (оглоблями кверху), садились в них, как в кресло, и спали, ожидая клиента.

Сухощавый с виду Лёва был знаменит тем, что не просто возил тяжеленные грузы, толкая тачку перед собой, но и умел пообщаться с клиентом, сыпал прибаутками. «Я быстро еду, как «Победа»!» – любил приговаривать он. Такой вот сервис.

В домах ещё было полно старой мебели – длинноногие подставки под цветы, этажерки, комоды, буфеты, венские стулья и кресла. Металлические кровати с панцирной сеткой и спинками с набалдашниками. Никакой фанеровки, никаких прессованных опилок, только натуральное дерево, часто уже поеденное шашелью. Точёные ножки, резьба по дереву, стекла с фасками по краю. Каждое из этих произведений мебельного искусства украсило бы сейчас любую антикварную лавку, а раньше было обычным предметом обихода. Старая мебель, подсвечники, семейные фотографии в деревянных рамках создавали в доме неповторимую атмосферу семейного гнезда. От них веяло теплом и романтикой старых времён. Вспоминая Николаев 60-х, я говорю себе: это был тёплый город, и жить в нём было тепло и приятно.

***Парамонов Евгений Юрьевич.** Родился 29.12.1954 г. в Николаеве. Окончил Николаевский педагогический институт, учитель истории и обществоведения (1979). Работал учителем, заместителем директора по воспитательной работе СШ № 15, инспектором облоно по правовому воспитанию, начальником областной службы по делам детей. В 2011 г. вышел в отставку с государственной службы. Сейчас – старший преподаватель ЧГУ им. Петра Могилы. С начала 80-х годов сотрудничает с николаевскими изданиями: «Ленінське плем'я», «Южная правда», «Вечерний Николаев». Автор ряда публикаций в прессе, автор и ведущий социального проекта «Молодёжная детективная школа».*

Оксана ЕВЗИКОВА

ПОЭТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ПОГРУЖЕНИЯ

Ватерлиния существует для... чего?

Ватерлиния существует не для красоты. Хотя, почему бы и нет? Эта линия, тянущаяся по борту, показывает допустимый уровень погружения корабля.

Поэты способны обнаружить удивительную метафору даже в такой технической вещи. Кое-кто недоумевал по поводу этого названия для фестиваля. Но однажды услышав его от Михаила Скалицкого, мы не смогли отказаться от богатого смыслами слова. Во-первых, «Ватерлиния» – название романа Ивана Григурко, то есть литературный факт и прецедент. Во-вторых, это пограничная полоса, зримая межа, разделяющая водную и воздушную стихии. Черта, символизирующая меру – погружения, сил, вкуса, сердца, таланта. В-третьих, это город корабелов (хотя данная тема уже изрядно эксплуатировалась).

Третий год ведут ватерлинию вдоль корабля поэзии трое – Владимир Пучков, Алексей Торхов и Ксана Коваленко. И, к счастью, корабль этот не уподобился печально известному «Титанику», а благополучно плывёт и, похоже, уже вошёл в историю.

Ответы организаторов на вопрос: «Для чего нужен фестиваль?» – не столько отличаются, сколько дополняют друг друга. Владимир Пучков сказал бы (и говорил не раз), что «Ватерлиния» создаёт имидж города. Алексей Торхов сказал бы, что «Ватерлиния» помогает отсеять зёрна от плевел и найти настоящих среди сонма считающих себя поэтами. А для меня фестиваль – это, прежде всего, люди. Интересные, самобытные, с изюминкой и даже с изюмом. Об этих людях и пойдёт речь ниже.

Человек поэтический

Звон корабельной рынды привлёк внимание многих авторов. Число заявок на участие в поэтическом конкурсе этого года побило рекорд – от 244 авторов из восьми стран мира (Украина, Россия, Беларусь, Латвия, Молдова, Германия, Израиль, Италия). Конкурсные стихотворные подборки оценивались членами жюри дистанционно, без указания авторства, а финалисты конкурса определялись по сумме полученных баллов. Для меня самой интрига была выдержана до конца, до официального объявления двадцатки финалистов.

Признаюсь, каждый из поэтов во время фестиваля чем-то удивил или тронул. Общась в сети Интернет, забываешь, что поэты – не цифровые люди с пальцами, вросшими в клавиатуру, выдающие на-гора равно тексты и ленты сообщений, а плоть и кровь, чудачества и прихоти, неустроенность или выпирающие грани таланта и характера. Убедиться в том, насколько они живы, прикоснуться к мирам, не похожим на твой собственный, расширить горизонт и позволить глазу и душе объять всё это сразу – позволил именно фестиваль.

Конечно же, самой любопытной, но и самой недосыгаемой публикой были члены жюри: ироничный Владимир Гутковский, сдержанная и спокойная Наталья Бельченко, осанистый Анатолий Кичинский, так бесподобно позировавший на яхте «Икар», бойкая Анна Малигон и задумчивая Лариса Радченко, всесторонний Дмитро Кремьинь и совершенно естественный Александр Чернов. Когда фестиваль был окончен, огорчала одна мысль: снова не успела со всеми пообщаться вдоволь.

И о фунте изюма со стороны финалистов. Больше всех меня, да и многих других, впечатлила амазонка из Москвы, Екатерина Смирнова, которая добиралась до Николаева автостопом. Впечатлила если не насквозь морскими текстами, то этим актом. К слову, Екатерина получила диплом за лучшие тексты на морскую тематику. Человеку, мыслящему такими образами, нужно жить в Николаеве, не иначе.

Многим запомнилась бойкая харьковчанка Юлия Баткилина, словно выглянувшая ненадолго из своего фэнтезийного мира со своими уютными поэтическими сказками. Её талант был отмечен дипломом за самые лиричные стихи.

Тихой, задумчивой и лиричной была Елена Титко из Львова. Ее стихи – теплые и женские – нашли своего слушателя.

Хрупкая меланхоличная киевлянка Оксана Боровец, член литературного объединения «Каштановый дом», уже знакомая николаевцам по презентации своей книги, покорила и близоруких и дальнорукых своим текстом: «Среди близоруких так много ранимых женщин».

Винничанин Леонид Борозенцев участвовал в фестивале уже не как «слэм-мастер» (как в прошлом году), а как конкурсант-финалист. Видно, и «слэм-мастерам» нужны время от времени подтверждения уровня своей поэзии не по критериям слэма, а по высокому счёту поэзии.

Дважды финалист Николай Ширяев снова привёз из Симферополя замысловатую ироничную поэзию. Его «зайцы-мазайцы» многим запомнились ещё с прошлого года.

Лесик Панасюк из Житомира, также вторично попавший в финал, удивлял публику сюрреалистичными украинскими верлибрами. Такой поэзии Николаев ещё не знал. И этот тихий поэт сумел удивить.

Эпатажный Андрей Шадрин был бы органичным в слэме. «Моя больница всегда – во мне» была незабываемой. Сам поэт искренне удивился, попав в финал: дескать, у него – «стеб, а не стихи».

Поэты Александра Очман (Киев) и Василий Пастушина (Винница), на мой взгляд, прекрасно друг друга дополняли, ибо их колея – интимная лирика, только по разные стороны окопов – мужская и женская.

Николаевский поэт Ольга Сквирская была очень лирична и серьёзна, в стихах проявился драматизм, а образ «девочка-струнность», кажется, надолго приклеился к ней. На фестивале многие узнали творчество Ольги с новой стороны – её поэтический фильм «Восьмая луна» был представлен во время конкурсного показа конкурса видеопоззии «Батискаф».

Корабельная рында – камертон фестиваля

*Роман Скиба с главным призом
«Ватерлиния – 2013»*

Введение в Ольвию

*На конкурсе экспромтов
«Занесен в Красную книгу»*

«Мы с тобой одной крови – ты и я...»

Фото А. Сайковский

Марта Мохнацкая из Каменец-Подольского представила стандартный набор современной поэзии – «коханці, поцілунки, комуналки, мерці», – что, как правило, хорошо воспринимается публикой. Но привлекла особое внимание, затронув большую Чернобыльскую тему: «Весна виникала із гамма-проміння».

Нашей землячке Марии Банько, ныне проживающей в Киеве, достался специальный диплом жюри за самый лиричный текст. Её пронзительный «Лисёнок» запомнился многим.

Антон Полуниин из Киева, музыкант и поэт (просто человек и пароход по производимому впечатлению), уверенно получил приз зрительских симпатий. Его «брось юрфак, поступи в лётное» не раз цитировали на фестивале после выступления. (Напомню, что в прошлые годы симпатии слушателей были на стороне николаевцев Олега Духовного и Евгения Пивня).

И, наконец, о победителях: одесситка Евгения Красноярова с образной, воздушной и легковпитываемой поэзией разделила третье место с Евгением Пивнем из Николаева с многослойными, плотными, всегда интересными текстами. Оба поэта попадали в финал дважды, и на этот раз они достойно вошли в число победителей.

Второе место занял Павел Коробчук, уже приобретший имя в современной украинской литературе киевский поэт, музыкант и журналист, лауреат многих конкурсов и, как оказалось, чемпион украинского слэма. Мейнстримные тексты Павла привлекли своей ясностью и простотой.

Первое место уверенно взял Роман Скиба, уже почти «классик украинской литературы», как говорят о нём многие более молодые коллеги. А я бы добавила: «Жерар Депардьё» нашего фестиваля – такой же весомый и значительный. По словам самого Романа Скибы, если есть в Украине премия, которую он ещё не получал, то почему бы не приехать и не взять её? И в самом деле, положение фестиваля никому этого не возбраняет.

Помимо финалистов, нас радовали и гости фестиваля. Полина Городисская (Киев), много и всесторонне помогавшая «Ватерлинии», прекрасно визуализировала все наши задумки. Флаг фестиваля и логотипы – дело рук именно этого человека. Гостили у нас и поэты – представители различных литературных объединений, приехавшие как раз для того, чтобы познакомить николаевцев со своими проектами. Это крымские поэты Марина Матвеева и Сергей Стойко, киевляне Виктория Осташ и Александр Басаргин, поэты из Житомира Лариса и Нина Паламарчук, удивившие своим чтением в дуэте.

Не утонуть в событиях

С каждым годом фестиваль становится увереннее, программа насыщеннее, поэты интереснее, а опыта накапливается всё больше. И это не только мнение и взгляд изнутри, но и личные впечатления гостей. Какие-то формы отживают, не оправдав себя, а новые идеи обкатываются и приживаются. Официоза становится меньше, встречи душевнее, баланс весёлого и серьёзного выдержан, и потому фестиваль не скатывается в тусовку.

Затактом фестиваля, как и в прошлом году, стала встреча в научно-педагогической библиотеке. Формат «Овальный стол» на самом деле проводится за практически овальным столом: наши беседы и дискуссии призваны сглаживать острые углы и искать компромисс. В этом году был актуален вопрос «Поэтический перевод – попытка создания культурного двойника», логичным образом возникший после презентации антологии русской поэзии Украины в переводах Валерии Богуславской «А українською – так» (в трёх томах). К моему удивлению, столь богатая тема не вызвала большого ажиотажа, и в зале было очень мало переводчиков или преподавателей теории перевода, которым эта презентация могла быть интересна. В перерыве был запланирован внеконкурсный показ работ видеопозэзии конкурса «Батискаф», однако технические недостатки работ не позволили насладиться ими, звук большей частью не годился для массового просмотра.

Официально и торжественно открывали фестиваль в Николаевском яхт-клубе. Наш яхт-клуб старейший в Украине и был бы одним из самых поэтичных мест, если бы не массовые палатки и кафешки. Всего хватало для впечатлений: и крика чаек, и плеска волн, и звука корабельной рынды,

открывшей фестиваль, и поднятия флага «Ватерлиния», и живых скульптур, которых гостям было очень жаль из-за жары и так хотелось потрогать. Кульминацией этой встречи стала репетиция отплытия в кругосветное путешествие на легендарной яхте «Икар», воскресшей благодаря усилиям Национального университета кораблестроения им. адмирала С.О. Макарова. Поэты проникались лиманским духом, наслаждались видом города со стороны Южного Буга и чувствовали себя морскими волками, не меньше.

Последний блок первого фестивального дня проходил во внутреннем дворике Николаевской мэрии. Вначале поэты думали, как перекричать фонтан, потом просто слушали его и размышляли над фразой Козьмы Пруткова о нём же. Когда фонтан был всё-таки выключен, поэты дали себе волю. Живо прошла творческая встреча с киевским поэтом и издателем Дмитрием Бураго, который презентовал литературно-художественный журнал «Соты». Лиричной и задумчивой была презентация новой поэтической книги Натальи Бельченко «Зримородок», полной удивительных находок.

В этом году мы ввели новый формат: слайд-презентацию культурных проектов гостей фестиваля в формате 20x20. Это небольшая презентация из 20 слайдов, на каждый из которых отводится 20 секунд. Такая подача придумана для современного слушателя, обделённого временем и способностью к концентрации, тем более что за 400 секунд ни одна тема не успеет наскучить. Кроме того, презентации создают пространство и атмосферу, где люди, идеи и возможности могли бы найти друг друга. Наши гости представили такие проекты: крымский литературный фестиваль «Шорох-фест» – Сергей Стойко (Симферополь), творческое объединение «Оксия» – Лариса и Нина Паламарчук (Житомир), «Web-притяжение крымской поэзии и Бардовский видеомост» – Марина Матвеева и Тимур Лобжанидзе (Симферополь), множество проектов в рамках Интернет-портала «Литфест» – Полина Городисская (Киев), творческое объединение «Урба-перехрестя» – Виктория Осташ (Киев). Завершала показ презентация Николаева, в которой сообщалось об открытии площадки для общения и творческого самовыражения всех, причастных к жизни фестиваля «Ватерлиния», под названием «Кают-компания».

Весёлой традицией для нашего фестиваля стало посещение зоопарка и конкурс экспромтов «Занесён в Красную книгу», посвящённый какому-либо его обитателю. В 2011 году это был бегемот Казимир, в 2012 – крокодил Василий, а в этом году свои стихи поэты посвящали самому длинному сетчатому питону по прозвищу Сетка, который попал в книгу рекордов Украины. Победителем конкурса экспромтов стала Анна Малигон (победительница поэтического конкурса фестиваля прошлого года, вошедшая в жюри в этом году). Она стала обладательницей собственного плюшевого питона, получившего прозвище «Сарделька».

Думаю, всем запомнилась акция «Свободу поэтам!». Гуляя по зоопарку, гости обнаружили нового обитателя клетки – Поэта Непризнанного. Поэты и музыканты Виктор Селуков и Андрей Кленин (группа «Нелогическое И») прямо-таки работали за деньги – читали стихи и пели на заказ, научившись попрошайничать за время пребывания в клетке. Поэты не смогли остаться равнодушными к несчастью собратьев и выкупили их из клетки.

Во время другой акции «Купи слона!» между участниками был разыгран сертификат на право следующего Поэта Обыкновенного занять клетку в зоопарке с целью поиска вдохновения.

Главное событие фестиваля, поэтический конкурс, проводился в ставшей уже родной для нас Центральной городской библиотеке им. М.Л. Кропивницкого. Все авторы были ярки и самобытны и максимально собранны. Самая серьёзная часть программы прошла живо и собрала полный зал слушателей.

Вечерняя программа была насыщенной и запоминающейся. Душевно прошла презентация книги львовской поэтессы и члена жюри Ларисы Радченко «Пташині клітки ребер». Событие получилось камерным, атмосферным, благодаря неповторимому антуражу анти-кафе «Молоко».

В Летнем дворике Николаевского академического русского драматического театра николаевцы могли послушать приглашённых гостей и членов жюри. Здесь же прошла презентация книги киевской поэтессы Анны Малигон. «Покинутим кораблям» – динамично и ярко. Книг у автора не хватило на всех желающих.

Третий день фестиваля был на треть заполнен новым содержанием. В зале «Брандо» кинотеатра «Мультиплекс в ТРЦ Сити Центр» был проведён показ работ открытого конкурса видеопоззии «Батискаф». То, что это воспринималось как профессиональный настоящий конкурс (хоть и первый), и говорить не приходится. Атмосфера была великолепной, место проведения конкурсного показа покорило и скептиков. Проблема непрофессиональной озвучки некоторых работ решилась словно бы сама собой. Зрители могли принять участие в голосовании и определить зрительскую симпатию. Моё внимание привлекло несколько работ, но отдать свой голос нужно было лишь одной. Моя первая симпатия «Жёлтые ёлки» Анны Смолий (г. Киев), к сожалению, не сыграла роли, но, к счастью, приз получила моя вторая симпатия – Анжела Богаченко (г. Николаев) с трогательной работой «А у вас дом далеко от нас?». Было тем более приятно, что косвенно причастна к этой работе (выполнив перевод стихотворения А. Богаченко на английский для сопроводительных титров).

В целом места в номинации «Гран-При» разделились таким образом: первое место занял Руфат Акчурич (г. Москва) с работой «Жак Ив Кусто», второе место уверенно заняла Анжела Богаченко (г. Николаев) с уже упоминавшейся работой «А у вас дом далеко от нас?» и третье место взял Ния Никель (г. Киев) с работой «Digital»

Церемония награждения по сложившейся традиции проходила в Музее судостроения и флота. Победители пили шампанское и обмахивались дипломами. Настоящее николаевское лето только начиналось.

Закрытие фестиваля совпало с открытием художественной выставки Владимира Бахтова «Элизиум» в художественной галерее «На Спасской», откуда поэты оправились в Ольвию.

В «Доме Бахтовых» прошли «Ольвийские Агоны» – Вторые Поэтические чтения имени Анахарсиса, и было много настоящей на полынном запахе и ветре высокой поэзии. Проведению чтений не помешали ни степной ветер, ни дождь. Все желающие читали под свет факелов, а сзади колдовал и рисовал огнём Владимир Бахтов, создавая свой очередной шедевр в стиле «Гелиограффити».

Люди, приехавшие просто потусоваться или за компанию, мне кажется, даже опешили от серьёзности происходящего. Были рецидивы и попытки скатить всё в балаган, но жёсткие правила и здравый смысл взяли верх. Победителем Ольвийских Агонов стал Владимир Гутковский, избранный по «ольвийскому счёту» самими поэтами, и он же стал народным избранником, увенчанным «лавровым венком», искусно сплетённым из плюща. Выборы любимца публики оказались непростыми. Пришлось переголосовывать, ибо Владимир Гутковский набирал сперва одинаковое количество голосов с Марией Банько. Но стихи, интеллект и лирический напор мэтра победили.

Без помощи многих людей фестиваля бы просто не было, и, я думаю, мы бы многое потеряли. Поэтому хочется поблагодарить всех, кто причастен к нашему делу. Спасибо меценатам и спонсорам, которые с уважением откликнулись на просьбу о помощи в проведении фестиваля: Благотворительный фонд «Николаев-2000», Николаевский морской торговый порт, ПАО «Завод «Экватор», Центр туризма и экскурсий учащейся молодёжи, Национальный университет кораблестроения им. адм. Макарова. Особая благодарность Михаилу Кондратьеву (ТД «Николаев»), Грегу Краснову (Platinum Bank), Вячеславу Геращенко (Сервисно-консультационный центр «Приват Экьюти»).

Фестиваль «Ватерлиния», благословлённый в своё время николаевским мэром Владимиром Чайкой, поддержали Николаевский городской совет, редакция газеты «Вечерний Николаев», городские управления – по делам семьи и молодежи, а также по вопросам культуры и охраны культурного наследия. Как всегда, отзывчивы Центральная городская библиотека им. М. Кропивницкого, Музей судостроения и флота, Русский театр.

Приятно было слышать много хороших отзывов о том, что с каждым годом «Ватерлиния» становится всё лучше, ненужное и наносное смывается за борт. А мы постараемся и дальше гнуть или вести свою линию, то есть ватерлинию.

Скиба Роман Степанович. Народився 1970 року у Львові. Філолог, закінчив Львівський держуніверситет (1992). Автор поетичних книг: «Мене назвуть листопадом» (1992); «Осінь на місяці, або Усміх дракона» (1993); «Тінь сови» (1994); збірано-вибране «Хвороба росту» (1998); збірка «Одіссея – 2000» (2002, 2005); збіране «П'ятизнак, або Життя і нежить» (2008). Автор 8 книжок для дітей. Нагороджений преміями Міжнародного конкурсу «Гранослов» (1991), конкурсу видавництва «Смолоскип» (1997), журналу для дітей «Соняшник» – «Найбільшій дитині 1998 року», «Благовіст» (1999), журналу «Кур'єр Кривбасу» (2000), арт-клубу «ОстаНня барикада» та Чільної Української Молодіжної Мистецької Агенції «ЧУММА» – «Поету в Законі» (2002), фестивалю-конкурсу «Просто так» (2008), журналу для дітей «Ангелятко» – «Золота пір'їна» (2011). Організатор імпрез та головний редактор Богемного Вісника «Культрванш». Член НСПУ (1993). Переможець Третього Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія – 2013».

*Переможець Третього відкритого
Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія – 2013»*

Роман СКИБА

Я ЖИВУ В ТЕЛЕФОННІЙ БУДІ

ГОНЧАР І СТАРІСТЬ

А як відлетять лелеченьки,
То вже і час уродин.
Ти випестиш собі глечика,
Котрий над усі – один.
По вінця наллеш і дочиста
Осушиш на честь рідні,
І в білім шалу від почестей
Розгатиш його в дрібні...
І здвигнеш плечми похилими,
Забувши своє ім'я,
І друзки збереш на килимі:
Вони – покута твоя.
Посій їх тепер долиною,
І мучся собі дурним:
Що глечик зробити глиною –
То важче, ніж глину ним...

ПІСНЯ РИБАРЯ

Ріко висока, будь мені зелена.
А як не вмієш – будь мені сумна.
Допоки, мерехтлива і смолена,
Живе у тобі тінь мого човна.

Сльозяться очі – крига в них покресла.
Впізнайся в їхніх надрах, глибино.
Хмільні від тебе, сохнуть мої весла –
Ти дихаєш, як дихає вино...

Ріко моя, не клич сестрою Лету.
Ріко моя, верни ім'я мені,
Що я його стебельцем очерету,
Безумний, написав на бистрині.

ІЗ СЕРВЕТКОВОЇ ЛІРИКИ**Клапоть I**

Тут рай для пацючків – а ви їх боїтеся.
 Підземна (неземна) кав'ярня без вікна.
 Не істина, лишень смішна потворка Нессі
 Плюскочеться на дні у келиху вина.
 А блики нетривкі, а тіні все густіші,
 За мене не платіть, бо Ви і так сумна.
 Поети всіх віків мої писали вірші –
 Я нині п'ю в кредит на їхні імена...

Клапоть II

А ми з тобою – нерозлипкава.
 Тому й барвумен до нас ласкава.
 Тобі розчинну, мені в зернятках.
 І неодмінно – одне горнятко...

ОДІССЕЯ – 2000

Хто прокинеться першим, збагне, що вертатись – клопіт.
 Пирсне сонце піщане – персти опечуть боги.
 Скільки вирросло скель тут, відколи нема циклопів, –
 А отари ще й досі пасуться край їх могил...

Піт визлочує руна – в них душно овечим душам.
 Сходять кров'ю графіті на стінах святих печер.
 То гора найстаріша спокутує гріх пастуший –
 Сиза лава прокази у венах її тече.

А сюди ж не лігатимуть навіть поштові собаки...
 Мед змобільніє в сотах – ну от і кінець зв'язку...
 Дев'ять грамів до неба. Один океан до Ітаки.
 Нам, тверезим від спеки, ліпити її з піску.

Нам вслухатись по ночах, як риби померлі квилять,
 Як тайфунами марить зіпсований наш приймач,
 І крізь гуркіт припливу, на зовсім короткій хвилі,
 Досягає ефіру сирен прибережних плач...

Це життя виліковне, як нежить від ворсу вовни.
 Пиймо вина джерельні, змиваймо з облич іржу...
 Проминають ягнята – лишаються тільки овни.
 Ми їх обрані стригти. Бо й вічних колись стрижуть...

ПРОЩЕННЯ КАЇНА

Скавчать вівчарки, а день гряде.
Нема від казусів запоруки –
Два лейтенанти НКВД
Своєму третьому крутять руки.
Сигнал тривоги на всі пости.
Дроти послабли на брак напруги.
Сто сорок другого – відпустив...
«Бо він не винен – Сто сорок другий!»
Ще без кайданок ведуть у штаб.
Повстало сонце – загальним фоном.
У «Біломор» забиває драп
Тверезоокий майор Сафонов:
Зайдеться кашлем – не вкурить вість
І сформулює питання матом.
І той, розгублений, відповідь:
«Хіба я сторож своєму брату?..»

* * *

Дві зорі, пурпурові й пінні.
Зліва – захід, а справа – схід.
Достигає на віях іній, –
Значить, я вже напав на слід.
Та ревуть сопілки циклопів,
Шаленіє свята гроза...
Нереїда, душа потопів,
У кипучій воді щеза...
Надто пізно тебе шукати.
Надто пізно гукати всіх.
Спочивають на дні фрегати.
Вислизає земля з-під ніг.
Ще півмиті і – вітер Бора
Скрутить вир водяних пожеж...
Я останній. Все інше – море.
Зліва – захід. І справа – теж.

М. М.

Нема трамвая, а блукати – гріх.
Уже ладнає міх Святий Микола.
Ковтаєм сніг і любимо усіх,
Мабуть, тому, що мало їх навколо.
Відводять очі пізні шофери.
Умова гри: «затриманий – не воїн».
Таксі не ловиться уже годин зо три.
Мабуть, тому, що нас занадто двоє...

ЕНЕЙ

В білій музиці тісно парам –
 У цілунках шукають слів.
 Павутиння на стелі бару
 Рід Арахни сім років плів.
 Дідо глипа посоловіло:
 Геть упився – в зіницях блуд...
 «Де друзяки мої, Сивіло? –
 Всі у пеклі, а я ще тут»...
 Вщухне й вуса столом простелить.
 Не збиткуйтеся над старим, –
 То в осанну йому на стелі
 Павуки заснували Рим.

Л. П.

І прийдеш по першому морозі
 З вітряного виру нестрічань,
 Дівчинко з веснянками на осінь,
 Дівчинко з очима у печаль.
 Запітніють небом жовті квіти.
 І впадуть. Впадуть тобі до ніг...
 Дівчинко з веснянками на вітер,
 Дівчинко з очима в мокрий сніг...
 Захрустят сліди у мерзлій піні.
 І чиесь задивиться вікно, –
 Як ступають поруч наші тіні,
 Що колись не стрінулись давно...

* * *

Я живу в телефонній буді.
 Інколи мені дзвонять...
 І питають, що далі буде.
 І чому листопад на скронях.
 І питають, де взяти гроші,
 І питають, куди їх діти.
 Дзвонять ті, в кого сни хороші,
 Дзвонять ті, в кого хворі діти.
 Щось не спиться мені, прибуді.
 Ну яка там, до чорта, втома?..
 Я живу в телефонній буді.
 Бо нема телефона вдома...

Роман СКИБА: «На «Ватерлінії», а відповідно, і в Миколаєві, побував уперше. Враження зі знаком плюс. Прикметно, що й віршоловної публіки у місті назбиралася гідна кількість, і влада місцева виявила активний інтерес до фестивалю. Попри дуже насичений графік культурної програми я таки встиг і в кав'ярнях посидіти – саме вони акумулюють атмосферу міст. Миколаїв перебуває одночасно в кількох часових пластах, і кожен з них мені знайомий...»

Екатерина НАТОЧА

МИХАИЛ ОЗЁРНЫЙ: «ПРИРОДА – ЛУЧШИЙ ХУДОЖНИК»

Михаил Озёрный – николаевский художник, живописец, мастер декоративно-прикладного искусства, заслуженный деятель искусств Украины. Уже многие годы он всерьёз занимается только живописью. Его картины – это состояние покоя в природе. Когда смотришь на тихие озёра, заросшие камышом речки, овраги, лужайки, так и хочется непременно оказаться там. Настолько они правдивы и реалистичны.

Он окончил Косовское училище прикладного искусства в Ивано-Франковской области, а по окончании его в 1965 году остался там преподавать. В 1968 году Михаила Озёрного приняли в Союз художников СССР, и вскоре он стал главным художником Косовского художественно-производственного комбината Художественного фонда Украины, где проработал четыре года. С 1969 по 1973 год – член республиканского художественного Совета по монументальному искусству, с 1973 по 1986 год – главный художник г. Николаева и Николаевского художественно-производственного комбината. В 1981 году за создание первого в СССР Музея судостроения и флота в Николаеве группу самых активных участников, в составе которой был и М.И. Озёрный, отметили Государственной премией имени Т.Г. Шевченко.

Работы Михаила Озёрного находятся во многих музеях и частных коллекциях. Он – постоянный участник областных, всеукраинских, международных выставок, творческих пленеров.

Если бы Михаила Озёрного спросили, сколько работ в его запаснике, он не смог бы ответить, никогда не подсчитывал. Но историю одной картины, может быть, в профессиональном плане и не представляющей особого интереса, но определившей всю его дальнейшую жизнь, хорошо помнит. Тем более что это одно из самых ярких воспоминаний детства.

Картина – маслом

В послевоенной Васильевке на Сумщине, где родился и вырос Миша Озёрный, не было ни художественной школы, ни профессиональных художников, у которых можно было бы брать уроки. А рисовать мальчику очень хотелось. Рисовал карандашами, мелками, углём – всем, что попадало под руку. Лепил из глины, соломы, вырезал из дерева. А мечтал о настоящих красках, ведь только ими можно передать и красоту природы, и полноту жизни (в этом Миша был уверен). Где-то в седьмом классе он узнал об услуге «Товары – почтой» и выписал себе краски аж из самого Ленинграда. Естественно, маме пришлось продать курицу, чтобы выкупить эти краски. Но она отнеслась к увлечению сына с пониманием. Для грунтовки полотна Миша смочил простыню в олифе (до многих вещей ему приходилось доходить самому), а затем написал картину – «Три богатыря». Это была копия известной картины «Богатыри» Васнецова. Целую неделю огромная картина, написанная масляными красками, сохла на верёвке для белья во дворе. Всё село ходило смотреть это незабываемое полотно. А потом они с мамой повесили «Три богатыря» на стенку вместо прикроватного ковра.

Это было настоящее событие – в Васильевке появился художник-самородок, и семикласснику Михаилу Озёрному начали поступать заказы: «Миша, нарисуй ковёр!» И Миша рисовал. Так над кроватями односельчан появились самодельные ковры, на которых были изображены то богатыри, то бегущие олени, то медведи в лесу. Каждая картина – эксклюзив, ручная работа, а не какая-то штамповка, и это очень ценилось. Михаил Озёрный стал главным и единственным художником в Васильевке. Работал не покладая рук, никому из односельчан не отказывал. Были и другие просьбы. Тогда, в послевоенные 50-е годы, людям хотелось не только хлеба, но и красоты. Многие хотели сфотографироваться, запечатлеть себя на фоне пальм в хромовых сапогах и с выставленными напоказ ручными часами, а их желательнее было украсить, чтобы сразу бросалось в глаза наличие этого драгоценного предмета. Михаил Озёрный аккуратно снимал стекло и на циферблате грубых отечественных часов «Победа» рисовал по желанию заказчиков Кремль или другую картину. Это был «кич» чистой воды, но он радовал односельчан, и это также приносило удовлетворение исполнителю. Вскоре Мишу Озёрного пригласил к себе председатель местного колхоза и предложил стать колхозным художником – оформлять наглядную агитацию, писать плакаты. Некоторые запомнились на всю жизнь: например, стихотворные плакаты о кукурузе – «королеве полей», которой так увлёкся тогдашний руководитель компартии Никита Хрущёв.

Потом была армия, служба в Венгрии, знакомство с армейскими художниками. Снова – плакаты, стенгазеты, наглядная агитация. И хоть Михаил Озёрный занимался этой работой с удовольствием, всё же мечтал учиться, чтобы стать настоящим художником. И эта мечта всё больше не давала ему покоя.

«Ленин – нужен?..»

Уже к окончанию службы Михаил Озёрный попросился в увольнение на несколько дней, чтобы сдать вступительные экзамены в училище прикладного искусства в г. Косове Ивано-Франковской области. «Солдатик» (так его называли поначалу в училище) сразу был зачислен. На радостях он приехал на учёбу в чём был – в «хебешной» военной форме, и поскольку было лето, даже шинельку не взял. А потом, когда наступила зима, пожалел об этом. На тот момент у него не было одежды, да и жить особо не было за что. Дело в том, что Михаил, уже отслуживший армию, считал себя довольно взрослым и самостоятельным человеком, и нагружать маму проблемами ему даже в голову не приходило. Мама не знала об учёбе и считала, что сын после армии уже работает и зарабатывает себе на хлеб. Выжить помогали друзья, умение найти выход из любой создавшейся ситуации и прекрасное чувство юмора. Студент-«солдатик» подрабатывал как мог. Выполнял разные заказы, ведь он умел делать любую черновую работу – писать плакаты, оформлять наглядную агитацию, делать керамические композиции. А однажды с другом, у которого был мотоцикл с коляской, изучив спрос по окрестным сёлам, взялся за очень серьёзное дело. Озёрный лепил из гипса бюсты вожда проле-

тариата В. Ленина (оказалось, что это самый ходовой пропагандистский товар), потом с другом погрузили в коляску Владимира Ильича и ехали в любое село прямо к председателю колхоза. «Ленин – нужен?» – спрашивали студенты у председателя колхоза и, откинув брезент мотоциклетной коляски, показывали произведение. Ни один председатель не мог устоять. Гипсовый вождь занимал своё почётное место в кабинете начальника, а скульптор, довольный вознаграждением, уезжал дальше. Так приходилось зарабатывать на жизнь. Был заработан самостоятельно модный клетчатый пиджак, первое пальто, стильные штаны и даже индийские туфли, которые были так хороши, что студент Миша Озёрный долго не решался их надеть, а всё доставал из коробки и любовался ими.

Но это так, проблемы быта, с которым молодой художник всегда справлялся сам. На самом деле, быт никогда не стоял у него на первом месте. Вспоминается даже такой эпизод. Это было уже когда Михаил Озёрный работал и женился: к ним в гости в г. Косово нагрянул известный кинорежиссёр Сергей Параджанов. Молодая семья снимала квартиру, и в доме не было даже простейшего стола. Пришлось накрыть марлей упаковочный ящик из-под спичек. Валя, жена Михаила, расплакалась – нет приличной посуды, не во что разлить шампанское... Выручил Параджанов. «А кружки у вас есть? – весело спросил режиссер. – Я привык шампанское пить из алюминиевых кружек...»

«Подаруй мені цих карасів»

У Михаила Озёрного много друзей. Он щедрой и широкой души человек. «К людям надо относиться по-людски, кем бы ты ни был и что бы с тобой ни происходило», – говорит Михаил Иванович. Может, потому к нему тоже всегда тянутся люди. Ещё в молодости в Косово он встречался и общался не только с Параджановым, но и с писателем М. Стельмахом, известными киноактёрами, художниками, журналистами. Однажды Озёрный даже попал в передачу «Алло! Мы ищем таланты», выездные съёмки которой проходили в Косово. Тогда молодой художник щедро пожертвовал для награждений победителей свои керамические работы – безвозмездно. А ведущий Александр Масляков назначил его председателем жюри. А вообще Карпаты привлекали людей искусства, приходилось пересекаться со многими известными личностями. Общение с ними для Михаила Озёрного приносило огромное удовольствие и заряд.

Вот как произошло знакомство с Михаилом Стельмахом. Известный писатель приехал в Косово и зашёл в музей, где увидел работы молодого художника. Михаил Озёрный как раз тоже зашёл в музей к директору утрясти какие-то детали насчёт оформления выставки. Посмотрев экспозицию, писатель обратился к директору музея с личной просьбой: «А где бы в ваших краях можно было съездить на рыбалку?». «А вот Миша Озёрный знает...», – не задумываясь, сказал директор музея.

На следующее утро молодой художник вместе с писателем уже сидели на берегу реки. Но у Стельмаха никак не клевалось, а Озёрный на макуху тащил одного карася за другим. Тогда Михаил Стельмах говорит: «Подаруй мені цих карасів». И Озёрный с удовольствием отдал свой улов. И с тех пор у них завязалась дружба. В Николаеве, где он начал свою жизнь «с чистого холста», также нашёл многих друзей, с которыми интересно общаться и которые всегда придут на помощь в трудную минуту.

Есть один, самый главный, принцип, который помог Михаилу Озёрному осуществить заветную мечту, стать профессиональным художником, – работать ежедневно, не покладая рук, без передышек, не давая себе поблажек. «Музыканты и художники должны работать непрерывно, иначе можно утратить то, что нарабатывал годами», – часто говорит Михаил Иванович.

В Николаев Михаил Озёрный приехал как специалист прикладного искусства. Он и сам вспоминает, как сразу по приезде начал «лепить свои горшки» в мастерских художественного комбината, не дожидаясь, пока ему дадут персональную мастерскую, создадут условия для работы. Оглядываться и присматриваться времени не было. Приехал – надо показать, на что ты способен. И результаты его работы в городе стали заметны сразу. Декоративные композиции, панно, рельефы и скульптуры и сейчас можно увидеть на улицах, в частных коллекциях, различных учреждениях: в краеведческом и музее судостроения и флота, библиотеке им. Кропивницкого, Академическом театре драмы и музыкальной комедии, детском городке «Сказка» и др. Но параллельно он увлёкся живописью, а вскоре это стало основным занятием художника.

Природа – лучший учитель

Ещё с детства Озёрного привлекало разнообразие и гармония красок, существующих в природе. Природа – это неисчерпаемый клад для художника, это гармония жизни. Натура – главный учитель. Михаил Озёрный предпочитает писать с природы, почти каждый день он просыпается с рассветом и уезжает за город «ловить момент». Сочетание красок, игра света и тени, оттенки и настроения – всё это создано природой.

– Природа – гениальный художник, – говорит Михаил Иванович. – Многие поколения живописцев пытаются дотянуться до её совершенства, познать её секреты. Вот поэтому меня так притягивает живопись. Сколько раз я всматривался в реки, озёра, лужайки, лесные рощи, пытался выхватить момент. Прихожу рано утром и смотрю, как меняются краски, как преобразается в течение дня один и тот же пейзаж. Я был во многих местах в Украине, писал небо – оно бывает разное: над Сумщиной оно тёмное, густое; над Карпатами – низкое, ультрамариновое, цепляющееся за горы; на юге – высокое, светлое, «попелястое». Да что там говорить, каждое создание природы – это шедевр: и куст сирени, и тихое озерцо, и быстрая извилистая река, и зелёная лужайка, и букет ромашек.

Собственно, Михаил Озёрный может по праву считаться своим в разных уголках нашей страны, где бы он ни жил. В Николаеве переехал с семьёй из-за банальной причины – младшему сыну Саше из-за постоянных простуд врачи рекомендовали сменить климат. Самому художнику подошёл не только природный климат, но и моральный. В Николаеве на тот момент уже было создано отделение Союза художников, здесь, в коллективе художественно-производственного комбината и в творческой организации, была прекрасная дружеская атмосфера. Давно выросли сыновья. Старший Андрей, тоже художник, работает в Ирландии. Младший, Александр, – в Николаеве. У Михаила Ивановича уже трое внуков. И этот город давно стал для него родным.

Фото Александра Кремко

Наточа Екатерина Ивановна. Член Национального союза журналистов Украины, работает в николаевской прессе с 1975 года, ныне – корреспондент газеты «Вечерний Николаев». Удостоена звания «Горожанин года» в номинации «Средства массовой информации» (2008).

Лідія ГУЛЬКО

БЛИСК І ЗЛИГОДНІ МИКОЛАЇВСЬКОГО ЦИЦЕРОНА

Рік і місце народження П.М. Захар'їна – 1744-й, село Нікольське Козловської волості Тамбовського намісництва. Зважаючи на те, що батько майбутнього письменника успішно займався торгівлею, а в Козлові, другому за величиною місті намісництва, торгувало до тисячі купців, вірогідно, його дитинство проходило саме в цьому місті.

Матеріальна забезпеченість родини позбавляла дитину клопоту, де знайти шматок хліба. Хлопчик ріс гармонійно розвиненим, слухняним, допитливим. Але дитячу психіку не могли не калічити сцени страшних тортур, яких зазнавали в ті часи селяни, «низший род человечества». Згадаймо строфу з вірша «Хор ко превратному свету», написаного Сумароковим під враженням мандрівки країнами Західної Європи:

*Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.*

Від дячка з місцевої церкви Петруша пізнав ази російської грамоти. Гостра пам'ять, палке бажання хлопчика вчитися викликали в Михайла Захар'їна роздуми: куди відвезти сина вчитися? Питання невдовзі вирішилося. Перевозячи товар Волгою, купець зробив добру послугу для статського радника Луки Никифоровича Волкова. Як плату за послугу, той дав притулок синові Захар'їна. У Саратові Петруша виховувався разом із сином Волкова, «учился немецкому языку, арифметике и правописанию». Цікаво, що вже в ті роки хлопчина виявляв «натуральную способность к словесным наукам, упражнялся в оных с самой своей молодости» (із листа Державіна до Гудовича).

Не маючи коштів продовжити навчання, Захар'їн займався самоосвітою. Самотужки вивчав грецьку і латинську мови.

Після смерті батька Петру Захар'їну залишилося сто тисяч рублів капіталу. На жаль, він почав заглядати в чарку. І, внаслідок пагубної звички, швидко пустив батьківський скарб за вітром.

У молоді роки Захар'їн служив у регулярній російській армії, брав участь у Турецькому поході, боях та облогах. Проте, «получив развращение в своём поведении и сильное пристрастие к пьянству, не сделал в оной своего счастья». Коли вийшов для Захар'їна, як однодворця, термін служби, то він повернувся в рідні пенати.

До речі, в старі часи однодворцями називали вихідців «из низшего разряда служилых людей», котрі володіли невеликою ділянкою землі (за словником С.І. Ожегова). Тим не менше, Петро Захар'їн невпинно тягнувся до знань. Духовні книги він брав у знайомого священника, а світські – у приятеля капітана.

Хоча однодворець зажив слави «поселянина-ритора» і філософа, однак своїми поганими звичками відвертав від себе місцевих багатіїв. Дворяни, багаті поміщики та купці у своє коло Захар'їна не приймали. Перебивався бідолашний тим, що вчив дітей дрібних поміщиків. Водився з Трифонілієм, «лицом духовного звания». Булдаков, «строгий начальный человек», «частенько метал его в кутузку или под конвоем препровождал в Козлов на его постоянное жительство» (Дальний Б., Богданов Д. «Державин в Тамбове»).

Захар'їн – один із літературних героїв історичного роману І. Єлегечева «Губернатор». «Из подённых записей Алексаши Бастидона» черпаємо про нашого героя такі дані: «Говорит с ним интересно. Захарьин довольно образован, знает немецкий и латынь, и даже древнегреческий. Своим образованием он, по его словам, обязан одному статскому советнику из Саратова, который за какие-то услуги, оказанные ему отцом Захарьина, дал Петру Михайловичу изрядное образование. Возможно, Захарьин в наш просвещённый век и сделал бы карьеру, но он, увы, отдался пьянству. Промотав оставленное ему отцом довольно приличное состояние, он пробавляется уроками, а заработанное оставляет в трактире, мало заботясь о больной жене с сыном, которые прозябают не то в Козлове, не то близ него».

Позитивні зміни у безпросвітньому житті однодворця Захар'їна пов'язані з Гавриїлом Романовичем Державіним, автором знаменитих од «На смерть князя Мещерского», «Фелица», «Бог», «Водопад».

Отримавши призначення на посаду «правителя» Тамбовського намісництва, Державін на початку березня 1786 року прибув до Тамбова, де на ту пору мешкало близько десяти тисяч містян. Розбиті дороги, дерев'яні старі будинки, похмурі обличчя, малоосвічена громада не тільки не відвернули прославленого поета, а навпаки – надихнули його на розбудову Тамбова, на піднесення культурного рівня його мешканців. У Тамбові Державін заснував друкарню, для якої замовив у Москві, у М.І. Новикова, шрифти і друкарський верстат. Тут почала виходити газета «Губернские ведомости», друкували книги місцевих авторів. Запрацювали просвітні та самодіяльні гуртки. До великих свят готували вистави.

Захар'їн загорівся бажанням познайомитися з прогресивним правителем. Відсутність грошей «філософа» не зупинила – пішки відмахав сотню кілометрів.

Їхнє знайомство відбулося напередодні відкриття в Тамбові народного училища. Гавриїл Романович, вельми заклопотаний господарськими справами, запропонував Петрові Михайловичу підготувати «благодарственную речь» імператриці.

22 вересня 1786 року, після урочистої церемонії з нагоди відкриття народного училища, благородне товариство попрямувало до виходу. Згідно зі сценарієм, розписаним Державіним, Захар'їн перепинив усіх, звернувшись до громади з емоційно-проникливою промовою («Речью»).

Ось як доповідав Державін своєму безпосередньому начальникові, військовому наміснику краю Івану Васильовичу Гудовичу: «...и как сим неожиданным появлением, так и силою своих выражений, а особенно когда он показал на жену и сына своего, принесённого на руках её, и когда он стал возбуждать усопших государей, то так всех поразил, что никто из очевидцев не мог от слёз воздержаться. Столь приятно было сие позорище!»

Державін надіслав «Речь» графу Гудовичу. Назвавши промову прекрасною, Гудович відправив її далі – до столиці, голові Комісії «об училищах» Завадовському.

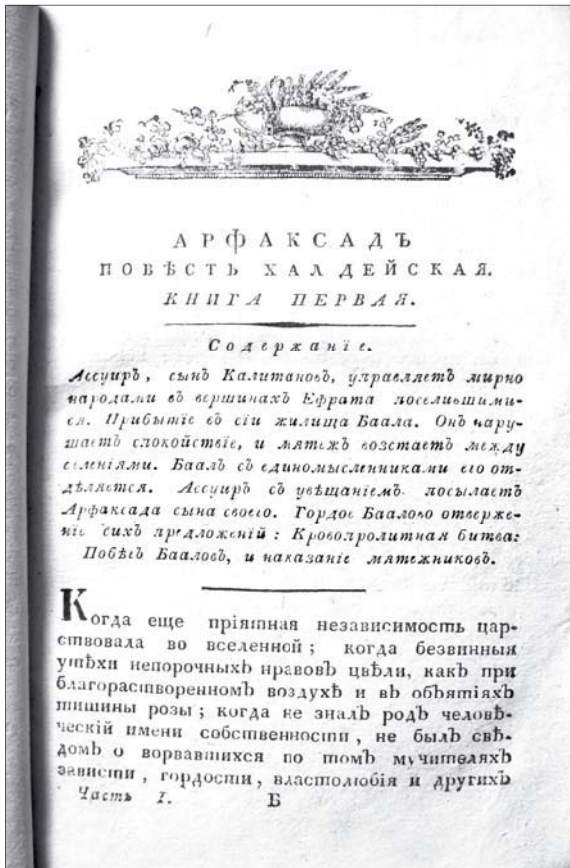
Пан Завадовський від промови, виголошеної в Тамбові, «пришёл в восторг и заявил, что подобной речи на русском языке он ещё не знал». «Речь» прочитала петербурзька верхівка. У Москві хвалили «красноречие автора». А ще «толковали, что нельзя допустить, чтобы пропал такой сильный ораторский талант, что надо дать ход «российскому Цицерону».

Хераскову належить зауваження, що така промова «и в устах самого правителя заслужила бы похвалу и уважение. В ней видны знания, дар слова и достойные человека чувствования».

Нарешті «Речь» піднесли імператриці. «Бог вразумляет мой народ, вот они, плоды просвещения!» – вигукнула Катерина II, змахнувши сльозу. І розпорядилася: негайно привезіть автора «Речи» в столицю!

Із Петербурга до Тамбова спішно відправився кур'єр.

Тим часом Захар'їн до самозабуття «общался» у приміських поміщиків. О, серед тамбовської знаті він ходив у героях! Ті, що Петра Михайловича зневажали, наразі мали за честь його приймати. Пригощали, захоплено слухали його п'яні теревені, хвалили, а головне – обсипали грішми. Тож і стався конфуз, котрий коштував йому можливої кар'єри в столиці: Петро Михайлович категорично відмовився сісти у візок петербурзького кур'єра!

Так почалося його чергове падіння. Невдовзі поширився слух, що, мовляв, простолоудин, людина «от сохи», не може володіти тим багажем духовних знань, які виявив автор «Речи». Говорили, що блискуча промова належить перу Державіна. Інші стверджували: автор її – пан Завадовський.

У взаєминах Державіна зі Захар'їним виникло напруження. Пояснення знаходимо в поденних записках Алексаші Бастідона: «Что до недобрых чувств, то у Державина с Захарьиным они обоюдные. В глазах Державина пьяница Захарьин – обезьяна; со своей стороны, Петр Михайлович честит Гавриила Романовича двоедонным чёртом. Большинство од Державина он считает неискренними и надутыми. Царицу, которую Державин превозносит до небес, утверждает Захарьин, он вовсе не любит, да и любить её, может быть, не за что, а хвалебное пишет из лести и выгоды».

Але що б там не базікали, саме завдячуючи Державіну про Захар'їна узнали. І не тільки в Росії. Так, «Речь» з'явилася друком у журналах «Зеркало Света» і «Новых ежемесячных сочинениях», вона була перекладена іноземними мовами.

А тим часом через наклепи злісних кріпосників Державіна «устранили от должности губернатора». Ось тоді заздрісники Петра Захар'їна розперезалися! Голосно обурювалися: Державін образив «благородное тамбовское общество». Підсунув промову нікому не відомому простолоудину, однодворцю.

Додала вогню новина: «высочайшее лицо» призначило Захар'їну пенсію у розмірі 300 рублів на рік. Коли радісно-збуджений Петро Михайлович прибіг за грішми, то його в очі висміяли. Ось як про це свідчив дописувач із «Северных лесов»: «Тебе ли-де мужику сочинить этакую речь..., твоей ли фигуре написать её...»

Захар'їн боляче пережив інцидент. Щоб довести всім, що він є автором промови, вирішив написати художній твір.

До речі, в ті часи виходило немало світських видань. Популярністю в дворян користувалися художні твори. Якщо в давнину писання книги з видуманим сюжетом вважалося ганебною спра-

вою, байдикуванням, то у кінці XVIII ст. з'явилося чимало письменників. Художня література мала попит. Престижно і модно стало формувати домашню бібліотеку. У салонах вели розлогі бесіди на літературознавчі теми, про прочитану книгу. Звичайно, не всіма творами зачитувалися. Щоб зацікавити широку публіку, книга повинна бути актуальною, відповідати смакам читачів.

Видається несумісним із реальністю той факт, що завдяки безпутному, розгульному життю Захар'їн дійшов, якої саме книги потребує його сучасник. Справді, обставини життя письменника склалися таким чином, що він пізнав як парадний бік життя дворян і чиновників, так і їхні наймерзенніші риси: рабовласницьку пиху, лють, малоосвіченість, нерозвинутість, прагнення розваг. У такому суспільстві попитом могли користуватися лише книги з неймовірним пригодницьким сюжетом, далеким від реалій життя.

Свій твір, який переріс у 15 книг, Петро Захар'їн назвав «Арфаксад. Халдейская повесть...». Довга назва підказує, які теми покладені в основу сюжету: «образ жизни и нравов древних восточных народов, новыя возстановленія чиноначалія, ниспроверженія вредной независимости, соединенія обществъ, царствъ, воздвиженіе городов, первоначальныя причины военныхъ дѣйствій и проч.». Захар'їн не обмежився пригодами, а розмістив «в приличныхъ мѣстахъ нравственныхъ рассужденій, к различнымъ предметамъ относящихся».

Для написання художнього твору, в якому зображені давні народи, потрібно мати доступ до наукових розробок і документів. Вони ж зберігаються у великих книгозбірнях. З 1790 року Захар'їн у Москві. Він повністю віддається написанню книги.

Цікаві відомості про життя-буття письменника в Москві черпаємо з листа невідомого дописувача «из Северныхъ лесовъ» (1803 р., опублікований у 13 числі журналу «Отечественные записки»).

...Коли М.С. Мордвинов, любитель словесності, добрався в Миколаїв через Москву, то зустрівся там із поетом Василем Петровим, своїм приятелем. Від Петрова віце-адмірал дізнався про книгу

«Арфаксад», яка щойно вийшла у світ. Книга зацікавила вельможу: «Пробегає тут же книгу, любуется содержанием, и спрашивает – кто автор? – «Мужик!» – Как мужик? – «Да, мужик, и ходит в смуром кафтане и с бороδοю!» – Загорелось благородное сердце патриота; он захотел непременно отыскать поселянина-автора и отдать ему должную дань уважения».

Мордвинов розшукав провулок, де квартирував Захар'їн. «Вся улица заставлена была кузницами, везде раздавался оглушительный стук молотов: неопрятные толпы теснились около станков, где куют лошадей. – Карета благодетельного вельможи остановилась у простой харчевни. На вопрос: здесь ли живёт Петр Михайлов Захар'ин? Отвечали: здесь, но там, выше...»

Вице-адмірал, приклавши до стіни драбину, вибрався на горище. Приміщення нагадувало «дерев'яний сруб, в 7 шагов длины и пять ширины». Дружина відомого письменника «в рубище стряпала около закоптелой печи». Між непрошеним гостем і господаркою відбулася така розмова:

«Как же муж твой работает при таком страшном стуке молотов?» – «Он, батюшка, пишет по ночам, а днём ходит по Москве, как бы где хлеба достать.» – «Хорошо! пришли же его ко мне, я вот такой-то, живу там-то...»

Мордвинов стояв, роздумуючи: «И здесь, в этой чердачной клетке, написан Арфаксад, и в сем бедном углу автор, в воображении своём, одолаёт красавиц Востока в богатые одеяния, омывает их благовонными водами, наряжает в драгоценные алмазы и жемчуги, и – в тёмном углу своём – рисует светлыя, великолепныя картины».

Через кілька днів Мордвинов помітив у своїй приймальні дивного чоловіка: «небольшого роста, необыкновенно изуродованного оспою, уныние – на лице, блеск ума – в глазах. Это сам Захар'ин». Вельможа розпорядився: «Заезжай в Козлов; жена сказывала, что у тебя остались там кульки с бумагами. Возьми свои кульки и приезжай в Николаев, – там будут тебе рады».

П'ятнадцять книг «Арфаксаду», кожна із яких займає понад 300 сторінок, друкувалися у Москві впродовж 1793–1796 років. Видання, що складається з п'яти товстих томів («частей»), надруковано «иждивением книготорговца С. Ю.» Одна книга коштувала 620 копійок.

Це ошатне книжкове видання. Середнього формату, в шкіряній оправі коричневого кольору. Круглений корінець прикрашає декоративно-шрифтове тиснення бронзовою фольгою. На червоному тлі відбито назву книги та номер частини. Виділено бинти. Красивий титул – широка рамка в лавровому листі. Внизу зображена стрічка, зав'язана бантом. Тонким курсивом надруковано вензель – початкові літери автора твору. На місці заставки і закінчення чіткі візерунки. Форзац кольоровий, із суцільними червоно-синьо-зеленими хвилястими лініями. Пагінація сторінок угорі: арабські цифри межують із декоративними елементами.

Книга Захар'їна «Арфаксад» мала шалений успіх. Неймовірні, далекі від реального життя колізії роману вповні задовольняли тогочасних читачів.

Про цю книгу добре відгукнувся Державін.

У Москві вийшов ще один твір Захар'їна – «Путь ко благонравию, или сокращенное наставление обучающемуся юношеству, содержащее в себе полезныя и нравоучительныя правила для всякаго звания и состояния людей».

Книги принесли визнання Захар'їну. Матеріальний стан письменника покращився. Напевне, не надовго. Адже з 1797 року Захар'їн уже в Миколаєві.

Тут Петро Михайлович отримав місце викладача в кадетському корпусі з пристойною платнею. Згодом йому присвоїли військове звання поручика. «Н. С. и достойная супруга его (мовиться про Мордвинових), сия редкая чета, оставившая по себе прекрасную память в сердцах николаевских жителей, осыпала ласками и благодеяниями Захар'їна», – розповідає мешканець Северних лісів.

Відомостей про перебування Захар'їна в Миколаєві мізер. Як глибоко віруючий чоловік, він не міг не бувати в правоставному храмі. Тож у Сповідальній книзі Адміралтейського собору за 1797 рік письменник значиться серед «Черноморскаго кадетскаго корпуса штаб и обер офицеров и прочих чинов». В Книзі відбита й така інформація: «Поручик Петр Захар'ин – 53 года. Жена его Елена Петровна – 40 лет. Дети: Михайла – 15 лет, Александра – 6 лет».

Безперечно, в Миколаєві Петро Захар'їн товаришував із поетом Семеном Бобровим. Попри спільні інтереси, обидва вийшли з російської глибинки, жили в Москві. Характерною рисою обох була скромність, працьовитість, допитливість. Писали моралізаторські твори, прагнучи перевиховати молодь, яка розважалася, пропадала на балах.

Попри нарікання на погані побутові умови, відірваність від великих культурних центрів, у Миколаєві письменники отримали найголовніше – пристойне проживання та умови для роздумів і усамітнення. Під затишним крилом адмірала М.С. Мордвинова мали змогу друкувати свої твори.

Щедрий урожай з книгодрукування вдалося зібрати Захар'їну. Деякі книжки його перевидавалися. Вчитаймося у нижченаведений список книг:

1. Новый синопсис или краткое описание о происхождении славенороссийскаго народа... – Николаев. В Черноморской Адмиралтейской Типографии, 1798.
2. Арфаксад... Ч. 1–2. – Николаев. В Черноморской Адмиралтейской Экономической Книгопечатне, 1798.
3. Приключение Клеандра, храбраго царевича лакедемонскаго и Ниотилды, королевны фракийской, российское сочинение. Ч. 1–2. – Николаев. Тип. Черноморская адмиралтейская, 1798.
4. Речь, говоренная в 22 день сентября 1786 года... – Николаев, 1798.
5. Путь ко благонравию... – Николаев. Тип. Черноморская адмиралтейская, 1798.
6. Арфаксад... Ч. 1–6. – Николаев. Тип. Черноморскаго Штурманскаго училища, 1803.
7. Путь ко благонравию... – Николаев. Тип. Черноморскаго депо, 1808.
8. Поэма «Пожарский» в 12 песнях. – Николаев. Б. р.
9. Наставление отца к сыну. – Николаев. Б. р.

«Новый синопсис...» використовувався як підручник із вітчизняної історії у морських училищах. Він був надрукований великим тиражем. Це припущення ґрунтується на такому факті: порівняно з іншими миколаївськими старими виданнями (досі відомими) «Новый синопсис...» виявив найбільшу кількість примірників.

Представляє інтерес «Приключение Клеандра, храбраго царевича лакедемонскаго и Ниотилды, королевны фракийской, российское сочинение». Ганна Чубко дослідила, що з медицини протягом 1798 року в Росії побачила світ названа книга П. Захар'їна та ще Д. Лінда «Опыт о действительных способах к сохранению здоровья служителей». З огляду на те, що від 1765 до 1800 року громадянськими друкарнями України було випущено понад 70 видань, і з них лише чотири з медичної тематики, то дивує діапазон інтелектуальних інтересів Захар'їна. Його розуміння потреб часу, працьовитість, донесення читачам своєї праці.

Життя Петра Михайловича перервалося в Миколаєві. Це записано у Метричній книзі Миколаївського Адміралтейського собору: «24 марта 1799 года. Погребал протоиерей Ефимий Савурский в Соболе отставного капитана Петра Захарьина, коему от роду 55 лет».

* * *

Біографія російського письменника кінця XVIII ст. Петра Захар'їна і його книги варті глибокого дослідження: відкривається високий ментальний план особистості, що трудилася в духовній сфері Північного Причорномор'я на початку його освоєння; поповнюється цілісне уявлення про розвиток книговидавничої справи в нашому краї.

Автор – старший науковий співробітник Музею книги і друкарства України.

Влас ДОРОШЕВИЧ

ЕВРЕЙСКИЙ ПОГРОМ В НИКОЛАЕВЕ (1899 г.)

Южные города на Пасхе живут всегда немножко на вулкане. Перед праздниками расклеиваются объявления, в которых запрещаются скопища народа. По улицам ходят патрули. Чтобы «меньшая братия» чувствовала себя в эти дни подовольнее жизнью, устраиваются розговены для «босяков». В пожертвованиях на эти розговены принимают очень большое участие евреи. Это, так сказать, страхование от погромов.

В этом году страховка не помогла.

В Николаеве, – 100 тысяч жителей, из них 30 тысяч евреев, – вспыхнул погром.

Эта грозная болезнь обладает страшной заразительностью.

– В Николаеве погром! – Это пронеслось, как раскаты грома над югом.

– Николаев! Николаев! Николаев! – только и говорят в Одессе, Херсоне, окрестных городах.

По рукам ходит номер «Южанина», где на первой странице жирным шрифтом отпечатано:

«Приказ и. д. николаевского военного губернатора. Апреля 21-го дня 1899 г. № 2173.

В виду появления в городе Николаеве уличных беспорядков и насилий над имуществом граждан, объявляю для всеобщего сведения:

1) Сборы народа на улицах, тротуарах и площадях воспрещаются.

2) Ворота и двери на улицу должны быть заперты и открываются лишь в случаях крайней необходимости.

3) Магазины, лавки и погреба, в которых продаются вино и водка, а также трактиры со спиртными напитками должны быть заперты, и

4) Виновные в неисполнении вышеозначенного будут подвергнуты мною ответственности на основании положения об усиленной охране».

Николаев, за последнее время быстрорастущий, шумный, оживлённый город, неузнаваем.

Приезжаю, – гостиницы переполнены.

– Приезжими?

– Нет, местными жителями. Еврейские семьи, нагруженные узлами, переселяются в гостиницы «до среды». Так и платят вперёд, какую угодно цену, до среды Фоминой недели. В подмётных письмах говорится, что 25, 26 и 27 апреля погром будет возобновлён.

Все банки заперты.

У отделения государственного банка караул с ружьями.

Около привозного рынка стал бивуаком казачий патруль.

Около думы – казаки.

На городском рынке ружья в козлах. Стоит пехотный караул.

На Соборной улице, – «Невском проспекте» Николаева, – большинство магазинов закрыто. В тех, которые открыты, железные шторы над дверьми и окнами подняты наполовину: словно вот-вот готовы закрыться при первой тревоге.

Мало прохожих.

Словно в городе чума!

Веет печалью, унынием, паникой.

Ужасом веет от окон, повсюду закрытых ставнями, от образов, выставленных в окнах, от маленьких образов, словно умоляющих о пощаде.

Вот большой, новый, красивый, трёхэтажный дом, которых теперь много растёт в быстро богатеем Николаеве. Его фасад напоминает иконостас. В каждом окне, на воротах – образа.

Все ставни закрыты. Тишина. Дом точно замер. Только ярко горят на солнце золотые ризы икон.

Этот огромный дом, словно в ужасе осеняет себя крестным знаменем.

Такие картины на каждом шагу.

На городском базаре, охраняемом солдатами, из десяти лавок открыта разве одна. На каждом шагу развороченные железные шторы, – следы погрома. Над дверьми открытых лавочек образа. Они решаются торговать только под охраной икон. Какое странное впечатление производит крошечная лавчонка готовой обуви с повешенной над нею Неопалимой Купиной, охраняющей это маленькое, жалкое достояние.

Вот лавка готового платья. На вывеске на двух чёрных фигурах, изображающих «фрачника» и франтовитого «сюртучника», большими буквами мелом написано:

– Христос воскрес!

На дверях, на вывесках всех запертых русских лавок мелом поставлены кресты. Иконы зачастую и в еврейских домах. Кресты и на запертых еврейских лавках.

Вот какой-то крупный бакалейщик поставил на всех вывесках своей запертой лавки крупные кресты. Бедняга, видимо, растерялся и забыл, что на вывеске ещё крупнее написано:

«Аарон Израилевич».

Или что-то в этом роде.

Ветер носит над городом пух, словно цветут тополи.

Целые улицы, где сплошь перебиты окна. Разбитые маленькие лавчонки, с заколоченными обломками досок дверьми и окнами. Свороченные и лежащие на боку будки, где торговали сельтерской водой. Полуразобранные штабели камня, заготовленного для мостовой. Местами разобранные тротуары.

Кварталы, в которых происходил погром, словно под снегом. Местами на несколько вершков летит пух. «Снег» этот сверкает на солнце; тротуары покрыты осколками стёкол.

Как будто какой-то ураган пронёсся над городом. И над всей этой картиной разрушения – уныние, ужас, ожидание нового погрома.

«Morituri»¹ – евреи робко выходят на улицу узнать, что нового, обмениваются вестями, от которых мороз пробегает по коже.

¹ Morituri (лат.) – идущие на смерть.

– В Доброе отправлены две роты солдат.

– И в Березниковатом тоже!

– И в Новом Буге.

«Доброе» – земледельческая еврейская колония, в четырёх станциях от Николаева, туда, действительно, отправили солдат.

Березниковатое и Новый Буг – богатые местечки, где тоже, говорят, начались погромы.

– А что будет у нас?

– Полиция велит запираяться. Советуют на три дня запастись провизией.

И все эти вести с быстротой молнии разносятся по городу. И 30 тысяч человек с ужасом ждут, что их вот-вот пустят нищими.

И воспоминания о пережитых бедствиях, сплетаясь с ожиданиями грядущих, создают ужасную, мучительную атмосферу паники.

Беспорядки в Николаеве продолжались три дня, – из них первый день был днём озорства, второй – днём безобразий и третий – днём грабежа. Это обычный порядок еврейских погромов, которые начинаются всегда с озорства, переходят в разрушение имущества и заканчиваются обязательно грабежом.

На второй день Пасхи, 19 апреля, под вечер, часа в четыре, на захолустной Глазенаповской улице отдельные группы, человек по пяти, начали сворачивать будки, где торгуют сельтерской водой.

Как и во всех южных городах, в Николаеве такие будки на каждом перекрёстке. Торгуют в них почти исключительно евреи.

Это было простое озорничество. Человек пять рабочих, совершенно трезвых, «принимались» за будку, срывали крышу, разбивали посуду, сифоны, с гиканьем, улюлюканьем, смехом сворачивали будку и шли дальше.

Так длилось до вечера.

В это же время на Сенной площади обычная большая толпа гуляла около балаганов. Мальчишки начали привязываться к проходившим евреям. В двоих начали кидать камнями, разбили им лица.

Тем кончились происшествия этого дня. Никто не был арестован. В центральных частях города даже не знали о том, что происходило на Глазенаповской улице.

Город спокойно заснул, и в уличных безобразиях никто не увидел начинающегося погрома.

Ночь прошла спокойно.

Ранним утром 20 апреля на Сенной площади начала собираться толпа. К десяти часам собралось около 5000 человек.

В Николаеве до 7000 заводских рабочих. Их было очень мало в толпе. Немного было и местных «слобжан», жителей слободки, отчаянного народа, больших пьяниц и озорников. Большинство со-

стояло из пришлого люда, крестьян Орловской губернии, каменщиков, мостовщиков, плотников, землекопов. За последнее время Николаев привлекает массу пришлого чернорабочего элемента.

Они живут артелями, – так артелями и явились на площадь. Во всех беспорядках эти орловцы шли «в первую голову».

Толпа была совершенно трезвая. Подгулявших и «празднично настроенных» было очень мало.

На площади появилась полиция и 150 казаков. Но, конечно, они были бессильны против пяти-тысячной толпы.

В десять часов приезжал военный губернатор и обращался к толпе с увещанием. Толпа не расходилась, но и не буянила. Она толкалась на площади.

Так длилось до 12 часов, когда небольшая партия парней принялась громить еврейскую лавку готового платья на углу Сенной площади.

Толпа заволновалась.

Кинувшиеся к месту погрома полицейские и казаки, были встречены градом камней.

– Полицейский, такой сякой, не подступайся! Убьём! – кричали в толпе.

Вместе с тем, крики, хохот, улюлюканье, всё сильнее и сильнее раздавались на площади, – и около часа пополудни толпа, разделившись на две части, ринулась – одна часть по направлению к Католической и Херсонской улицам, другая бросилась по Песчаной.

Трудно понять, почему избраны были именно эти кварталы, – вовсе не богатые, скорее бедные. Но, очевидно, в тот день ещё не имелось в виду заняться специально грабежом.

Как назло, Николаев теперь делает новые мостовые. И около Сенной и по всем улицам сложены огромные «штабели» камня. Толпа моментально была вооружена.

Бежали отдельными группами, человек по пятидесяти, мальчишки впереди.

Проходя теперь по этим разгромленным улицам, поражаешься тем тщательным выбором, который делался между русскими и еврейскими домами.

Мне говорили, что дома были заранее помечены коноводами. На воротах многих домов, действительно, написаны какие-то цифры мелом. На одних ноль, на других единица, на третьих двойка.

Значат ли примётки что-нибудь, или нет, но только толпа тщательно выбирала еврейские дома.

В окна одного из русских домов полетели камни. Хозяйка дома выбежала к толпе:

– Что вы делаете? Мы русские, православные!

– Так чего ж вы заставляетесь ставнями?!

И град камней моментально прекратился.

Домовладелец-еврей Корсунский, на углу Херсонской и Малой Морской, имеющий огромный, новый трёхэтажный дом, встретил нахлынувшую гурьбу, человек в пятьдесят, у ворот поклонами. Он пригласил буянов к себе в квартиру, приказал подать в столовую всё, что было в доме съестного;

– Угощайтесь!

И предложил 25 рублей на чай:

– Только не трогайте моего дома!

Буяны выпили, съели всё, что было поставлено, взяли 25 рублей и сдержали слово: в доме не разбито ни одного стекла.

Вообще погром не носил особенно злобного характера. Это было скорее озорство, «баловство» расходившейся толпы.

Тут было больше издевательства, чем злобы.

Громили нищенские мелочные лавочки и лавочки бедных ремесленников.

Бежали от лавочки к лавочке и мимоходом колотили стёкла. В толпе, очевидно, были коноводы.

Раздавался свист.

– Ребята, стой, лавочка!

Мальчишки пускали камнями в стёкла. Взрослые выламывали рамы, двери, и всё, что было в лавочке, – табак, спички, пуговицы, свёртки чая – летело в окна «на шарап».

Стойки, мебель ломали, били посуду, распарывали перины, подушки и бежали дальше, кидая камни в окна, пока не останавливала новая команда:

– Ребята, стой, лавочка!

Попрятавшихся евреев никто не искал. Обычных при прежних погромах случаев истязаний, тяжких побоев, насилий над женщинами не было.

Встречавшихся на пути евреев хватали и били. Но это не были жестокие побои озверевшей черни. Это было скорее издевательство над беззащитным. Надавав пощёчин, толпа с руганью отпускала побитого. В этом больше глумления, чем желания причинить тяжёлый вред.

За весь день был только один случай ограбления на улице. Одну проходившую по улице еврейку встречная толпа заставила снять 6 колец.

Только в одном месте я видел следы жестокой, неукротимой злобы.

Это – в доме крупного городского подрядчика еврея Либина. Либин – крупнейший в городе, почти миллионер, подрядчик по мостовой части.

В толпе, громившей его дом, было много мостовщиков, рабочих его конкурентов.

У Либина была обстановка, стоившая тысяч двадцать. Не осталось щепки на щепке.

Его дом представляет страшную картину разрушения.

Все комнаты завалены обломками дерева и осколками посуды. В одной из комнат валяется остов рояля, с разбитой крышкой, с оборванными струнами. Немало нужно трудов, чтоб так искромсать несчастный инструмент! Разоряли дочиста. Обрывали даже грошевые, тростниковые шторы на окнах.

Когда вы идёте по полу, – чувствуете, как половицы пляшут под ногами. Поднимали полы, отдирали доски, ища, не спрятал ли где Либин деньги. Разбили всё даже в подвале под домом.

Большую несгораемую кассу вытащили во двор, колотили большими камнями, железными ножками от кроватей – и ничего не могли поделать.

Быть может, вид этой неподдающейся кассы и озлобил так толпу. Толпа искала Либина, допрашивала у его рабочих:

– Где хозяин?

Рыла и шарила везде. Но, к счастью, не нашла спрятавшихся в сарае несчастного подрядчика с семьёй.

Это, кажется, единственный случай истинно-злобного погрома. Во всех остальных толпу, видимо, просто развлекали звон стёкол и летящий по воздуху пух.

Это безобразие продолжалось до четырёх часов, когда толпа разошлась небольшими группами по разным сторонам, на ходу продолжая бить стёкла.

Так перебили стёкла в обеих еврейских синагогах, еврейской дешёвой столовой, опрокинули много будок с сельтерской водой.

Второй день погрома кончился. Пострадало 79 еврейских помещений. Убытка, – не считая убыт-

ков г. Либина, – заявлено на 25 тысяч.

Николаев охватила паника. В окнах появились иконы, пасхи, ночью многие нарочно открыли ставни и зажгли лампы, чтобы толпа в случае ночного погрома видела, что здесь живут христиане. Иконы, как я говорил, появились и во многих еврейских домах. Николаев не спал. Но ночь снова прошла как нельзя более спокойно.

Утро 21 апреля застаёт Николаев на военном положении.

В районе Сенной площади и нового базара с каменными лавками разъезжают патрули.

Часов с семи утра в рабочих кварталах около Сенной начинается движение. По углам улиц сходятся большие группы. Толпа собирается и на Сенной. Появились бабы, – верный признак, что предстоит грабёж.

Толпа собирается именно для грабежа. На всех почти задержанных в этот день найдено по несколько надетых одна на другую рубах. По три, по пяти, даже по восьми.

– Зачем это?

– Всё так ношу!.. Для здоровья! – объясняют одни.

– На случай казаков. Ежели нагайками разгонять будут, чтоб не так больно было! – более чисто-сердечно сознаются другие.

Это один из обычных приёмов при погромах.

В половине десятого эта толпа с криками: «идём бить лавки!» – устремляется на базар.

С половины десятого до полудня длится разгром базара.

Бьют почти исключительно еврейские лавки, торгующие, по большей части, готовым платьем, но мимоходом разбивают и сапожную лавку одного из старейших русских торговцев Николаева.

Лавки заперты. Железные шторы спущены. Толпа разбивает камнями, влезает в лавки, наскоро тут же переодевается.

Многие из пойманных имели курьёзный вид.

На одном, например, было надето, один на другой, шесть пиджаков, пять панталон. «Слоёный джентльмен» едва мог ходить, не в состоянии был согнуть руки.

Одного «босняка», рабочего из порта, поймали с поличным потому, что он не только не мог бежать, – не мог идти. В участке он молил, чтоб прежде всего с него сняли обувь. Ноги у него совсем посинели. Пришлось разрезать обувь, чтоб её снять. Оказалось, что злосчастный человек грабил лавку обуви и надел женские полусапожки!

Ловили изумительно толстых баб, у которых из-под накиннутых новёшеньких ротонд вынимали по штуке фая, сукна, миткаля, по шести фуражек, по пяти с половиной пар разрозненных ботинок, – всё это вместе!

Толпа не подпускала полиции. Камни летели градом.

– Пристав, не подходи! – кричали в толпе.

Между тем подошли войска. Они окружили базар. Казаки с двух сторон въехали на базар, – толпа бросилась врассыпную.

Отдельные группы были окружены и задержаны.

Разбежавшаяся толпа устремилась в слободку, – там громили мелкие еврейские лавочки и разбивали стёкла.

Так кончился третий день погрома.

Весть о Николаевском погроме разнеслась по ближайшим посадам.

И вот 22 апреля утром на привозном рынке появилось необыкновенное количество телег.

Это были «посадские люди» из Калиновки, из Гороховки, из Богоявленска, жители которого считаются отчаянными головорезами и готовы на грабёж во всякое время дня и ночи, из Водопоя, знаменитого своими конокрадами.

Они понаехали в город в телегах, нагруженных заготовленными «для всякого добра» пустыми мешками, – на каждой телеге парней по шести, по восьми.

Если б не успели предупредить, – образовалась бы толпа тысяч в пятнадцать. Но какая толпа!

К счастью, приезд «посадских людей» был грандиозен до курьёза.

– Перед пасхой такого базара не было!

Прискакали казаки и «посадских людей» с их телегами и заготовленными мешками, выпроводили из города.

«Посадские люди» сорвали злость на еврейском кладбище, мимо которого они ехали: разбили дом сторожа и исковеркали много памятников.

И живым, как видите, досталось и мёртвым.

В итоге, не считая застоя в делах, эти три дня стоили Николаеву, вероятно, около 300 тысяч. Дорог был третий день грабежа.

В двух тюрьмах Николаева, – городской и морской, – содержится около 400 арестованных.

Около двадцати человек получили тяжёлые раны камнями.

Убит единичным, неизвестно пока кем сделанным, выстрелом один. Достоверно только, что стрелял не еврей. Убитый кидал камнями и кричал;

– Бей живее!

Он оказался... евреем!.. Известный в городе вор, думавший, очевидно, «попользоваться» при грабеже единоверцев.

Участки Николаева переполнены «поличным», – вещами, найденными у грабителей.

Чего тут нет! И измазанные в грязи, изорванные штуки шёлковой материи, и пачки махорки по пяти копеек, и детские соломенные шляпы, и лисьи салоны, и грошевые леденцы, и даже коробки шведских спичек.

Подводя итоги беспорядкам, следует ещё раз отметить этот факт: толпа всё время была трезвая. Винных лавок не разбивали.

На одной из слободских улиц перепуганный сиделец казённой винной лавки хотел было запечатать лавку, но буяны его остановили:

– Стой. Не надо!

И заставили продавать им водку, расплачиваясь совершенно аккуратно.

Хотя, вообще, пили мало. В одной, например, из винных лавок около Сенной в один и тот же день Пасхи торговали: в прошлом году на 600 рублей, в этом около 150-ти. То же замечалось в других лавках.

Толпа была безобразна, но не пьяна.

Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922). Театральный и художественный критик, один из самых популярных журналистов дореволюционной России, мастер газетного фельетона. Очерк «Еврейский погром в Николаеве (1899 г.)» родился по личным впечатлениям В. Дорошевича в пору его сотрудничества с редакцией газеты «Одесский листок». Впервые опубликован в петербургской газете «Россия» 29 апреля 1899 г. (№ 2). Печатается по тексту Собрания сочинений В. М. Дорошевича в 9 томах: т. II. Безвременье. – М. : Товарищество И. Д. Сытина, 1905.

Владимир ЩУКИН

КАК ЭТО ПРОИСХОДИЛО В УКРАИНЕ

Еврейские погромы стали одной из наиболее позорных страниц отечественной истории XIX–XX вв. Их предпосылкой следует считать события конца XVIII в., когда в результате трёх разделов Речи Посполитой в составе Российской империи оказались земли Правобережной Украины, на которых к тому времени проживало большинство восточноевропейских евреев. Для этих новых подданных Российской империи тогда же была установлена «черта еврейской оседлости», т.е. ограниченная территория страны, где евреям разрешалось постоянное проживание. В её состав включили большинство украинских губерний, а также недавно присоединённую и пока ещё слабо заселённую Новороссию. Евреи, в числе прочих, активно переселялись на южноукраинские земли, во многом способствуя их экономическому освоению и интеграции в общероссийский и европейский рынки. Естественно, что здесь нередко имела место недобросовестная конкуренция, примером чего был еврейский погром в Одессе 1821 г., спровоцированный греками, которых евреи постепенно вытесняли из городской и хлебной торговли. В дальнейшем местная администрация нередко использовала юдофобские настроения и провоцировала погромы для того, чтобы дать возможность таким образом выплеснуться накопившейся социальной напряжённости. Волны погромов прокатывались по украинским землям начиная с середины XIX в. с удивительной регулярностью – через каждые 7–10 лет. Вплоть до начала 60-х гг. эта проблема не была актуальной для Николаева, поскольку, начиная с 1829 г. на протяжении более 30 лет, евреям запрещалось постоянное проживание в этом городе.

Особый масштаб имела волна погромов 1881–1882 гг., охватившая большинство городов и местечек «черты оседлости». Непосредственным поводом к ней стало покушение на императора Александра II. Первый крупный еврейский погром в Николаеве произошёл именно в этот период.

Трагические события трёхдневного еврейского погрома, происходившего в дни православных пасхальных праздников (19–21 апреля) 1899 г. в Николаеве, получили всероссийскую известность, поскольку в соседних крупных городах Одессе и Херсоне в эти дни было достаточно спокойно, в отличие от предшествовавших 1881–1882 гг. С учётом последующих событий 1905–1907 гг., когда погромные события также происходили по всей Украине, николаевский погром 1899 г. оказался событием исключительным, не имевшим повторения в других городах региона. В значительной мере этому способствовал очерк Власа Дорошевича «Погром в Николаеве 1899 г.», написанный для газеты «Одесский листок».

Достаточно популярный к тому времени публицист и журналист не был непосредственным свидетелем погрома. Он прибыл в Николаев по заданию редакции 22 апреля 1899 г., на следующий день после его подавления. Очерк написан «по горячим следам» событий и ярко отражает настроения и эмоциональное состояние жителей города в эти дни. Произведение Власа Дорошевича представляет особый интерес тем, что отражает живые впечатления человека, увидевшего следы вчерашнего погрома.

Пользуясь свидетельствами очевидцев событий, журналист талантливо реконструирует картину трёхдневного разгула погромной стихии, подчеркивая, что местная администрация и полиция оказались бессильны перед этим явлением и не проявляли особой инициативы. Журналист обратил внимание на то, что участие рабочих местных заводов в погромных событиях было минимальным,

а наибольшую активность проявили приезжие сезонные рабочие, число которых в бурно развивавшемся городе было очень велико.

Стоит отметить, что у автора очерка, несомненно, были информаторы, в том числе и из числа полицейских, поскольку приведённые им примеры поразительно совпадают с фактами, зафиксированными в полицейских отчётах и протоколах, к ознакомлению с которыми журналист, конечно же, не мог быть допущен.

Как выяснилось, очерк так и не появился в «Одесском листке», поскольку автор, вступив в конфликт с руководством газеты, вскоре уволился и выехал в Петербург. Через некоторое время «Погром в Николаеве 1899 г.» удалось опубликовать в столичной газете. Сам Дорошевич считал это произведение одной из своих журналистских удач, поскольку впоследствии включил его в собрание своих сочинений.

Сведения о погроме, поданные николаевскими, одесскими и херсонскими газетами, были достаточно лаконичными, что вполне объяснимо с учётом жёсткой цензуры. Исключение составила лишь херсонская общественная газета «Юг», которая 12 июля 1899 г. о последствиях николаевского погрома писала следующее: «Антиеврейские беспорядки, имевшие место в Херсонском уезде, явились непосредственным отголоском николаевского погрома. Случайно или нарочно в период николаевских беспорядков, продолжавшихся несколько дней, в Николаев съезжалось население ближайших сёл и посадов, которое увозило с собой слух такого рода, что «евреев бьют и евреев бить позволено»... С 22 по 26 апреля беспорядки с большей или меньшей силой повторялись в различных пунктах уезда: в колониях Нагартаве, Романовке Добрай...».

Та же газета отметила, что впервые в истории николаевской еврейской общины «многие почётные и состоятельные лица местного еврейского общества, желая прийти на помощь семействам, пострадавшим во время бывших 19, 20 и 21 апреля беспорядков, изъявили готовность внести личные пожертвования, а также собрать новые среди других лиц, чтобы на собранные таким образом суммы были восстановлены разрушенные торговые заведения и уничтоженные хозяйства потерпевших». Городовой раввин Багров обратился к исполняющему дела Николаевского военного губернатора А.В. Федотову с просьбой о разрешении образования временного комитета для сбора пожертвований.

Газета подробно информировала о первом судебном процессе над зачинщиками и виновниками николаевского погрома. Обвинялись 32 человека, в том числе 9 женщин, задержанных с разными вещами, разграбленными во время беспорядков. «По месту приписки обвинённых большее число приходится на местных жителей, а затем следуют тульцы, орловцы, есть и жители посада Богоявленска. Возраст обвиняемых различный – от 16 до 60 лет. Обвиняемые все были обличены, все подвергнуты одинаковому наказанию – 3-месячному тюремному заключению... за исключением 16-летнего Гавриленко, как не подлежащего заключению, он отдан под судебный надзор».

Газета «Юг» подробно освещала и второй судебный процесс над виновниками погрома, проводившийся в Николаеве на протяжении трёх дней выездным заседанием Одесской судебной палаты. Отмечалось, что в числе подсудимых много чернорабочих из числа николаевских мещан, домовладельцы-собственники. Среди участников погрома были живущие артелями выходцы из Орловской, Курской и других губерний, промышляющие в качестве каменщиков, штукатуров, печников и др. ... Самому старому из подсудимых мещанину Ивану Будникову было 66 лет, самому молодому Тихону Пазюченко – 18 лет. В газете детально излагался весь ход судебных заседаний, приведены наиболее яркие показания свидетелей, в том числе и местных полицейских чинов. Именно их показания убеждают в том, что масштабы погрома, число жертв и количество разграбленного еврейского имущества могли бы быть гораздо меньшими, если бы полиция и введённые в город войска действовали более энергично и организованно. Бездействие полиции лишь провоцировало погромщиков к более активным действиям. Участвовавший в судебном процессе известный российский адвокат Н.П. Карабчевский пытался выяснить у николаевского полицмейстера Белаша внутренние причины происшедшего, получить объяснение по поводу того, что погром, сначала незначительный, постепенно увеличивался и расширялся, а затем разом прекратился к концу третьего дня. Полицейстер затруднился дать какое-либо объяснение этому факту.

Адвокат обратил особое внимание на один из факторов, способствовавших тому, что погромщики чувствовали себя безнаказанно. Он отметил: «Явление, с точки зрения фактической, исчерпывается немногими словами: громили, где могли, и расхищали всюду, совершая это на протяжении трёх суток толпами, или, вернее, шайками... но только работали они не при обыкновенных условиях воровской деятельности, а при свете дня, на глазах у публики, в присутствии войск и полиции...». Все три дня публика в огромном числе «запруджала» улицы и площади города Николаева. Публика, говорил Карабчевский, «просто глазела и любопытствовала, беззаботно отдаваясь праздничному зрелищу. И вся эта публика, равнодушно глазающая, как бьют и грабят людей, не сознавая даже позора своего присутствия, самодовольно считает себя интеллигенцией...».

Газета поместила полный текст обвинительного заключения, вступительная часть которого подробно излагала события и факты, имевшие место в ходе погрома, их подлинность была доказана в ходе судебного следствия. Журналисты особо отметили, что лишь 8 человек из числа подсудимых признали себя виновными. Публикация всех этих материалов стала возможной лишь благодаря тому, что цензура оказалась бессильной, поскольку, согласно российскому законодательству, разрешалось публиковать без ограничений все материалы открытых судебных процессов. Таким образом, материалы, опубликованные в газете «Юг», существенно дополняют и подтверждают факты, изложенные в очерке В. Дорошевича.

Николаевский погром 1899 г. показал, что местные органы власти и правоохранительные органы так и не сумели (а возможно, и не особо стремились) найти эффективные способы противодействия погромной стихии. Впоследствии это подтвердилось в ходе ещё более масштабных еврейских погромов, охвативших украинские земли в октябре 1905 года.

Щукин Владимир Владимирович. Кандидат исторических наук, зав. кафедрой Николаевского комплекса национального университета «Одесская юридическая академия». Лауреат премии им. Н. Н. Аркаса. Член Ассоциации вузовских преподавателей иудаики стран СНГ и Балтии «Сэфэр».

КОРАБЕЛЬНЫЕ СНЫ АЛЕКСАНДРА ВЫЧЕРОВА

Не все, вероятно, знают, что искусство судостроения восходит к глубочайшей древности. Некоторые исследователи серьёзно полагают, что оно предшествовало самой культуре и цивилизации. До сих пор находят, поднимают со дна долблённые суда, которым тысячи лет.

Древнюю историю имеет и искусство строительства «малого флота». Александр Вычеров, человек уникальной биографии, первые навыки рукотворного мастерства получил ещё в довоенные школьные годы, когда посещал судомодельный кружок в Николаевском Доме пионеров. Наделённый недюжинной фантазией, он просто немел перед миниатюрной моделью корабля, представляя картины бушующего моря с неизменным белым парусником. Из этой буйной детской фантазии и рождалось желание сделать самому некое плавающее средство, будь то бумажный кораблик или подобие модели судна из найденной деревяшки. Первую настольную модель яхты он изготовил в 9 лет. Сегодня вслед за писателем Валентином Пикулем он любит повторять слова: «В моём представлении корабли могли нести людям только радость».

Когда началась Великая Отечественная война, ему исполнилось одиннадцать, в двенадцать лет он уже был воспитанником Черноморского флота, зачислен на боевой тральщик. Закончил войну бывалым моряком, имеет ранения, отмечен наградами.

Модель корабля несёт в себе историю флота, кораблестроения. Не случайно миниатюры галеонов, парусников, первых судов николаевской Адмиралтейской верфи работы Вычерова украшают личные коллекции и отечественные музеи. В 1957 году он стал победителем международной технической выставки достижений инженерной модели, привёз из Лондона серебряный кубок, который навечно поселился в Украине, занял почётное место в экспозиции Николаевского музея судостроения и флота.

За долгую творческую жизнь (сегодня ветерану труда более 80 лет) Александр Григорьевич изготовил не менее 100 корабельных миниатюр. Здесь и первый 44-пушечный фрегат «Святой Николай», построенный в Николаеве более 200 лет назад. Суда 60-х годов XX века – китобаза «Советская Украина», сухогрузы, китобойные траулеры, военные противолодочные корабли, крейсера, вертолётносцы. А модель контейнеровоза «Атлантика» «уплыла» в Москву как подарок съезду КПСС от рабочего класса Николаева. Собственно, мастер может предоставить полный список тех, кому достались модели, сделанные его руками. Первое место в этом списке занимает товарищ Сталин. Особую любовь к рукотворным миниатюрам судов питал Л. Брежнев – три работы Вычерова попали в кремлёвский кабинет генсека. Модели судов николаевского умельца дарили писателям Михаилу Шолохову, Олеся Гончару...

Александр Вычеров, пенсионер с солидным стажем, как и десятки лет назад, начинает день со скальпелем в руках. К привычным моделям судов прибавились изделия из дерева, слоновой кости, серебра, мельхиора, природных минералов. Он создал уже более 80 гемм и камей, изысканных женских украшений. Недавно отправил на международную выставку декоративно-прикладного творчества композицию «Ветка цветущей груши». Пять лет над ней работал. В композиции использовал природные минералы русских и украинских самоцветов: яшму, перламутр, лиственит, нефрит, амозонит, тигровый глаз, малахит, змеевик, опал, мрамор, оникс и морскую раковину. На рабочем столе мастера родился новый шедевр – пасхальное яйцо, для которого использовал малахит, золото, серебро, слоновую кость и драгоценные камни. Изделие николаевского мастера легко сравнимо с работами знаменитого ювелира, поставщика российского императорского двора Фаберже.

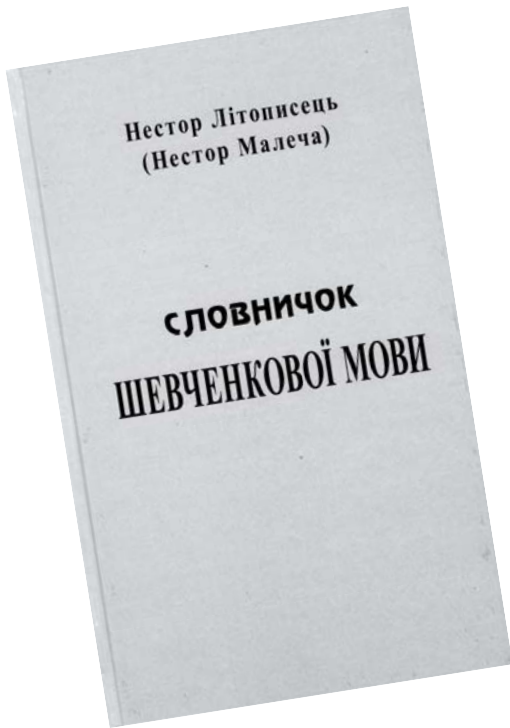
Александр Григорьевич, смущаясь, признаётся: «Сегодня мне не снятся корабельные сны». Жизнь продолжается.

Евгений Гордеев

НЕСПОДІВАНА СТОРІНКА КРАЄЗНАВЧОГО ШЕВЧЕНКОЗНАВСТВА

Наближається 200-літній ювілей від дня народження Тараса Шевченка, що будемо відзначати 2014 р. У зв'язку з ювілеєм активізувалися дослідження його творчого спадку та біографії. Згідно з дослідженням С. Чаніна «Великий рід великої людини» (2008), Тарас Шевченко був у селах Баратівка та Улянівка, нинішнього Новобузького району Миколаївської області. У своїх творах Т. Шевченко згадував Миколаїв, Вознесенськ, Очаків, Інгул, Лиман, Степ, скіфські, гунські та грецькі часи, козацькі та гайдамацькі події, чумацькі шляхи. Чимало осіб, які були з ним знайомі, перебували на Миколаївщині. Багато ще залишається нез'ясованого та маловідомого з краєзнавчого шевченкознавства Миколаївщини. До цього зверталися Ф. Камінський, В. Орел, О. Кухар-Онишко, В. Бойченко, останнім часом – І. Марцінковський.

Про те, що у Миколаєві у 1916 р. автор (Н. Малеча; псевдонім – Нестор Літописець) був надрукований «Словничок Шевченкової мови», було відомо з «Енциклопедії українознавства» за редакцією В. Кубійовича та інших публікацій. Проте ця інформація була часом невідома спеціалістам-філологам та шевченкознавцям. Невеликий наклад у 100 примірників, час і буремні події ХХ ст., безпідставне звинувачення

автора і вислання його без суду до Казахстану зробили вкрай рідким це перше у шевченкознавстві лексикографічне дослідження поетичних творів Кобзаря. Вперше за часів Незалежності про «Словничок...» і його автора написав Й. Дзендзелівський у «Записках наукового товариства імені Т. Шевченка» 1992 р. Але віднайдений ним у Львові екземпляр «Словничка...» виявився неповним.

Стараннями І. Марцінковського був віднайдений екземпляр «Словничка...» із додатком, тобто повний, на відміну того, що тримав у руках Й. Дзендзелівський. Працюючи над документами просвітянського фонду в Державному архіві Миколаївської області, Ігор Богданович віднайшов матеріали та доповнив біографію Н. Малечі саме у часі його перебування у Миколаєві, а публікаціями в журналі «Краєзнавчий альманах» (2010) і газетах «Український південь» (2010) і «Слово Просвіти» (2012) він звернув увагу краєзнавців Миколаївщини на маловідомий «Словничок...» та її автора.

Цього року завдяки ентузіазму І. Марцінковського, Є. Горбунова і К. Горбунова «Словничок...» був перевиданий, чим став доступний широкому загалу читацької аудиторії. Перевидання складається із вступної статті «Слово до читача», де висвітлюється нелегка доля Н. Малечі, миколаївські сторінки його біографії та зв'язок постаті Т. Шевченка з Миколаївщиною, а також повного тексту самого «Словничка...». Перевидання побачило світ у друкарні П. М. Шамрая із збереженням усіх особливостей оригіналу – формату, тексту, простенького паперу, кольору палітурки та накладу. Завдяки спільним зусиллям видавця і редакторів унікальним «Словничком...» тепер можна буде користуватися в усіх обласних, міських і районних бібліотеках Миколаївщини.

*Владлена Руссова,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології,
теорії та історії літератури ЧДУ імені Петра Могили*

ИЗБИРАЮ «ИЗБРАННОЕ» (О новой книге Анатолия Малярова)

Эта убористая книга с подзаголовками: «Худший из пороков», «Пьесы из психушки» и «Новеллы дня» – при взгляде на обложку сразу вызывает противоположные оценки:

Старейшая журналистка и многолетний руководитель телевидения Нина Землякова:

– С такими предпосылками кто её станет читать!

Библиотекарь Валентина Фляк:

– Это же Маляров! Тут только аура библейская, а материал на злобу дня и – вся подноготная.

Лучшая реакция идёт от читателей: смели книгу в два дня.

Я только удивляюсь и улыбаюсь. Старику Андреевичу – за восемьдесят, и ни тени усталости в работе, а иногородние коллеги пишут мне: «Я полагал, что этому автору за тридцать».

Допустим, полкниги занимает роман «Худший из пороков», написанный почти тридцать лет назад (о вербовке в сексоты, о нравах гебешников семидесятых; не физические истязания, но нравственный излом). Но две пьесы и дюжина новелл – это плоды сегодняшнего дня – уж я то знаю: Маляров приносит рукописи на рецензию мне первому. Так вот, стилистика, свежесть событий и описания их, чувство юмора, новейший сленг, главное же, понимание запросов читателя и – вкус, житейский и художественный, не подводят старого мастера.

Маляров постоянно держит в голове завет М.Р. Рильке: «Художник – это человек, который пишет с натуры». И его главный роман – это рискованный поход во всемогущую организацию надсмотрщиков духа, втирание в доверие, тайные записи в блокнот и на диктофон достоверных бесед, потом скандал, безработица по воле держателей власти и – упорная, даже весёлая работа над текстом книги. И всё в стол, кто же мог предположить, что вскоре карточный домик рассыплется.

Но до того были забавные и не лишённые юмора события. «Худший из пороков» был отвезён в одесское издательство «Маяк», где ранее уже вышли, заметно искорёженные, три книги нашего автора. Видимо, предчувствуя благие перемены, редакторы задержали внимание на книге – но! Прислали рукопись на рецензию, – куда бы вы думали? – в наш Николаевский комитет безопасности. Разумеется, были кислые разговоры и строгие намёки. Но был уже конец восьмидесятых.

Надо заметить, что чуть позже в рядах сотрудников невидимого фронта встречались люди с интеллектом. Один из них, ныне полковник, уже работающий в Киеве, Р.Н. Кравченко прочёл рукопись и сказал:

– Если бы я руководил нашим специальным высшим учебным заведением, я бы эту книгу ввёл в программу обучения.

Ещё голос из тех же стен, от молодого подполковника, кстати, весьма одарённого литературно человека, А. Середича:

– Гениально!

Может, и не гениально, но воистину художественная правда, читается запойно и воспринимается поучительно. Чего стоит финал. Читатели постарше помнят, что неугодных граждан, типа генерала Григоренко, психиатра Глузмана и тысячи иных, здоровых душевно людей, насильно отправляли в психушку. А в романе Малярова сотрудники так человечно и ласково относятся к своему подопечному, на явках и в сером доме устраивают ему чуть ли не торжественные приемы... но ведь склоняют капать на ближнего. Не учитывают организацию его психики, его творческого мышления и страхов божьих, не понимают.

Господь наш однажды сказал: страх – худший из пороков... И развивают в пациенте или клиенте, или как там они обзывают свои духовные жертвы, так вот угнездили и разрастили такой страх в

сердце Вилавы, главного персонажа, что он без помощи насильников сошёл с ума. И они, доброжелатели и опекуны, вынуждены были устроить парня в психушку реально.

Читатели понимают меня: этот роман уже выходил, и не раз, даже в Киеве, и большим тиражом. В «Избранное» он попал как главная веха к восьмидесятилетию автора.

Ещё смешной и довольно обнадеживающий парадокс получился с двумя пьесами, помещёнными в том. Деньги на издание «Избранного» выделили областные власти, много тысяч перевели издателю – это в наши-то дни, когда больше думается о хлебе насущном. Рукопись прошла через авторитетный Комитет по печати и двадцать рецензентов. Одобрив, выпустили довольно много экземпляров и разослали по градам и сёлам. А ведь комедия «Проблема – раз!» – это пасквиль на высшие наши власти – и на те, что правят, и те, что сидят. Не знаешь, что и думать. То ли у нас и впрямь свобода слова и печати, то ли такая уж удачная вещица у коллеги Малайрова. Хочу думать – последнее, но лучше и то, и другое.

«Новеллы дня» – это занимательные, достоверные коротышки для прочтения в один присест, или, как любит говорить наш автор: «Рассказы в одну сигарету». Я уже писал, что в наши дни даже глубокие, содержательные вещицы должны быть короткими. В наши непростые дни и упорный читатель может выделить для своего удовольствия полчаса, ну, час в сутки, надо же думать и действовать куска хлеба ради. Так вот вещи Малайрова – это от пяти до пятнадцати страниц текста – всегда лёгкого, порой изысканного, порой вульгарис, если потребует жизненный материал и тон изложения. А уж если вы прочтёте первый абзац, то уж дойдёте глазом до последней строки. При этом ахнете: я это наблюдал! Или: со мной точно такое было, вот не додумался пересказать. А ещё – в каждом рассказе есть новая мысль, открытая, выношенная, проверенная на прочность.

Мне неудобно превозносить приятеля, вспоминаются варианты рассказов, мой наморщенный нос – тут и тут я думаю по-другому. Но ведь признан Малайров не только коллегами, которые по отношению к нему все настроены превосходно, но и читателями. У старика вышло двадцать три книги – ни одна не лежит на полках в библиотеках. А журналы, и столичный «Киев», и николаевские «Имена», «Горожанин», «Новый век», и ведущие газеты – все с удовольствием печатают и несут публике его короткие рассказы. Часто читаются его вещи по радио и у нас, и в Киеве.

Я приветствую выход книги «Избранное» Анатолия Малайрова. Признаюсь: мы все, земляки-прозаики, держим его чуточку впереди себя.

– Лёгкого пера, маэстро!

*Александр К. Иванов,
директор Николаевского филиала
Киевского национального университета культуры и искусств,
заслуженный работник культуры Украины, профессор*

АДМІРАЛТЕЙСЬКИЙ СОБОР

Миколаївський адміралтейський собор – один з найстаріших православних храмів м. Миколаєва. Будівництво церкви розпочалося в 1789 р. за ініціативою Г.О. Потьомкіна. Храм присвячувався його небесному заступнику – святому великомученику Григорію, просвітителю Великої Арменії. Авторство архітектурного проекту приписується І.Є. Старову – одному з найбільш визначних російських архітекторів доби класицизму. Будівництво завершено в 1794 р., тоді ж храм освячено. В 1792 р. поряд з храмом біля алтарної стіни поховали першого будівника міста і храму М.Л. Фалеева.

Собор являв собою характерний для православних церков тип хрестово-купольного храму. Архітектурний декор споруди дуже лаконічний і виконаний у стилі класицизму. Споруда храму стала однією з архітектурних доміант Миколаєва, вона органічно вписувалася в ансамбль Соборної (Магістратської) площі – головної площі міста.

Указом імператора Павла I від 7 січня 1798 р. храм отримав статус адміралтейського собору. Це означало, що він переходив у ведення військового та морського відомств, а церковні служби проводилися військовим духовенством. З цього ж часу і впродовж наступних 80 років Миколаївський адміралтейський собор був головним храмом російського Чорноморського флоту та одним з центрів суспільного життя міста. Будівля храму вважалася географічним центром Миколаєва, географічно-астрономічні координати цієї споруди визначали місцезнаходження нашого міста на всіх географічних картах.

Парафіянами адміралтейського собору були чини командування Чорноморського флоту, морського порту, офіцери та нижні чини флотських екіпажів і ряду військових частин, дислокованих у Миколаєві, а також їх родини. Бувати на церковних службах у соборі вважалося престижним, тому на великі свята, суботні та недільні відправи до храму часто приїздили найвідоміші жителі міста. На службах в адміралтейському соборі неодмінно бували присутні члени імператорської родини,

які відвідували Миколаїв. За історію існування храму його відвідали всі російські імператори, починаючи з Павла I і до останнього – Миколи II.

Декретом радянської влади від 16 січня 1918 р. військове духовенство ліквідовано, в Червоній армії та на флоті діяльність церкви заборонено. В силу цього після встановлення радянської влади в Миколаєві в 1920 р. храм фактично лишився без парафіян. У 1922 р. в ході державної кампанії по вилученню церковних цінностей із собору вивезено та передано на утилізацію чимало артефактів, які являли собою значну історико-культурну цінність. У тому ж році будівлю собору передали громаді Української православної церкви, храм отримав назву Українського кафедрального собору, але невдовзі розгорнулася боротьба за право користуватися будівлею між представниками УАПЦ та «обновленської» течії Російської Православної Церкви.

Постановою ВУЦВК від 10 липня 1929 р. собор закрито, а рішенням Миколаївського міськвиконкому комплекс будівель храму та храмове подвір'я передано Миколаївському історико-археологічному музею. Згодом у приміщенні собору розгорнуто військово-морську експозицію, в 30-х роках сюди перемістили експозицію Музею революції. Одночасно почалося руйнування храмового ансамблю. В 1929 р. з дзвінниці храму знято та відправлено на переплавку всі дзвони, а наступного року знищили й саму дзвінницю. Восени 1936 р., здійснюючи план реконструкції Радянської площі, «згідно з побажанням трудящих», будівлю Миколаївського адміралтейського собору зруйнували. У передвоєнний період на цьому місці спорудили вежу для парашутних стрибків. Навесні 1944 р., після звільнення Миколаєва від німецьких окупантів, на площі, де раніше розташовувався адміралтейський собор, поховали учасників десанту К. Ольшанського, які героїчно загинули в боротьбі за звільнення міста. Згодом на цьому місці споруджено меморіал героям-ольшанцям.

Володимир Щукін

Рукописи не рецензуються і не возвращаются.

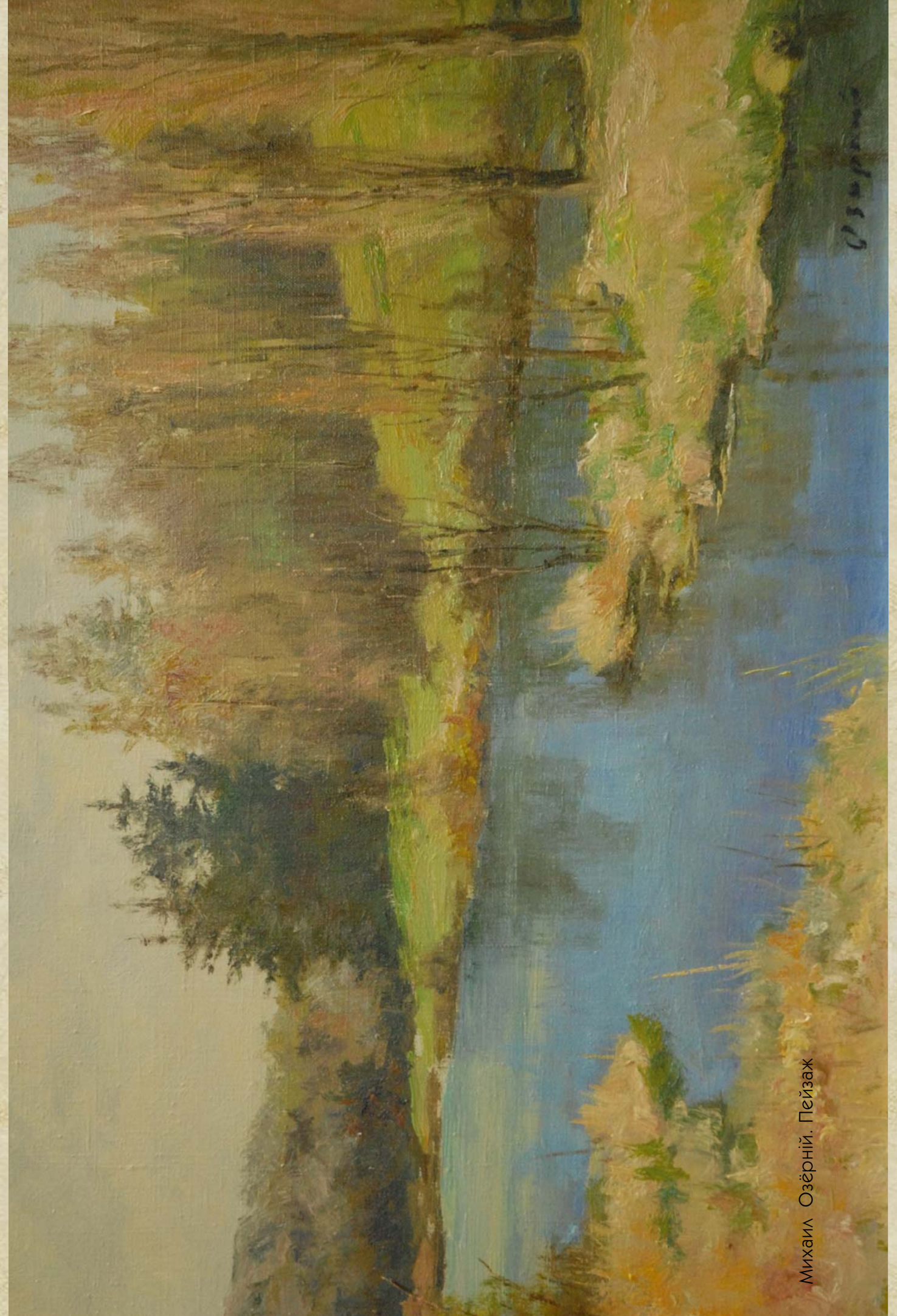
Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.

Михаил Озерный. Пейзаж

Озернов

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

■ БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

**К 200-летию Кобзаря:
был ли Т. Г. Шевченко
в Причерноморье**

■ ПОЭЗИЯ

**Аркадий СУРОВ
Лариса МАТВЕЕВА**

■ ПУБЛИЦИСТИКА

**Областной писательской
организации –
40 лет**